

Образовательное частное учреждение высшего образования
«Московский университет имени А.С. Грибоедова»

На правах рукописи

Цицинов Андрей Юрьевич

**ФЕНОМЕН ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В
СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (XVIII – XXI ВВ.)**

Специальность 10.01.10. – журналистика

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент **Юлия Викторовна Шуйская**

Москва-2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XVIII – XIX ВВ. В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ.....	19
1.1. Генезис и развитие военной журналистики в XVIII столетии	19
1.2. Военные кампании в освещении периодических изданий XIX века.....	33
ГЛАВА II. ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XX ВЕКА В СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.....	55
2.1. Первая Мировая и Гражданская войны в контексте информационного противостояния.....	55
2.2. Агитационно-пропагандистский и информационный дискурс советской журналистики Великой Отечественной войны.....	68
2.3. Территориальные и локальные конфликты в освещении отечественной военной журналистики	90
ГЛАВА III. РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НА НОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЭТАПЕ	123
3.1. Военная журналистика начала XXI века: семиотические стратегии и политические тактики	123
3.2. Медиаполе инфодемии и новые способы освещения военного конфликта	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Обоснование темы и предмета исследования. Военная журналистика представляет собой комплекс материалов, посвященных участию государства в военных конфликтах и сопутствующим вопросам – вооружению, структуре регулярной армии, военному образованию и т.д. Это особый вид журналистики, который практически всегда присутствовал в составе прессы и средств массовой информации. В российской практике массовое освещение событий началось именно с военной журналистики – первые массовые журналы и газеты, основанные при Петре I, были необходимы для освещения военных побед российского войска, а мирные новости первоначально воспринимались как второстепенные.

Условно всю историю военной журналистики можно разделить на краткие периоды «журналистики мира» и достаточно затяжные периоды «журналистики войны». С начала XVIII века и по сей день человечество практически перманентно пребывает в состоянии войны: по известным подсчетам, датируемым 1976 годом, за 5 000 лет документированной истории насчитывается всего 292 года мира на планете¹, и с тех пор эта статистика мало изменилась. Военные конфликты нуждаются в документировании и освещении – история журналистики неразрывно связана с историей войн.

Стратегию освещения военного конфликта можно условно разделить на «свою» и «чужую»: военный корреспондент отправляется на передовую в качестве представителя государства, не принимающего участия в войне, либо представляет одну из сторон конфликта и в этом случае уделяет больше внимания успехам «своих» и поражениям «чужих». Непродолжительные периоды «мирной журналистики» сопровождаются развитием специализированных средств массовой информации, рассчитанных на солдат и офицеров регулярной армии государства.

---

¹ Лихтенштейн Е. Слово о науке. – М.: Знание, 1976. С. 117.

Специфика военной журналистики Российской Империи, СССР и Российской Федерации – в особом геополитическом положении нашей страны, которая прямо или косвенно оказывается вовлеченной практически в любой вооруженный конфликт на планете. Начиная с роли «жандарма Европы» после Отечественной войны 1812 года российские и советские войска принимают участие в конфликтах, отстаивая территориальную целостность и политические интересы страны.

Журналист, который пишет о войне, реализует несколько функций. Прежде всего, со стороны средств массовой информации идет разъяснение значимости конфликта, передвижений войск и значения достигнутых результатов. В этом разъяснении нуждается не только гражданское население, находящееся в тылу, но и сами непосредственные участники боевых действий, которые зачастую не видят полноты картины и не вполне осознают значение происходящего.

Даже если война ведется на периферии государства или за пределами ее границ, потребители контента средств массовой информации воспринимают ее как значимый информационный повод, вызывающий сильные эмоции. В освещении военного конфликта общая история всегда соседствует с частной: со страниц газет и экранов телевизора показывают не только стратегические планы наступления и потери противника, но и истории обычных граждан и солдат, совершивших подвиг или ставших жертвами конфликта.

Соответственно, вторая важная функция, реализуемая военным журналистом, – это бытописание войны, непосредственные свидетельства с передовой, интервью и репортажи, документирующие ведение боевых действий. Первые свидетельства о войнах в XVIII и XIX столетии в российской журналистике представляли собой рассказы очевидцев, прямую речь участников и ветеранов боевых действий, со второй половины XIX века добавились свидетельства художников, а с начала XX века – фотографов и кинооператоров, снимавших значимые события войны.

Нельзя не упомянуть и о пропагандистской функции средств массовой информации – именно журналисты укрепляют боевой дух на фронте и в тылу, транслируют установки восприятия конфликта. С момента распространения различных способов воздействия на население с помощью средств массовой информации любое вооруженное столкновение сопровождается также информационной войной: СМИ каждого государства, вовлеченного в конфликт, выстраивают стратегию освещения боевых действий в соответствии с политическим курсом страны и ее руководства.

Проблема исследования непосредственно связана с вопросами освещения военных конфликтов России в современных средствах массовой информации. Специфика новейших военных операций – в практически синхронном освещении конфликта с помощью социальных сетей и возможности снять видео или написать текстовый пост и разместить его в мировом информационном пространстве в считанные секунды. Можно сказать, что военные столкновения со второй половины 2010-х гг. и вплоть до наших дней стали активно и симультанно ходу конфликта освещаться «народными корреспондентами» - гражданским населением и участниками боевых действий, которые имеют возможность задокументировать происходящее. Аккредитованный военный корреспондент взаимодействует с любительским контентом, и в ряде случаев противопоставляет свою точку зрения тому, что демонстрируют пользователи интернета и социальных сетей.

Пандемия коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2020 году, породила термин «инфодемия», употребляющийся в официальной документации Всемирной Организации Здравоохранения². «Инфодемией» называется перенасыщенность информацией, из-за которого трудно оценить объективность предоставляемых сведений и найти в потоке информации

---

² Киберпреступность и распространение дезинформации во время пандемии COVID-19 // Электронный ресурс <https://www.un.org/ru/coronavirus/un-tackling-%E2%80%98infodemic%E2%80%99-misinformation-and-cybercrime-covid-19>

четкий ориентир. Специалисты ВОЗ призывают к «информационной гигиене» - отказу от постоянного потребления контента новостных телепрограмм, газет и социальных сетей, добровольному ограничению информационного потока.

В условиях «инфодемии» военный журналист – корреспондент с передовой, аналитик, редактор – оказывается в сложнейшем положении, которое и определяет проблему настоящего исследования: военная журналистика в условиях постпандемии вбирает в себя информационное наследие распространения коронавируса. Журналист не просто освещает повестку дня: он борется с огромным количеством фейков и фактоидов, претендуя на объективную подачу информации о боевых действиях. Практически ежедневно происходят информационные вбросы, ложную информацию подхватывают и распространяют пользователи социальных сетей, сами зачастую не имея злого намерения. В условиях инфодемии способность к критическому восприятию информации редуцирована: человек практически не покидает медиaprостранство и постоянно потребляет контент СМИ.

Исследования военной журналистики, существующие на сегодняшний день, можно условно разделить на две категории. К первой следует отнести исследования в области истории военной журналистики со времен Петра I до наших дней: фундаментальные монографии Н.Л. Волковского³, Л.А. Молчанова⁴, Г.В. Жиркова⁵, Р.П. Овсепяна⁶, а также глубокие исследования частных вопросов истории военной журналистики в работах А.А.

---

³ Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 т. М.: Военно-историческая библиотека, 2003.

⁴ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002.

⁵ Жирков Г.В. Одухотворенное слово. Журналистика Великой Отечественной войны. – СПб: СПбГУ, 2014.

⁶ Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М.: издательство МГУ, 1999.

Грабельникова⁷, Н.В. Егоршиной⁸ Т.С. Майковой⁹, С.Н. Лютова¹⁰, Ю.Е. Барышниковой¹¹, А.В. Манаховой¹², Е.М. Муминовой¹³, К.В. Левшина¹⁴, В.Л. Агапова¹⁵, Р.А. Ивановой¹⁶ и др. Наряду с исследованиями истории присутствуют современные теоретические исследования, которые зачастую относятся не к области филологии, а к другим наукам – например,

⁷ Грабельников А.А. Война глазами фотожурналистов // Великая Победа глазами журналистов. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2019. С. 11-16. Грабельников А. А. Фотожурналистика Великой Отечественной войны // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. // Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotozhurnalistika-velikoy-otechestvennoy-voiny>. Грабельников А.А., Грабельникова М.А. Визуальная коммуникация в период пандемии // Культура в фокусе научных парадигм. Донецкий национальный университет. 2021. С. 381-388. Грабельников А.А. Русская журналистика: история и современность / Монография. М.: РУДН, 2019. Грабельников А.А., Грабельникова М.А. Образы войны и победы в советском военном фоторепортаже // Культура в фокусе научных парадигм. Донецкий национальный университет. 2020. С. 303-310. Грабельников А.А. Средства массовой информации: аудиторный фактор // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. Сб. мат. научн. конф. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН). 2019. С. 80-85.

⁸ Егоршина Н.В. Дискурс эпидейктического выступления в военной журналистике // Казанская наука, № 9, 2019.

⁹ Майкова Т.С. Военные «Юрналлы» петровского времени (По материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969.

¹⁰ Лютов С.Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 11.

¹¹ Барышникова Ю.Е. История формирования российской военной журналистики // Язык. Культура. Коммуникации. № 2. 2017. // Электронный ресурс <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/538/657>

¹² Манахова А.В. Проблема допуска корреспондентов на Балканский театр русско-турецкой войны 1877–78 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика // Электронный ресурс <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/3/problema-dopuska-korrespondentov-na-balkanskiy-teatr-russko-turetskoy-voyny-1877-78-gg/>

¹³ Муминова Е.М. Деятельность российских и иностранных корреспондентов на Балканах в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-rossiyskih-i-inostrannyh-korrespondentov-na-balkanah-v-gody-russko-turetskoy-voyny-1877-1878-gg>

¹⁴ Левшин К.В. Организация военной печати в Советской России в годы Гражданской войны (на материалах газеты «Боевая правда», 1919–1920 гг.) // Общество. Коммуникация. Образование. 2015. № 1.

¹⁵ Агапов В.Л. Официальная пресса Российской империи во время первой мировой войны (по материалам «Приамурских ведомостей») // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №3 (41). // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnaya-pressa-rossiyskoy-imperii-vo-vremya-pervoy-mirovoy-voyny-po-materialam-priamurskih-vedomostey>

¹⁶ Иванова Р.А. Творческий поиск советской журналистики в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 6.

диссертации Н.Л. Волковского¹⁷, В.И. Кандалова¹⁸, Н.С. Авдониной¹⁹, статьи Н.В. Егоршиной²⁰ и пр.

В целом сфера истории военной журналистики исследована чрезвычайно подробно, однако при этом в отечественной науке мало исследований современной военной журналистики – работы военного журналиста в условиях конвергенции средств массовой информации, в эпоху постправды и массового распространения социальных сетей. Этим определяется **актуальность** настоящего диссертационного исследования.

Проблему диссертации следует обозначить как выявление трансформации структуры и функций военной журналистики в современных условиях на фоне ее более чем 300-летней истории в России. Методически полезными для анализа специфики современного медиапространства являются труды А.А. Антонова-Овсеенко²¹, А.Б. Бушева²², М. Кастельса²³, П.

---

¹⁷ Волковский Н.Л. Журналистика в информационных войнах: Исторические истоки и современные тенденции. – Дис. ... д.фил.н. – М., 2003.

¹⁸ Кандалов В.И. Рекламная деятельность Вооруженных Сил РФ и пути ее совершенствования. Дис.... канд. экон. наук. – М., 2003.

¹⁹ Авдониная Н.С. Журналистика и политика вооруженного конфликта: сравнительный анализ американской и отечественной прессы. Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012.

²⁰ Егоршина Н.В. Эффективная реализация межкультурных коммуникативных целей в структуре языка (на материале текстов военной журналистики) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. 2019. С. 206-210. Информация в дискурсе: вымысел и действительность (на материале текстов военной журналистики) // Mass-media. Действительность. Литература. Сборник статей. Под редакцией Е.Н. Брызгаловой, А.М. Бойникова; Тверской государственный университет, Кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью. Тверь, 2019. С. 137-141. Дискурс эпидеиотического выступления в военной журналистике // Казанская наука. 2019. № 9. С. 111-113.

²¹ Антонов-Овсеенко А.А. Журналистика XXI. Новые СМИ и свобода слова. – М.: Фолио, 2017. – 267 с; Антонов-Овсеенко А.А. О конкуренции информационных ресурсов мировой сети с классическими СМИ и «конце» эпохи Гутенберга // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». - № 1. – 2016. – С. 151 – 155.

²² Бушев А.Б. Масс-медиа в интернет и междивилизационная коммуникация // Политическая лингвистика, 2009. // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/mass-media-v-internet-i-mezhtsivilizatsionnaya-kommunikatsiya>

²³ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.

Барышникова²⁴, А.В. Рослякова²⁵, В.В. Чеклецова²⁶ и других. Вопросы специфики информационной войны в современных реалиях рассматриваются в фундаментальной монографии В.Л. Музыканта и В.В. Барабаша²⁷ О специфике работы средств массовой информации в текущих условиях пишут такие отечественные и зарубежные ученые, как А. Сучжон-Ким Пан²⁸, Е.Ч. Андрунас²⁹, Н.А. Барабаш³⁰, С.И. Беглов³¹, Р.М. Блакар³², Г.Ф. Вороненкова³³, А.В. Вырковский³⁴, Г.В. Грачев и И.К. Мельник³⁵, А.А. Гревцева³⁶, Р. Дебрэ³⁷, С.А. Зелинский³⁸, А.А. Зубков и Т.В. Лисик³⁹, И.В.

²⁴ Барышников П. Морфология технологической сказки: Интернет вещей и социальные дистанции // Социология власти. – Том 27, №1(2015) – С. 37-54

²⁵ Росляков А.В. Интернет вещей. – М., 2014. – 340 с.

²⁶ Чеклецов В.В. Чувство планеты (Интернет Вещей и следующая технологическая революция). – М.: Российский исследовательский центр по Интернету Вещей, 2013. – 130с.

²⁷ Музыкант В.Л., Барабаш В.В. Системность массовых коммуникаций: образы «свой – чужой» в инфодемии. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2021.

²⁸ Алекс Сучжон-Ким Пан Укрощение цифровой обезьяны. – М.: АСТ, 2014. – 320 с.

²⁹ Андрунас Е.Ч. Информационная элита: корпорации и рынок новостей. – М.: Издательство МГУ, 1995. – 506 с.

³⁰ Барабаш Н.А. Телевидение и театр: игры постмодернизма. – М.: КомКнига, 2010. – 322 с.

³¹ Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. – Москва: Издательство МГУ, 2004. – 309 с.

³² Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова. – Москва: Прогресс, 2015. – С. 75 – 89.

³³ Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества: Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. – Москва: Изд-во МГУ, 2011. – 211 с.

³⁴ Вырковский А.В. Деловые журналы России и США: прошлое и настоящее. – Москва: МедиаМир, 2009. – 144 с.

³⁵ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: Эксмо, 2004. – С. 60 – 67.

³⁶ Гревцева А.А. Парадигмы постмодернистского стиля мышления // Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №5. – С. 374-375.

³⁷ Дебрэ Р. Введение в медиологию /Пер. С франц.Б.М. Скуратова.- М.:Праксис, 2010. – 368 с.

³⁸ Зелинский С.А. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – С. 61 – 78.

³⁹ Зубков А.А., Лисик Т.В. Постирония как современное явление в отечественном интернет-пространстве // Общество. Наука. Инновации (НПК-2020). Сборник статей XX Всероссийской научно-практической конференции. Киров, 2020. С. 247 – 253.

Кирия⁴⁰, М.И. Макеенко⁴¹, Г.М. Маклюэн⁴², Н.Б. Мечковская⁴³, А.А. Новикова⁴⁴, В.В. Орлова⁴⁵, Ф. Уэбстер⁴⁶, Л.В. Федотова⁴⁷ и другие ученые. В целом практически все ученые, изучающие современную информационную среду, согласны в оценке текущих условий как чрезвычайно сложных и комплексных для реализации работы журналиста и средств массовой информации.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что работа военного журналиста и в целом система военной журналистики неразрывно связана с семиотизацией образа власти, государства, правительства. Коллективным субъектом военных действий является государство как таковое, в лице единственного лидера либо коллектива лидеров.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью скрупулезного и обоснованного анализа дискурса военной журналистики через призму его истории и на фоне событий периода пандемии и постпандемии. Точкой отсчета в новейшей истории освещения боевых действий следует считать Великую Отечественную войну: именно в этой войне была развернута полноценная и активно функционирующая сеть военных корреспондентов, система текстовых, фото- и видеорепортажей, а также действующая система фронтовых средств массовой информации. Освещение боевых действий в условиях конвергенции журналистики и

---

⁴⁰ Кирия И.В. Телевидение и Интернет Франции на пути к информационному обществу. – Москва: Издательство МГУ, 2005. – 400 с.

⁴¹ Макеенко М.И. Радиовещание и телевидение США в новом столетии: структура, экономика, стратегии. – Москва: Издательство МГУ, 2010. – 210 с.

⁴² Маклюэн Г.М. Понимания медиа: Внешние расширения человека / пер.с англ. В. Николаева; Москва, Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 219 с.

⁴³ Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета. – Москва: Флинта; Наука, 2009. – 418 с.

⁴⁴ Новикова А.А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2013. – 533 с.

⁴⁵ Орлова В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. – Москва: РИП-холдинг, 2004. – 219 с.

⁴⁶ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – 191 с.

⁴⁷ Федотова Л.В. Социология массовой коммуникации. Учебник для вузов. – Москва: Питер, 2003. – 311 с.

активного взаимодействия с социальными сетями закладывает основы принципиально новой парадигмы военной журналистики – и, возможно, вообще журналистики в целом. В настоящем исследовании рассмотрена филологическая специфика текстов военной журналистики в их истории и современности. Диссертационные исследования, посвященные военной журналистике, написанные до настоящего момента, представляют собой, главным образом, работы по истории или политологии⁴⁸.

Цель настоящего исследования определяется как исследование отечественной военной журналистики в ее истории и современном состоянии с учетом специфики реалий периода постпандемии. Это подразумевает постановку ряда конкретных **задач**:

1. Исследование зарождения военной журналистики и ее истории на протяжении XVIII – XX столетия, выявление основных способов освещения боевых действий, их эволюции и развития;
2. Выявление специфики восприятия и применения военной журналистикой новых способов освещения действий войск: зарождения и развития визуального, видеоконтента;

---

⁴⁸ Смирнова М.В. Деятельность органов пропаганды и агитации в тыловых районах Европейской части РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Дис. ... канд.ист.н. – М., 2010. Бормотова А.Р. Печать периода Великой Отечественной войны на территории Курской области. Дис. ... канд.ист.н. – Курск, 2010. Головченко Е.И. Функционирование средств массовой информации Воронежской области в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд.ист.н. – Воронеж, 2010. Чанкаева Д.С. Печать Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945). Ставрополь, 1999. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны: На материалах Дона, Кубани, Ставрополья. Дис. ... канд.ист.н. – Ставрополь, 2001. Филоненко М.И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны: на материалах Воронежской области. 1942-1943 гг. Дис. ... канд.ист.н. – Воронеж, 2006. Срибная Т.А. Военно-патриотическая печатная пропаганда в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны. Дис. ... канд.ист.н. – Пятигорск, 2005. Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа. Дис. ... канд.ист.н. – Казань, 2005. Лозицкий В.С. Партийно-советская печать Украины - активный помощник партии в мобилизации трудящихся республики на разгром немецко-фашистских захватчиков 1941-1945 гг. Дис. ... канд.ист.н. – Киев, 1983. Копцев А.Н. Печать - боевой помощник партии в мобилизации трудящихся на борьбу с фашизмом (1941-1945 гг.) (на материалах Карелии, Архангельской и Вологодской областей). Дис. ... канд.ист.н. – Архангельск, 1984.

3. Рассмотрение специфики «мирной» военной журналистики – особенностей дискурса средств массовой информации, рассчитанных на специализированного и массового читателя, в условиях отсутствия активных боевых действий;
4. Сопоставление тенденций новейшей военной журналистики с основными формами и способами структурирования и агрегации контента в военной журналистике прошлых лет.

Теоретико-методологическая база исследования подразумевает привлечение как исследований ученых в области средств массовой информации, публицистики и журналистики (А.А. Грабельников, А.А. Антонов-Овсеенко, Н.С. Гегелова, С.Л. Уразова, Е.Л. Вартанова, С.И. Галкин, Т.Г. Добросклонская, А.Г. Качкаева, Е.П. Прохоров, А.Г. Рихтер, С.А. Шомова, Г.Я. Солганик и др.), так и различных трудов по истории военных конфликтов и истории военной журналистики (Н.В. Егоршина, П.Н. Берков, Л.И. Рублева, А.В. Западов, Н.Л. Волковский, Л.А. Молчанов, Г.В. Жирков, Р.П. Овсепян и др.).

В качестве **материала исследования** выбраны тексты военных корреспондентов, аналитиков и вещающих о военном конфликте журналистов Российской Империи, СССР и Российской Федерации.

Особое внимание уделяется специализированным военным СМИ в новейшее время – сайтам, журналам, газетам и телеканалам, которые обозначают свою задачу как освещение боевых действий, новинок вооружения, и в целом видят свою целевую аудиторию как непосредственно проходящих службу военных, так и в целом граждан, интересующихся боевыми действиями и конфликтами, в которых принимает участие государство.

Отдельным аспектом необходимо выделить сформировавшуюся в новейшее время связь медиатехнологий периода пандемии и постпандемии и способами и приемами работы военных журналистов.

Особенность военной журналистики, как нам представляется, - в исключительной вовлеченности граждан страны в конфликт, даже если они не принимают в нем никакого участия и не находятся в зоне боевых действий. Общество остро нуждается в информации о войне, живо интересуется подробностями, и в то же время в современных условиях пребывает в ситуации «инфодемии» - избытка противоречивой информации, поток которой практически невозможно остановить. В этой ситуации необходима централизация журналистики и слаженность освещения боевых действий, единый вектор семиотизации конфликта и образа ведущего его государства.

Учитывая и понимая важность видеоконтента, фотографий и рисунков в семиотизации военного конфликта и освещении боевых действий, мы, тем не менее, ограничиваем исследование именно текстовым контентом, при необходимости привлекая описание визуальной составляющей. Текстовая форма исторически была первой формой военной прото-журналистики и продолжает бытовать в современном медиапространстве.

Объект исследования, таким образом, определяется как тексты военных журналистов – написанные непосредственно на поле боя, на передовой либо дистантно, в качестве анализа, исторического материала и пр. **Предмет исследования** – дискурсивные стратегии и тактики военных журналистов в социополитическом контексте трехвековой истории России.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Каждый текст, написанный в рамках военной журналистики представляет собой двойной знак – журналист не только информирует аудиторию о боевых действиях, но и имплицитно выстраивает образ правителя / власти / государства, принимающего участие в конфликте.
2. Системная организация военной журналистики неразрывно связана с централизацией власти и созданием нового типа государства: империи при Петре I, советского государства в начале XX столетия,

новой России в XXI столетии. Военные успехи государства укрепляют восприятие образа правителя как сильного и могущественного, повышают его рейтинги у населения, закладывают основу семиозиса его восприятия.

3. Освещение боевых действий использует новейшие технологии и является наиболее передовым в техническом отношении направлением журналистики. Новые способы организации освещения проходят апробацию силами военных журналистов, и все направления журналистики фактически используют опыт военных журналистов.
4. Современная военная журналистика впервые реализует свои функции в условиях взаимодействия с социальными сетями как новой формой генерирования контента в медиaprостранстве. Любой военный конфликт с древнейших времен сопровождался информационной войной, однако в современных условиях утрачена эксклюзивность контента. В пресуппозиции любого материала военного журналиста – сотни и тысячи любительских видео, фото и текстов, растиражированных с помощью социальных сетей.
5. Специфику современных тенденций освещения боевых действий следует сформулировать как противостояние информационному шторму, который создают не только представители враждебных государств, но и обычные пользователи и потребители средств массовой информации. В эпоху постправды военная журналистика генерирует «неоправду» - семиотизацию не только боевых действий, но и обширной имплицатуры военного конфликта.
6. Основываясь на общих тенденциях развития военной журналистики, можно наметить вектор развития журналистики в целом: формируется новая стратегия освещения событий, которая, как и во всех предыдущих военных конфликтах, после апробации в области военной журналистики перейдет на журналистику в целом и

определит развитие средств массовой информации в ближайшие годы.

Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые:

1. Проведено системное исследование русской военной журналистики с момента формирования жанров протожурналистики В результате проведенного системного исследования русской военной журналистики с момента зарождения протожурналистских жанров до наших дней выявлены основные векторы семиотизации образа государства средствами дискурса военной журналистики.

Впервые проведен филологический анализ текстов военной журналистики в диахроническом и синхроническом аспекте и доказана неразрывная связь военной журналистики на протяжении всей ее истории с социополитическим дискурсом и ее ведущая роль в формировании и семиотизации образа власти в государстве.

В результате широчайшего охвата привлеченного материала доказана ведущая роль образа правителя в направлении освещения боевых действий. Рассматриваются примеры неэффективной организации освещения боевых действий, показаны причины и последствия таких ситуаций. Обоснована уникальность современной ситуации освещения боевых действий и конфликтов, указаны потенциальные варианты ее развития в перспективе и обоснованы новые алгоритмы филологического анализа дискурса военной журналистики.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обусловлена возможностью применять полученные выводы в изучении средств массовой информации, при чтении специализированных курсов истории отечественной журналистики и военной журналистики, а также в ходе подготовки будущих специалистов в области военной журналистики.

Апробация результатов исследования.

По материалам диссертации были сделаны доклады на всероссийских (Всероссийская конференция молодых ученых «Грибоедовские чтения – 2018» (апрель 2018, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, Москва); Всероссийская конференция молодых ученых (журналистов и литературоведов) «Грибоедовские чтения – 2022» (февраль 2022; Московский институт им. А.С. Грибоедова, Москва) и международных конференциях (XI Международной научно-практической конференции «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере» (ПГУ, Пенза, 2021); X Международной научно-практической конференции «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере» (Москва-Пенза, 2020); VII Международной научно-практической конференции «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере» (Москва, 2019).

Основные выводы диссертации изложены в работах, опубликованных диссертантом по теме исследования – 10 научных публикациях, 4 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне ВАК РФ, и 1 – в научном издании, индексирующемся в международной базе Web of Science.

Публикации в международных изданиях, индексируемых БД Web of Science:

1. Anisimov R.Y., Shuyskaya Y.V., Tsitsinov A.Y. Russian And American Military Journalism Headlines // MSC 2020 International Scientific and Practical Conference «MAN. SOCIETY. COMMUNICATION». Pages 1019-1025. Doi: 10.15405/epsbs.2021.05.02.129 // <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.05.02.129>

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК РФ для публикаций основных результатов кандидатских диссертаций:

2. Цицинов А.Ю., Ларина Н.А. Специфика подачи материала в цифровой военной журналистике (на примере еженедельника «Звезда»). // Казанская наука. 2019. № 9. С. 36-38.
3. Цицинов А.Ю. Использование универсальной композиционной схемы «этнос – логос – пафос» в текстах военной журналистики (на примере сетевого издания «Армейский стандарт») // Казанская наука. 2019. № 12. С. 59-61.
4. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Синтаксическая изосемия и ее отсутствие в текстах военной журналистики. // Казанская наука. 2019. № 12. С. 62-64.
5. Шуйская Ю.В., Цицинов А.Ю. — Лингвистические средства введения объекта в информационное поле на материале дискурса военных медиа // Филология: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 16 – 22. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.4.37905

Публикации в изданиях, индексируемых в Российском индексе научного цитирования:

6. Цицинов А.Ю. История военной журналистики: специфика первых средств массовой информации. // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Отв. редакторы Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. Пенза, 2021. С. 133-140.
7. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. ИмPLICITное соперничество двух держав: способы отражения в креолизованных текстах военной журналистики. // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы X Международной научно-практической конференции. отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. Москва - Пенза, 2021. С. 214-218.
8. Цицинов А.Ю. Диалогические стратегии при дистантной межкультурной коммуникации на примере дискурса военной

журналистики. // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. 2019. С. 251-255.

9. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Интервью в дискурсивном аспекте в современной военной журналистике. // Mass-media. Действительность. Литература. Сборник статей. Под редакцией Е.Н. Брызгаловой, А.М. Бойникова; Тверской государственный университет, Кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью. Тверь, 2019. С. 161-166.
10. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Традиции построения протоимиджа «царя» на примере текстов о военных походах смутного времени. // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 14. С. 166-167.

Структура исследования обусловлена поставленными задачами и включает в себя три главы, разделенные, в свою очередь, на параграфы, заключения и списка литературы. Первая глава посвящена истории военной журналистики России XVIII – XIX столетия, во второй главе рассматриваются структурные и дискурсивные особенности текстов XX столетия. В третьей главе рассматриваются особенности военной журналистики на новом историческом этапе и тенденции освещения актуальных военных конфликтов. Основные выводы обобщены в заключении.

ГЛАВА I. ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XVIII – XIX ВВ. В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

1.1. Генезис и развитие военной журналистики в XVIII столетии

Первые шаги военной журналистики в истории России связаны с активными боевыми действиями. Если современная военная журналистика освещает, условно говоря, и «мирные» темы – различные виды вооружения, будни армии и пр. – то исторически вплоть до начала XX века интерес к военной журналистике то вспыхивал, то затухал в зависимости от ситуации в государстве. Это позволяет постулировать неотчуждаемость от исторически возникшей военной журналистики образа правителя/власти – победы и поражения воспринимались как успехи и неудачи правящих кругов, и наряду с подробностями боя и быта солдат задачей журналиста было освещение причин победы.

Следует отметить, что до начала XVIII века освещение военных походов было не хроникальным, а скорее семиотичным: описание походов соответствовало в большей степени не той картине, которую хроникер действительно наблюдал, а тому образу военного похода, который он привык воспринимать из прецедентных текстов – в первую очередь, древнеримских и древнегреческих. Поэтому хроники ближе к художественной литературе или к пропаганде, чем к непосредственному освещению событий.

Появление военной журналистики и первые попытки освещения боевых действий неразрывно связаны с целенаправленным формированием образа лидера – царя, полководца. До XX века российская военная журналистика переживала несколько периодов развития, характеризовавшихся то подъемом интереса к описанию военных действий и армии (в период ведения активных боевых действий), то спадом (в период затишья). Отметим, что не все военные кампании XVII – XIX столетия сопровождались всплеском интереса к военной журналистике: как правило,

инициатива освещения военных действий исходила непосредственно от высшей власти или была ею санкционирована. Более того, сама периодическая печать в России (газета «Ведомости») началась с освещения успехов русского войска в различных военных действиях: для императора Петра было важно доносить до народа информацию об одержанных победах.

В допетровскую эпоху не существовало периодической печати как таковой, и первым приближением к военной журналистике являются повести о военных походах Смутного времени. Именно в них начинает формироваться представление о царе как о центре власти и ее средоточии. На протяжении многовековой истории России многократно поднимался вопрос о статусе царя, его праве на трон, праве управлять людьми. Этот вопрос волновал Ивана Грозного, который унаследовал престол в 3-летнем возрасте и продолжительный период своей жизни был вынужден отстаивать право управлять страной. Смутное время ознаменовалось чередой правителей, которые также были вынуждены обосновывать свое право на престол, и одним из лучших доказательств доблести и мужества правителя становились возглавляемые им лично или проведенные по его инициативе военные походы. Так из необходимости сформировать своеобразный «имидж» государя возникла традиция описания военных походов, в которой можно также проследить преемственность по отношению к произведениям греческих и римских историков и средневековым летописям⁴⁹.

В эпоху Смутного времени сформировался тот концепт царя, который существует в современной картине мира носителя русского языка. Слово «царь» этимологически возводится к слову «цезарь» и является освоенным и переосмысленным заимствованием. Первоначально и слово «царь», и слово «цезарь» воспринимались как иноязычные и рассматривались как титулы иностранных властителей. Свой, русский, властитель назывался словом

---

⁴⁹ Материал об имидже царя и способах его формирования включен в статью Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Традиции построения протоимиджа «царя» на примере текстов о военных походах смутного времени // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 14. С. 166-167.

«князь». Слово «царь» стало активно употребляться в эпоху Ивана Грозного и позже: он был первым властителем, который осознавал себя именно как царя, помазанника Божьего. Соответственно, и его военные кампании рассматривались не просто как захватническое или оборонительные действия, а как своеобразное закрепление царского статуса: царю было необходимо закрепить себя как помазанника Божьего в глазах подданных, показать, что его деятельность направлена на благо государства – он способен как отразить нападение врага, так и расширить территорию.

Говорить о журналистике как таковой применительно к временам Ивана IV будет не вполне корректно – речь идет не об оперативном освещении событий, но об их определенном описании и запечатлении для потомков. В то же время интерес к анализу книжности именно XIV – XVII вв. обусловлен тем фактом, что именно в эту эпоху произошла секуляризация книжности: древнерусские книжники уже не были жестко зависимы от канона религиозной литературы, и использование ими тех или иных лексических единиц было обусловлено уже личными предпочтениями книжников.

Именно по этой причине интересно изучение концепта «царь»: в эпоху, предшествующую окончательному разрушению рукописной литературы, доступной небольшому кругу людей, сформировалось применение слова «царь» к своему властителю, а не к чужому «цесарю». Протоимидж царя начал формироваться в эпоху распространения информации, и властители осознавали, что во многом выстраивают картину своей деятельности для потомков, у которых не будет другого источника информации о деятельности царя. Монополия на информацию рукописной книжности и имеющих к ней доступ книжников – монахов и священнослужителей – доживала последние десятилетия, и в преддверии этого начали появляться образцы протожурналистики – первые имиджевые проекты.

Если рассматривать «царя» как правителя до XV века, то слово «царь» сигнализирует читающему, что действие происходит не на Руси, - «царем»

мог именоваться только представитель иного народа. Далее, «царь» становится уже своим. В документах эпохи Ивана Грозного отчетливо просматривается этот смысловой переход. В повести о смерти отца Ивана Грозного, Василия III («Сказание о великомъ князе Василье Ивановиче всеа Руси, како ѓздил во свою отчину на Волок на Ламъский на осень тѣшитися, и как болѣзнь ему тамо сталася, и мнишеский образ приял, и сына своего великого князя Ивана Васильевича на царство благословиль, и о преставлении, и о погребении его»⁵⁰) отсутствуют примеры употребления слова *царь* по отношению в русскому правителю, но есть образцы архаичного употребления по отношению к правителю иноземному. Слово «царь» не используется применительно к самому отцу Ивана Грозного – в то же время его сын упоминается именно с этим титулом: даже в пространным названии повести указывается, что князь Василий благословил своего сына князя Ивана «на царство».

В «Житии митрополита Филиппа», созданном в конце XVI века⁵¹, слово «царь» уже четко относится к конкретному человеку, Ивану Васильевичу. Приведенные контексты показывают, что царь Иван Васильевич обладает следующими признаками: он гневлив, часто впадает в ярость, в то же время характеризуется благочестием, а также часто упоминается в качестве субъекта или адресата речи. Слово «царь» в тексте одновременно употребляется по отношению как к конкретному царю Ивану Васильевичу – так и к царю вообще, царю как типичному представителю

---

⁵⁰ СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ ВАСИЛЬЕ ИВАНОВИЧЕ ВСЕА РУСИ, КАКО ЃЗДИЛ ВО СВОЮ ОТЧИНУ НА ВОЛОК НА ЛАМЪСКИЙ[1] НА ОСЕНЬ ТѢШИТИСЯ, И КАК БОЛѢЗНЬ ЕМУ ТАМО СТАЛАСЯ, И МНИШЕСКИЙ ОБРАЗ ПРИЯЛ, И СЫНА СВОЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА НА ЦАРСТВО БЛАГОСЛОВИЛЬ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ, И О ПОГРЕБЕНИИ ЕГО // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – Т. 10.

⁵¹ Лобакова И.А. «Житие митрополита Филиппа». Соотношение Краткой и Пространных редакций Жития // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1997. С. 270 – 280.

класса (концепта) (*прежде тебе бывших царей, нѣсть слышано, еже благочестивымъ царемъ свою державу возмуцати*).

К XV веку в русской книжности отчетливо сформирован художественный стиль, в котором выражаются символические смыслы. Так, к примеру, множество символов связано с религиозным пониманием текста. Царь, лев, орел, бык символизируют Бога – они мыслятся не только как цари зверей, но и как животные, явившиеся евангелистам. Сюжеты древнерусской литературы являются притчевыми: принцип их смыслообразования подобен проповеди.

Образование нового смысла на основе сакрального текста, приложение к данной ситуации уже известной информации – это отличительная черта не только искусства проповеди, но и всей древнерусской литературы, возникавшей из религиозных текстов. Можно сказать, что риторическое развитие текста преломляется в области лексической семантики как обогащение узусальных значений окказиональными коннотациями. От сакрального вневременного смысла эпидейктической речи текст переходит к конкретному смыслу: «царь» как участник военных походов, их вдохновитель и организатор – это не просто некий условно-обобщенный правитель, а вполне конкретный человек.

Для подавляющего большинства людей, населявших Русь XVI – XVII веков, царь и так являлся обобщенной, условной фигурой – жители периферии практически никогда не видели его, знали только его имя и в самом общем виде были знакомы с его основными деяниями.

Интересно, что слово «царь» в контексте переводной повести («Повести о рождении и похождениях царя Соломона»)⁵² не обязательно обозначает главу государства и верховного властителя: это может быть и царь как просто властитель, не случайно царю Соломону подчиняются также цари – те, кто, видимо, является правителями земель. Там же в обозначении

---

⁵² Титова Л.В. Неизданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 33. С. 343 – 363.

царя встречается формулировка «царь государь» - тавтологическая формула, в принципе свойственная древнерусской книжности и фольклору – так, словосочетания «серый волк» или «синее море» также предполагают некоторую семантическую избыточность.

При этом в повестях о русских реалиях, не являющихся переводными слово «царь» одновременно относится как к конкретному царю Ивану Васильевичу – так и к царю вообще, царю как концепту. Привлекаемые к анализу тексты частично воспроизводили канон переводных житий и повестей, частично насыщали текст русскими реалиями.

Иными словами, понятие «царь», изначально относившееся к библейским и иностранным царям, обрело смысл как титул в употреблении в сочетании с именем Ивана Грозного. В то же время периодически он называется «царь и великий князь», что составляло, очевидно, более развернутый вариант титула.

Москва в ряде памятников эпохи названа «царственным» городом, и в этом качестве она противопоставляется периферии, в частности, Соловецким островам. В современном языке слово «царственный» обозначает скорее «свойственный царю, присущий царю» - «царственной» может быть походка, осанка, голос, характер. Однако на примере из словосочетаний со словом «царственный» можно проследить образование мотивационного значения слова.

Слово «царственный» не обозначает «принадлежащий царю» (для этого в текстах есть выражение «царев», ср. «царевы дети»). Однако и «свойственным царю» город Москву назвать нельзя. Следовательно, слово «царственный» имеет значение «правлящий, царствующий, первый, главный».

Что касается слова «царственный», то его этимология позволяет предположить, что Москва называлась «царственной» не по местожительству конкретного царя – Ивана Грозного – а скорее данное слово этимологически связывалось с «царем» как должностью вообще, и Москва как столица получила такое наименование раньше, чем Иван Грозный – титул царя.

Концепция Москвы как третьего Рима, города, являющегося не только государственной, но и религиозной столицей, сформировалась при Иване III. Вероятнее всего, и титул царя стал результатом восприятия Москвы как третьего Рима – «два Рима паше, третьему от века на Москве стояти, а четвертому Риму не бывати», писал автор идеи монах Филофей. Под первым Римом имелся в виду собственно Рим – католическая религия с точки зрения православных считалась отступничеством и еретичеством. Вторым Римом, наследником истинной веры, стал Константинополь, но и он отпал от веры после завоевания турками. И, наконец, третий Рим – это Москва, причем третий мыслился как окончательный.

Не случайна предпринятая в Смутное время после смерти Ивана Грозного попытка провести генеалогию различных родов, связывая вероятных претендентов на трон с династией Рюриковичей, которую, в свою очередь, с помощью замысловатых схем связывали с династией римских правителей. Москва стала последним оплотом веры, а ее правители – последними цезарями.

Употребление слова «царь» в переводном тексте, как можно увидеть, имеет смысл «властитель», часто без конкретизации конкретной должности – так, в повести о похождениях царя Соломона ему также подчинялись некие цари. Статус царя как должности и возможность как начать им быть, так и перестать им быть, также отражены в тексте – до признания Соломона сыном Давида он еще не называется словом «царь».

В русской практике употребление слова «царь» в XVI веке приобрело дополнительную семантику – «царем» стал свой правитель. Ни Владимир Мономах, ни Ярослав Мудрый, ни другие герои древнерусской литературы не назывались «царями», это слово могло прозвучать лишь как основание для сравнения. В то же время после принятия концепции Третьего Рима «царем» стал и свой правитель – и стали активно использоваться не только притяжательные прилагательные типа «царев», «царский».

Примечательно, что слово «царственный» применяется в формуле «царственный город», соответственно, обозначает Москву. Очевидно, семантика слова «царственный» как «свойственный царю» сформировалась позже.

Что касается синтаксической структуры словосочетаний со словом «царь», то в большинстве случаев это употребление в роли подлежащего в сочетании с глаголом (включая трафаретную формулу «царь же рече»), далее на втором месте – употребление в роли дополнения, на третьем – в роли определения в качестве производного прилагательного. В памятниках после XVI века, когда слово «царь» уже стало применяться и по отношению к русскому властителю, общая пропорция сочетаемости осталась неизменной, а количество употребляемых притяжательных прилагательных по сравнению с переводным текстом увеличилось.

Первые повести о военных походах Смутного времени создавались по канону жанра описания военного похода, возникшему в античной традиции, и в то же время авторы приносили в текст элементы своих непосредственных переживаний⁵³. Если такие повести о военных походах, как «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», следует признать скорее образцами художественной литературы, то Смутное время породило произведения, являющиеся в большей степени непосредственным описанием событий «по горячим следам»: «За перо взялись люди самых разных взглядов и происхождения: келарь Авраамий Палицын, с достоверностью очевидца описавший в «Истории» (1613–26) драматические события Смуты и героическую защиту Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских войск в 1608–10; дьяк Иван Тимофеев, витиеватым языком изложивший события от Ивана IV Грозного до Михаила Романова во «Временнике» (работа велась до смерти автора в 1631); князь И. А. Хворостинин – писатель-западник, фаворит Лжедмитрия I, сочинивший в своё оправдание

---

⁵³ Коротченко М. А. Образ автора в исторических повестях Смутного времени (на материале «Временника» Ивана Тимофеева) // Филологические науки. №2, 1998. С.14-23

«Словеса дней, и царей, и святителей московских» (возможно, 1619); князь С. И. Шаховской – автор «Повести на память великомученика царевича Димитрия», «Повести о некоем мнисе...» (о Лжедимитрии I) и, возможно, «Повести книги сея от прежних лет», или «Летописной книги» (1я треть 17 в.), которую приписывают также князьям И. М. Катыреву-Ростовскому, Хворостинину и др.»⁵⁴. Эти произведения стали своеобразным переходом от художественного и исторического описания к публицистическому контексту.

Фактически, первым властителем, который стал целенаправленно работать с вопросами государственной семиотики через военную журналистику, стал Петр I. Он придавал большое значение военным победам и понимал исключительную важность их освещения в прессе. Более того, освещение боевых действий стало импульсом для развития в России журналистики как таковой.

Появлению первой периодической газеты «Ведомости» предшествовали так называемые «юрналы» («диурналы», «журналы») с театра военных действий. Они представляли собой нечто среднее между отчетным дневником и периодическим изданием. «Журналы петровского времени были прежде всего отчетными документами, но в то же время они были важным средством внешней и внутренней информации, наконец, им придавалось и историографическое значение. Это тройкое назначение журналов определяет их ценность как исторического источника»⁵⁵.

Журналы Петра I наследовали традицию записок о военных походах XVI – XVII вв., в которых были «записи о военных походах, о перемещениях войск, об укреплении городов, о передвижении военных и придворных чинов по службе, о дипломатических делах»⁵⁶. Однако записки о военных походах Смутного времени и XVII века во многом еще наследовали традицию

⁵⁴ Калугин В.В. Древнерусская литература // Большая российская энциклопедия. // Электронный ресурс <https://bigenc.ru/text/5061392>

⁵⁵ Майкова Т.С. Военные «Юрналы» петровского времени (По материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С.369.

⁵⁶ Там же. С. 370.

древнерусской книжности и представляли собой некую смесь реального описания сражения или похода с его сакральной интерпретацией, наследуемой из традиции описаний походов античности и Средних веков. Бытописателя интересовали не столько подробности конкретной битвы, сколько ее семиотическое значение, и его текст был рассчитан не столько на современников, сколько на потомков. Для Петра I важно было принципиально иное: постоянно сталкиваясь с неприятием своих реформ и новаций, он намеревался упрочить свое положение через военные победы, слава о которых должна была распространяться в этом случае как можно быстрее.

По инициативе императора журналы из дневников военных походов были преобразованы в средство информирования и пропаганды: репортажи о победах зачитывались публично, в церквях, планы сражений печатались в виде плакатов для наглядного представления хода битвы, также было организовано чтение описаний подвигов отдельных участников сражений для офицеров и солдат. Петр I принимал активное участие в процессе подготовки журналов, лично чертил планы сражений и составлял репортажи о победах.

Репортажи печатались в первой русской газете «Ведомости», основанной по инициативе Петра I в 1702 г. Полное ее название звучало как «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» - на первом месте стояли именно «военные» дела. В 1703 – 1711 гг. газета издавалась под разными названиями – «Российские ведомости», «Ведомости московские» и даже иногда с названием «Куранты» - так называлась первая рукописная газета России, которая издавалась по мере накопления новостей и была предназначена для узкого круга читателей: царя и его приближенных. «В 1711 г. газета «Ведомости» стала выходить в Петербурге. В ней помещались материалы по военному делу, вопросам техники и промышленности, производства артиллерийских орудий, строительства флота. Большая доля

публикаций посвящалась победам русской армии. Наряду с военной тематикой на страницах «Ведомостей» нашли отражение проблемы гражданской жизни: основание новой столицы – Санкт-Петербурга, строительство городов и крепостей, развитие торговли. Источником информации служили официальные документы, донесения послов, ведомственные материалы»⁵⁷.

Периодическими изданиями «журналы» Петра I назвать затруднительно – они выходили в связи с конкретными событиями и играли роль скорее пропагандистских уведомлений, чем реального средства массовой информации. В XVIII веке специальных военных журналов не издавалось: новости о военных походах и событиях, связанных с армией, публиковались в прессе общего характера. «Ведомости» к тому моменту были преобразованы в издание общего характера, утратив приоритет в области «военных дел». При этом в них целенаправленно ковался образ императора-победителя: сообщения о поражениях и их последствиях не публиковались⁵⁸. Так уже при Петре закладывается принцип искажения информации: в освещении боевых действий максимум внимания привлечен именно к подвигам русского воинства. Это укрепляет боевой дух, но в то же время формирует ложное впечатление о противнике: он представляется легко победимым, слабым духом и пр. Военная журналистика становится отчетливым орудием пропаганды: «Петр I лично знакомился с иностранными газетами и не нуждался в том, чтобы подьячие собирали и переводили для него заграничные известия. Ему нужна была собственная печатная газета, способная держать определенные круги читателей в курсе правительственной политики, оповещать о военных действиях, новостях русской и заграничной жизни. Петр I желал с помощью печатного слова

---

⁵⁷ Вышел первый петербургский номер газеты «Ведомости» // Электронный ресурс <https://www.prlib.ru/history/619259>

⁵⁸ Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.-Л.: издательство Академии Наук, 1952. С. 44.

пропагандировать свои военные и хозяйственные начинания, придавать им популярность»⁵⁹.

Также на первый план в петровских реляциях выходит просветительская функция: чтобы оценить масштаб победы и гений полководца, необходимо разбираться в стратегии и тактике, и планы побед с пояснениями призваны в этом помочь. Император сам пишет тексты «по горячим следам», например, следующего содержания: ««Сего дня, – пишет Петр, – на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя зело по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю». Шведские полки попытались развить наступление, «против которого наши встречу пошли и тако оного встретили, что тотчас с поля сбили и пушек множество взяли». В плен попали первый министр граф Пипер, генералы Рейншильд, Шлиппенбах и несколько тысяч офицеров и рядовых, «о чем подробно вскоре писать будем (а ныне за скоростью невозможно). И единым словом сказать, вся неприятельская армия фаэтонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ли или со отцы наши обретается)»⁶⁰. Текст рассчитан на немногочисленных грамотных людей, которые не просто умеют читать, а имеют представление о мифологии и, в частности, способны оценить отсылку к античным мифам в словах «фаэтонов конец восприяла» - то есть, армия неприятеля была поражена молнией бога-громовержца. Интересно также, что в приоритете у Петра I скорость освещения, а не полнота сведений – он пишет свою корреспонденцию с места событий, не дожидаясь выяснения, жив или умер главнокомандующий войск противника.

---

⁵⁹ Рублева Л.И. История отечественной журналистики XVIII – XIX веков. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2012. С. 11.

⁶⁰ Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа. 1973. 464 с. // Электронный ресурс <http://radischev.lit-info.ru/radischev/kritika/zapadov-istoriya-zhurnalistiki/vedomosti.htm>

На протяжении всего XVIII столетия военная журналистика не была выделена как отдельное направление в публицистике: журналы, издававшиеся после Петра I, приняли, главным образом, литературное и просветительское направление. Специального освещения военных действий не проводилось, средства массовой информации сообщали о победах русского оружия в ряду новостей, не обращаясь к значимости или трудоемкости этой победы. Следует заметить, что после Петра Великого непосредственно вопросами имиджа правителя интересовалась Екатерина II, которая, однако, сосредоточилась на издании сатирических и литературных журналов. Многочисленные журналы, выходившие на протяжении XVIII века, освещали научные вопросы, проблемы воспитания юношества, открывали сатирическую полемику и пр. О победах русских полководцев читатель узнавал в ряду других новостей, и специализированное освещение боевых действий организовано не было. Екатерина II, в отличие от Петра I, не могла напрямую ассоциировать свой имидж правительницы с военными победами – полководцы посвящали свои победы ей, но она не являлась «главнокомандующим» войска, в отличие от императора-мужчины.

Помимо этого, следует отделять описание военных походов «на периферии» государства от народной войны, охватившей все слои населения. Когда война ведется на периферии, задача журналиста – рассказать о ходе боевых действий, героизме ее участников и подробностях сражений для тех, кто в войне не принимает участия. Когда война охватывает территорию самого государства, и в ней принимают участие многие граждане государства, задача журналиста – не только в освещении того, что происходит на фронте, но и в поднятии боевого духа самих участников, в интерпретации того, что происходит.

Также почти столетний перерыв в организации военной журналистики следует связать с масштабными переменами в социальном положении основного потребителя как указанного типа журналистики, так и средств массовой информации вообще – дворянина. Проведенная царем реформа

армии повлияла на все слои общества и изменила значение дворянства: дворяне, как указывает Ключевский, «составляли главную вооруженную силу страны; они же служили главным орудием правительства, которое из них набирало личный состав суда и управления; наконец, в их руках сосредоточивалась огромная масса основного капитала страны, земли, в XVII в. даже с крепостными землепашцами. Эта тройственность сообщала дворянской службе беспорядочное течение: каждое значение ослаблялось и портилось двумя другими»⁶¹. Иными словами, было ясно, что дворяне являются привилегированным классом, но не было ясно, как именно эта привилегированность должна реализовать себя. Поэтому дворянин до Петра I зачастую был необразованным человеком, чувствовавшим, что он всевластен и всемогущ и в связи с этим старающегося как можно более полно реализовать свое всевластие. Петр I переменял структуру армии, что сразу позволило дворянам занять четкое положение. Более того, дворянство теперь можно было заслужить благодаря упорной службе и повышению в чинах: как служба чиновника, так и военная служба после преодоления определенного порога давала право на дворянское звание.

Петр I лично проводил смотр так называемых недорослей, то есть детей высокородных семейств, которые уже выросли, но еще не отданы в учение и не заняты никакой профессией, и отправлял их за границу учиться. Была сохранена общая структура армии, в которой ключевые посты все равно должны были занимать люди дворянского звания, однако при этом Петр старался сделать так, чтобы эти люди получали главенство не по праву рождения, а по своим знаниям и умениям, которые они должны были приобрести за границей.

Политикой Петра были недовольны многие его соратники. Как отмечает Ключевский, крутые меры, предпринятые царем, были

---

⁶¹ В.О. Ключевский. Курс русской истории. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – С. 507.

малоуспешны. Все те меры, которые он провел для реорганизации армии и структуры общества, часто вызывали неприятие, казались жестокими.

Первыми шагами к формированию класса просвещенного дворянства в более близком к европейскому пониманию стал манифест Екатерины II о вольности дворянства. «В соответствии с манифестом все дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы; состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку. Они могли беспрепятственно выезжать за границу, но по требованию правительства должны были возвращаться в Россию. Во время войн дворяне обязаны были служить в армии. Манифест предоставил помещикам больше возможностей для занятий своим хозяйством»⁶². Далее, начало формироваться понятие дворянской чести, подразумевавшее защиту своей репутации, доброго имени, умение проявить доблесть на поле боя и гордиться победами предков.

Печатная пресса XVIII века была рассчитана, главным образом, на дворянство – тех, кто умел читать и имел возможность регулярно воспринимать контент толстых журналов, в которых, как правило, размещались и публицистические, и художественные произведения. Для самоосознания дворянства и самовосприятия как привилегированного класса большое значение играла пресса, в частности – освещение вопросов военного дела для профессиональных офицеров.

1.2. Военные кампании в освещении периодических изданий XIX века

Специализированная военная журналистика появилась в России практически через сто лет после первых журналов – в начале XIX века, перед Отечественной войной 1812 года. В отличие от петровских журналов, которые в первую очередь освещали победы русского войска, в 1800-х годах начали издаваться регулярные журналы для офицеров, что связано с

---

⁶² Энциклопедический словарь экономики и права. – М., 2005. – С. 309.

вниманием к качественному образованию. По нашему мнению, внимание к вопросам военного образования связано с проектами реформ М.М. Сперанского, осуществлению которых во многом помешала Отечественная война – но она же и подстегнула развитие оперативной военной журналистики.

Основная мысль Сперанского состояла в ограничении абсолютной монархии и превращении ее в конституционную. Любопытно, что в этом он солидарен с декабристами. В основном преобразования Сперанского касались системы управления России: к началу XIX века она была сильно бюрократизирована, многие ее участники не понимали своих прямых обязанностей, функции различных учреждений повторялись, и трудно было найти ответственного за конкретную задачу человека.

Первая масштабная реформа системы государственного управления была проведена Петром I. Смелость и новизну идей Сперанского можно сравнить с преобразованиями этого царя. Михаил Матвеевич Сперанский был одним из самых смелых реформаторов в России. К сожалению, многие его начинания так и не были воплощены в жизнь, поскольку после войны 1812 года великий реформатор попал в опалу и не осуществил большую часть задуманного.

Работа Сперанского над планом государственных преобразований получила одобрение Александра I, но сам план серьезно не обсуждался. Сперанский верил в скорое осуществление намеченных преобразований. Он писал: «Если Бог благословит все сии начинания, то к 1811 году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется». Однако император, большинство высших сановников и дворянство в целом не разделяли оптимизма Сперанского. Они верили в благодетельность самодержавной власти и не считали нужным ограничивать ее даже внешними формами. Творческие способности самодержавной инициативы не были исчерпаны. Затрагивать

прерогативы императорской власти в условиях постоянной внешней опасности казалось неразумным»⁶³.

Целью подобного преобразования было укрепление так называемой «моральной» власти. В своем «Уложении» М.М. Сперанский говорил о различии «моральной» и «физической» власти, говоря об ослаблении «моральной»: «Если физическая власть осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела. Какая мера правительства не подвержена ныне осуждению? Какое благотворное движение не искажено и не перетолковано? Дух партий и злонамеренность, без сомнения, имеют в сем участие; но дух партий не имел бы столько силы, если бы общий разум не расположен был к его впечатлениям. С горестию, но с достоверностию можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия. Тщетно ищут изъяснить сие из личных свойств министров. Сравнивая одни пороки с другими, перевес, без сомнения, будет на временах протекших. Одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления»⁶⁴. Частью задуманной Сперанским системы образования было, в том числе, просвещение юношества и в вопросах военного дела.

Отставка Сперанского была вызвана рядом факторов. Наиболее серьезной причиной недовольства его политикой было повышение налогов: это привело даже к народным волнениям. Образ Сперанского у простых людей был неразрывно связан с повышением налогов. «Его опале были искренне рады в высшем обществе, что вполне понятно, и со стороны народа, который относился к нему с ожесточённой озлобленностью, т.к. для упорядочения финансов, законами 2 февраля 1810 г. и 11 февраля 1812 г.

---

⁶³ Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII – XIX веков. – М., 2006. – С. 421.

⁶⁴ Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Электронный ресурс <http://hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm>

были повышены все налоги – иные удвоены, другие более чем удвоены. Так, цена пуда соли с 40 коп. была поднята до рубля; подушная подать с 1 руб. – до 3 руб. Был введён небывалый прежде «подходный прогрессивный» налог, им обложен был доход помещика с земель: 500 руб – 1%; более 18 тыс. руб. – 10%. Увеличение налогов и было причиной недовольства народа против Сперанского, чем и воспользовались его враги»⁶⁵.

Против Сперанского сыграла и легенда о якобы любви к нему Наполеона, который сказал «За этого человека я готов отдам целое государство». Впоследствии дочь Сперанского опровергала эту легенду, говоря, что ее сочинил Фаддей Булгарин⁶⁶. Однако в любом случае с его фигурой связано непосредственное внимание к юношеству, к образованию и просвещению.

Первые военные журналы, рассчитанные на читающих офицеров, появились в начале XIX столетия, а ведение Россией военных действий спровоцировало повышение интереса к теме освещения боя и среди гражданской аудитории.

С.Н. Лютов отмечает, что именно правление Александра I стало периодом зарождения истинной военной журналистики: военные журналы Петра I, по мнению исследователя, опередили свое время, и закончились со смертью их главного вдохновителя – императора. «Важной предпосылкой к появлению военных журналов в начале XIX в. была потребность в распространении военно-научных знаний, опыта подготовки войск и успешных боевых действий. ... Сложившаяся во второй половине XVIII в. система подготовки офицеров в кадетских корпусах позволяла получать хорошее образование, однако по окончании обучения офицеры не имели возможности расширять свой военный кругозор по причине отсутствия в полках какой-либо литературы по военному делу. В то же время в армиях

---

⁶⁵ Государство и власть. М.: АСТрель, 2008. С. 278.

⁶⁶ Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII – XIX веков. М.: Эксмо, 2006. С. 181.

европейских государств уже были известны примеры создания военных библиотек и выпуска военных периодических изданий»⁶⁷.

Первые военные СМИ возникли перед Отечественной войной, когда в Европе уже шли наполеоновские войны. Образованные и сведущие в современных тенденциях вооружения и тактики офицеры были необходимы – Россия не могла остаться в стороне от конфликтов, охватившего Европу. В 1808 году появился «Артиллерийский журнал», издаваемый временным артиллерийским комитетом, в 1810 – «Военный журнал» отставного майора П.А. Рахманова. Первый журнал был рассчитан только на артиллеристов, второй – на более широкую аудиторию, и снискал популярность среди военных. «Каждая книжка делилась на четыре части: дидактическую, историческую, критику и смесь. ... Статьи издания отличались основательными суждениями и точностью слога, а также распространяли много новых и полезных сведений в кругу военных»⁶⁸. При этом журнал Рахманова представлял собой скорее научное издание, чем популярное: автор подбирал теоретические материалы по военному делу, публиковал исторические документы.

Два издания, считающихся первопроходцами российской военной журналистики, существовали до 1811 года. В 1812 году в связи с активными боевыми действиями издание журналов было прекращено, однако появились военные газеты, извещающие о событиях на поле боя – «Россиянин» и «Известия из армии» (последнюю активно поддерживал М.И. Кутузов). В написании публикаций активное участие принимали значимые общественные деятели, полководцы, поэты и писатели: «В. А. Жуковский и А. Ф. ...; автор первой книги о войне 1812 г. Д. И. Ахшарумов; генерал и писатель И. Н. Скобелев; партизаны братья М. А. и П. А. Габбе; самый

---

⁶⁷ Лютов С.Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 11. С. 5 – 6.

⁶⁸ Барышникова Ю.Е. История формирования российской военной журналистики // Язык. Культура. Коммуникации. № 2. 2017. // Электронный ресурс <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/538/657>

молодой генерал, разведчик и дипломат М. Ф. Орлов, поэт и мемуарист Ф. Н. Глинка; писатель, славист и историк К. Ф. Калайдович; немецкий публицист, офицер русской армии Ф. Пфуль; немецкий поэт Э. Арндт; латышский публицист Г. Меркель»⁶⁹.

Тематику издаваемых в полевых условиях военных газет развивал и продолжал журнал «Сын Отечества», издаваемый Н.И. Гречем – формально это издание не было военным журналом, однако в период ведения боевых действий «содержание журнала составляли хроники военных действий в России и за границей, патриотические воззвания, оперативные перепечатки сведений из газеты «Известия из армии», стихотворения, солдатские песни, басни, отвечающие духу времени иллюстрации в виде злободневной политической карикатуры»⁷⁰. Еженедельное издание «Сына Отечества» было поддержано государем и его приближенными, и первая же книжка журнала открывалась «статьей Арндта, «Глас истины», которая сразу задавала тон, и по форме и по мыслям, последовавшему за ней литературному материалу. «Кровожадный, ненасытимый опустошитель, разоривший Европу от одного конца ее до другого, не перестает ослеплять всех своим кощунством и лжами», так выразительно начиналась статья. Автор намеревался показать верное изображение Наполеона в «ужасном зеркале»; он представляет его себе «сидящим на престоле своем посреди блеска и пламени, как Сатана в средоточии ада», вокруг него горят города и деревни, в пламени и развалинах Москва. Но у русского народа верные сподвижники: «первый есть Бог сил», вторые союзники: свобода, Отечество, честь; далее – гнев и мщение, тихие молитвы, обеты и желания. Россиянам, народу «единственному», сильному и храброму, выпадает на долю бессмертная слава «сражаться за свободу и честь своего Отечества, подвизаться за свободу и честь всей Европы». Жребий брошен! «Идет великая брань, дело Божие, дело правосудия и

---

⁶⁹ Лютов С.Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 11. С. 7.

⁷⁰ Там же.

свободы!» Россия страхнет железное иго, и после бури наступят времена мира и благополучия: «цари на престолах, дворяне в поместьях своих, граждане и крестьяне в своих домах и хижинах наслаждаются безопасностью»⁷¹.

Журнал, таким образом, реализует, в первую очередь, пропагандистскую функцию: описывается не только ход битвы, как в плакатах Петра I, но читателю демонстрируется ее символическое значение, публикации «Сына Отечества» выстраивают семиотику сражения. Для Петра I было важно, в первую очередь, показать стратегию и тактику, высветить полководческий гений. Его плакаты с изображением битв, фактически, просвещали и образовывали аудиторию: сражение представало как своего рода шахматная задача, в которой более искусный игрок достигал победы, грамотно используя те силы, которые были в его распоряжении. При этом в репортажах акцентировались также и подвиги отдельных участников сражения и значимость победы в целом

«Сын Отечества» от просветительской функции обратился к риторической: не случайно его главным редактором был не военный, а словесник, автор множества учебников и преподаватель русского языка Н.И. Греч. Общество было осведомлено о том, что война идет – необходимо было правильно семантизировать ведущиеся государством боевые действия. Зарубежная кампания объяснялась именно той миссией, которую возложила на себя российская армия – освободить народы Европы от захватчика, воспринимавшегося как порождение дьявола и вестник Апокалипсиса. Русская армия в данном случае осуществляла священную миссию, восприятие которой было подготовлено интерпретацией фигуры Наполеона.

В первой половине XIX века были намечены два основных вектора развития военной журналистики: образовательно-просветительская миссия и оперативное извещение о новостях на театре военных действий. В 1813 г. по инициативе частного лица начала издаваться газета «Русский инвалид»,

---

⁷¹ Отечественная война и русское общество. Т. 5. – М.: Нестор-История, 2011. – С. 8.

первоначально основанная как благотворительный проект для помощи раненым солдатам, вдовам и сиротам. «Русский инвалид» оказался одним из самых долговечных проектов военной журналистики XIX века – издание выходило до 1917 года, а с 1816 газета стала государственной. В 1813 году основателю газеты П.П. Пезаровиусу удалось наладить получение новостей с театра военных действий раньше других изданий: ему помог цензор-переводчик, давший доступ к выпискам из иностранных газет⁷². В дальнейшем у газеты много раз менялся главный редактор, она то теряла, то вновь приобретала подписчиков, и, по данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона 1899 г., «Кроме официальной части, обнимающей все стороны жизни русской армии и дающей сведения об иностранных войсках, газета содержит в себе статьи по военным вопросам, военные корреспонденции, телеграммы, библиографию»⁷³. Газета издавалась ежедневно, и в отсутствие актуальных новостей с театра военных действий публиковала приказы, программы испытаний на чин и прочие официальные документы.

В 1817 – 1818 гг. издавался также «Военный журнал» - проект Общества военных людей, которому покровительствовал Александр I. Редактором нового издания стал герой войны Ф.Н. Глинка, и журнал первоначально был тепло принят публикой, но достаточно быстро утратил популярность: авторы сделали акцент на историческую составляющую, публиковали переводы из трудов римских и греческих историков и мало обращались к актуальным реалиям. В результате издание было прекращено, и единственным периодическим изданием военной направленности осталась газета «Русский инвалид или Военные ведомости». ... в ряду причин, сдерживавших развитие военной журналистики в 1820-е гг., следует, на наш взгляд, усматривать и постепенный отход гражданских деятелей литературы

---

⁷² Пезаровиус П.П. Краткая история газеты «Русский инвалид». – СПб: Военная типография, 1843. – С. 11.

⁷³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVII. – СПб, 1899. – С. 326.

и печати от военной тематики и от военных периодических изданий. Представители офицерского корпуса, выдвигавшиеся к руководству военными газетами и журналами, не имели достаточного опыта и профессиональных навыков в организации повседневной деятельности по выпуску военной периодики⁷⁴. Издание «Военного журнала» было возобновлено в 1827 году, однако с существенными ограничениями цензуры: как указывает К. Кузьминский, в журнале были запрещены «а) политика и все до оной относящиеся предметы, б) споры о мнениях по каким бы то ни было предметам, с) критика на существующие учреждения, д) всякая личная критика и антикритика»⁷⁵. Отметим, что цензурные ограничения были непосредственно связаны с последствиями восстания 1825 года и распространялись на все виды прессы – не только военные, но и остальные журналы публиковались в условиях жесточайших ограничений.

Даже в лучшие годы издания обновленного «Военного журнала» он имел немного подписчиков, а печатаемые в нем материалы не привлекали большого интереса: «Сухой и схоластический характер статей «Военного журнала», полная оторванность от жизни, быстро повели его к упадку. Число подписчиков было ничтожно еще при первом редакторе, генерале Гогеле 1-м (артиллерия); при преемнике же его, генерале Хатове, когда книжки уменьшились до 4 печатных листов, заключавших 2—3, по преимуществу, переводные статьи, «Военный журнал» был мало известен даже по имени и расходился в количестве не свыше 150 экземпляров, считая даровые. В таком состоянии принял дело в 1846 г. профессор военной академии полковник (впоследствии генерал-майор) Болотов, сохранивший руководство журналами до половины 1852 г. Болотов произвел коренное преобразование журнала, увеличил размер его до 15 печатных листов, ввел

---

⁷⁴ Лютов С.Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 11. С. 9.

⁷⁵ Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 7. С. 114.

библиографический отдел и военную летопись и, несмотря на невероятные цензурные условия, сумел сделать орган жизненным. Ему удалось привлечь к участию в журнале лучшие военные литературные силы того времени: Д. А. Милютина, М. И. Богдановича, кн. Голицына, Шуберта, Стефана, Неверовского, давших ряд статей, которые сохранили свой научный интерес даже до настоящего времени. Число подписчиков удалось повысить до 500»⁷⁶.

Эти же ограничения распространялись и на другие журналы, что привело к углублению журналистики (в том числе и военной) в область узкой специализации: военные журналы стали, фактически, не публицистическими, а научными. В 1823 году начал издаваться «Военно-медицинский журнал», в 1826 – «Инженерные записки», 1827 – «Записки военно-топографического бюро», в 1839 снова начал издаваться «Артиллерийский журнал». Фактически, в военной журналистике наступило затишье до кампании 1853 – 1856 гг., когда вопросы освещения боевых действий снова стали актуальными.

Следует отметить, что основным форматом прессы XIX века были толстые журналы – альманахи. Их учредителями, как правило, были известные писатели, литераторы. К примеру, «Подснежник» (выходил в Санкт-Петербурге в 1829-1830-х гг.) издавали А.А. Дельвиг, О.М. Сомов и Е.В. Аладьин⁷⁷. Авторов публикаций в изданиях подобного типа возможно условно поделить на популярных и не популярных литераторов. Этот факт придает «пестроты» авторскому составу⁷⁸. Такая особенность была заметна в выпусках «Северных цветов» (Санкт-Петербург, 1824-1831 гг.) – в них размещались труды таких поэтов, как С.Е. Раич, Д.П. Ознобишин, В.Н.

⁷⁶ Военная энциклопедия. Т. 6. СПб: Сытин, 1911 – 1915. С. 585.

⁷⁷ Матвеева Ю.А. Эпизоды из истории издания «Литературной газеты» и альманаха «Подснежник» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. № 2. С. 137-138.

⁷⁸ Балашова Ю.Б. Эволюция и поэтика российского литературного альманаха как типа издания: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. С. 211.

Щастый и так далее⁷⁹. Издание «Северная лира» (Москва, 1827 г.) было учреждено специально для представления аудитории материалов «Кружка Раича» – литературной секции поэта С.Е. Раича⁸⁰.

«Северные цветы» были основаны в 1824 году другом А.С. Пушкина А.А. Дельвигом⁸¹. Альманах задумывался как конкурирующий с издаваемым с 1822 года альманахом «Полярная звезда»⁸² – карманным изданием, которое редактировали К.Ф. Рылеев и А.А. Бестужев-Марлинский.

«Северные цветы» и «Полярная звезда» сотрудничали с одними и теми же авторами – так, постоянными авторами книжек альманахов были А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, А.А. Дельвиг, И.А. Крылов и многие другие писатели и литераторы начала XIX столетия. При этом «Полярная звезда» имела ярко выраженную продекабристскую направленность: альманах регулярно имел проблемы с цензурой, авторы и редакторы описывают в воспоминаниях многочисленные столкновения с цензорами, взятки и подкупы, а также иные проблемы: многие стихотворения «Полярной звезды» публиковались в урезанном виде, что вызывало раздражение авторов.

«Северные цветы» были основаны А.А. Дельвигом именно как конкурирующее с «Полярной звездой» издание, которое оказалось и своего рода правопреемником последней после декабристского восстания: альманах «Полярная звезда» был тесно связан с именем одного из казненных декабристов – Кондратия Рылеева. «Уже в 1824 году отстраненный от выпуска третьей «Звезды» книготорговец Слёнин уговорил Дельвига основать конкурентный альманах, закрепляя за собой его выпуск и продажу. Первая книжка «Северных цветов» вышла в декабре 1824 года, и в издательском объявлении, напечатанном в «Сыне Отечества», о

⁷⁹ Балашова Ю.Б. Типологические особенности классического альманаха – «карманной книжки» // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 4. Т. 68. С. 70.

⁸⁰ Балашова Ю.Б. Альманах как иллюстрированный тип издания // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. Т. 157. С. 22-23.

⁸¹ Чертков Л. Н., Чертков Л. Н. «Северные цветы» [1825—1831] // Краткая литературная энциклопедия — М.: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 6. – С. 715-716.

⁸² Там же.

предполагавшемся составителями «Цветов» соперничестве говорилось прямо. Почти все авторы «Полярной звезды» одновременно были и авторами «Северных цветов»⁸³.

«Полярная звезда» открыла в русской литературе формат литературного альманаха и начала «эпоху альманахов» - на волне ее успеха в первой половине XIX века издавалось более 30 альманахов. «Северные цветы» стали первым альманахом, который начал эту тенденцию развития. При этом предприятие задумывалось как коммерческое: успех «Полярной звезды» вдохновил Сленина, и он видел в альманахе Дельвига не только важное литературное начинание, но и способ заработать.

Первый номер «Северных цветов» был опубликован 7 ноября 1824 года, причем при подготовке к печати часть работы пришлось переделывать, так как листы из будущего тиража были испорчены знаменитым Петербургским наводнением 1824 года. Альманах имел книжный формат, 13 см на 8,8 см, был издан в кожаной обложке – то есть, фактически, имел внешний вид книги, а не журнала⁸⁴. Создатели альманаха, опять-таки в знак противопоставления их издания «Полярной звезде», отказались от ограничений карманного формата (из-за малой площади листа в «Полярной звезде» печатали, главным образом, короткие стихотворения и отрывки), и в «Северных цветах» печатались и крупные произведения.

Отметим, что позиция издателей «Северных цветов» в отборе и принципах печати произведений радикально отличалась от «Полярной звезды». В.Э. Вацуру прослеживает эту разницу на примере пушкинской «Песни о Вещем Олеге»: «Печатаемая у Дельвига «Песнь о вешем Олеге», Пушкин вступал тем самым в литературное состязание с Рылеевым, написавшим думу «Олег Вещий». В рылеевской думе он находил анахронизмы и — что гораздо важнее — отсутствие исторических характеров. Именно такой характер занимал его более всего, когда он писал

---

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

собственную балладу: первобытное простодушие средневекового воина с его детской верой в слова прорицателя и трогательной привязанностью к животному — товарищу многолетних походов. Рылеев искал в Олеге иного: символа древней национальной славы. Разница эстетических принципов Пушкина и «гражданского романтизма» декабристов уже давала себя знать, и Пушкин, надо думать, не случайно не отдал этих стихов в «Полярную звезду». Он мог предвидеть, что издателям они не понравятся, — как и случилось»⁸⁵.

Альманах издавался до 1832 года – всего вышло 8 ежегодных книжек: альманахи на 1825, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831 и 1832 годы. Номер на год публиковался в конце предыдущего года или в начале следующего – так, вышедший в конце 1824 года номер назывался альманахом на 1825 год. Со второго номера Дельви́г отказался от услуг Сленина и взял издание на себя: альманах приносил доход, одна его книжка стоила в 1825 году 12 рублей⁸⁶, что по тем временам составляет немалую сумму. В то же время трудности с печатью и подбором материала в 1825 – 1828 гг. сместили выход альманаха ближе к весне, и Дельви́г приурочил его к Пасхе. После 1828 года альманах вернулся к публикации в новогодние праздники, а к Пасхе выходили небольшие книжки-спутники с заглавием «Подснежник», где печатались произведения молодых авторов, главным образом, близких кругу Дельви́га.

В январе 1831 года, вскоре после выхода новой книги альманаха, А.А. Дельви́г скончался, и последний номер альманаха, вышедший на 1832 год, был собран и опубликован А.С. Пушкиным как дань памяти другу.

В литературных альманахах прослеживалась тенденция к освещению военных действий через имплицитные отсылки к военным конфликтам и политическому противостоянию. Вопросы войны были в имплицатуре текстов, даже если формально текст был посвящен далеким от войны

---

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

вопросам – так, то же обращение к образу Вещего Олега отсылает к концепции священной войны и победы русского оружия.

«Северные цветы» были одним из самых долговечных альманахов начала XIX столетия – восемь ежегодных номеров на тот период были весомым достижением. История развития альманаха, его редакционная и издательская политика тесно связаны с историей России, а также с другими альманахами того времени – в первой трети века шло своеобразное соперничество журналов-альманахов, и каждый альманах старался обрести свое лицо и обозначить свою литературную и издательскую позицию. После смерти А.А. Дельвига, возглавлявшего альманах, вышел только один номер, позиционировавшийся как дань памяти его издателя. В дальнейшем были предприняты попытки возродить альманах, которые, однако, не увенчались успехом, а в начале XX века выходил аналогичный альманах с идентичным названием, не являющийся правопреемником классических «Северных цветов».

Как видно из хронологии XVIII – первой половины XIX века, подъем интереса к военной журналистике всегда был связан не только с ведением активных боевых действий (на протяжении XVIII века они также велись, однако освещались в прессе общего характера, а не в специализированных военных изданиях), но и с обновлением государственной семиосферы, стремлением к реформам и новизне.

Крымская кампания второй половины XIX века, фактически, поставила вопрос о принципиально новом подходе к освещению боевых действий для широкой публики. Английские и французские газеты направили в зону боевых действий своих корреспондентов, отчеты и очерки которых пересылались морской почтой. «Многие историки, исследователи Крымской войны, считают Уильяма Рассела величайшим военным корреспондентом. Он отметил главную отличительную черту Крымской войны – плохое управление войсками, как со стороны англо-франко-турецкого альянса, так и со стороны России. ... Военные репортажи Рассела сделали его знаменитым.

Он рассказал в своих репортажах о нехватке медикаментов в британской армии, о волоките и анахронизме британской структуры командования и о превосходстве в организации французской армии во всех отношениях»⁸⁷. Корреспонденции Рассела сопровождались фотографиями фотокорреспондента Роджера Фентона.

Россия также направила на фронт военных корреспондентов – Н.П. Сокальского, Н.В. Берга. Сокальский был журналистом, сотрудником газеты «Одесский вестник», и во время войны он собирал рассказы раненых солдат и матросов в госпиталях, публикуя их с сохранением особенностей речи своих собеседников. Н.В. Берг, состоявший в штабе главнокомандующего на должности переводчика, отправлял очерки о военных действиях в журнал М.П. Погодина «Москвитянин» под видом частных писем, что позволяло избежать цензуры. Военный и общественный деятель А.Д. Столыпин, принимавший участие в Крымской кампании, составил очерк «Ночная вылазка в Севастополе», который он передал в «Современник» через Л.Н. Толстого.

Регулярные сообщения с фронта в российской армии еще не были налажены – корреспонденты действовали в основном по собственной инициативе, фиксируя свои наблюдения и акцентируя внимание на переживаниях ее непосредственных участников и героизме отдельных солдат и офицеров. Автор исследования «История информационных войн» Н.Л. Волковский называет первым военным корреспондентом в истории российской журналистики Н.В. Берга: «Исключительную роль в освещении Крымской войны сыграли корреспонденции журналиста Николая Васильевича Берга, известного также поэта и переводчика. В 1853 году он в качестве корреспондента отправился в Севастополь, чтобы стать очевидцем его обороны и писать в «Москвитянин» М.П. Погодина. <...> Н.В. Берг был едва ли не единственным военным корреспондентом, в прямом смысле этого

---

⁸⁷ Первые военные корреспонденты Крымской войны // Электронный ресурс <http://www.evpatori.ru/pervye-voennye-korrespondenty-krymskoj-vojny.html>

слова, от русской печати в 1853–1856 годах, поставивший себе прямой и единственной целью пребывания на театре войны – осведомление русского общества о ее событиях и героизме русских воинов. Корреспонденции Берга не содержали в себе описаний страданий русских воинов от плохого снабжения и устарелости их вооружения, а также других причин больших потерь русских войск и их поражений – это все равно не позволила бы опубликовать цензура»⁸⁸.

К числу военных корреспондентов также причисляют и писателя Л.Н. Толстого, который опубликовал первый очерк о ходе боевых действий в Севастополе, раньше Столыпина и Берга: «Очерк «Севастополь в декабре месяце» опубликован в шестом, июньском, номере «Современника» за 1855 год. То есть месяцем раньше очерков Николая Берга и Аркадия Столыпина. При этом в сноске от имени редакции написано: «Автор обещает нам ежемесячно присылать картины севастопольской жизни, в роде предлагаемой. Редакция «Современника» считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами «Детство», «Отрочество», «Набег» и «Записки маркера».

Как видим, редакция «Современника» фактически объявляет Льва Толстого своим постоянным фронтовым корреспондентом. И это решение возникло отнюдь не спонтанно, а по желанию самого Толстого, который горел желанием заняться именно военной журналистикой»⁸⁹. Перед началом Крымской кампании, в 1854 г., Л.Н. Толстой входил в инициативную группу русских офицеров, выступивших с прошением об издании специализированного военного средства массовой информации с

---

⁸⁸ Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 т. М.: Военно-историческая библиотека, 2003. – С. 188.

⁸⁹ Мясников В. Лев Николаевич – самый первый русский фронтовой корреспондент // Электронный ресурс https://nvo.ng.ru/history/2010-12-10/12_tolstoy.html

предположительным названием «Военный листок». Однако офицерам было отказано ввиду существования газеты «Русский инвалид».

Целенаправленное освещение боевых действий, организованное по образцу западных СМИ, было налажено в России в ходе военных действий 1877 – 1878 гг. Как отмечает А.В. Манахова, «то была война, в которой были заинтересованы, кроме основных участников, многие европейские страны. Поэтому как официальные представители, так и простые читатели нуждались в информации о ходе кампании на Балканском полуострове. После объявления войны представители зарубежных и отечественных изданий начали обращаться к российскому командованию с просьбами допустить корреспондентов на театр боевых действий».

Русско-турецкая война была на тот момент одним из главных информационных поводов, поэтому наличие в штабе действующей армии своего представителя и получение от него достоверной информации способствовало повышению спроса на издание⁹⁰. Большой интерес русских и зарубежных изданий поставил вопрос о допуске журналистов к освещению боевых действий.

При этом вместе с вопросом о допуске журналистов к освещению хода войны был поставлен вопрос о возможном проникновении в армию шпионов под видом журналистов: русская армия вступала в войну после проведения масштабных реформ, и многим державам было интересно как можно подробнее узнать об изменениях в действующей армии России.

22 апреля 1877 года было выпущено первое приказание по действующей армии, касающееся вопросов аккредитации военных корреспондентов. Условия допуска включали в себя пять пунктов: «1. Допускать присутствие при войсках, если начальники отрядов по военным соображениям и по положению отряда признают возможным, – только таких

---

⁹⁰ Манахова А.В. Проблема допуска корреспондентов на Балканский театр русско-турецкой войны 1877–78 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика // Электронный ресурс <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/3/problema-dopuska-korrespondentov-na-balkanskiy-teatr-russko-turetskoy-voyny-1877-78-gg/>

корреспондентов, которые: а) имеют особый наружный знак на левом рукаве – круглую бляху из листовой меди с выбитым на ней орлом, № и надписью «корреспондент» с печатью полевого комендантского управления армии; б) могут предъявить свой фотографический портрет, снабженный письменным удостоверением личности, за печатью полевого комендантского управления армии на обратной стороне.

2. Присутствие при войсках лиц, не имеющих при себе обоих этих знаков, не должно быть терпимо. Одному наружному знаку, без предъявления засвидетельствованного фотографического портрета, – никакого удостоверяющего значения не придавать.

3. Всем вообще начальствующим лицам следить за корреспондентами. В случаях каких-либо подозрительных действий и сношений, а тем более в случае попыток перебраться на неприятельскую сторону, – препровождать корреспондентов в штаб армии, с объяснением причин задержания.

4. Не стесняя свободы передвижения корреспондентов, требовать от них однако, чтобы они уведомляли о каждой перемене своего местопребывания, и доносить записками в штаб армии: кто, куда и когда отправился.

5. В случае беседы с корреспондентами, соблюдать вообще осторожность и отнюдь не сообщать им никаких сведений о составе, численности, направлении и цели движения наших колонн и о расположении частей войск»⁹¹.

Медный знак был вскоре заменен на нарукавную повязку с надписью «корреспондент», но общая идея допуска только аккредитованных корреспондентов с соответствующими знаками отличия сохранилась. Корреспонденты имели право использовать бесплатную почту и телеграф,

---

⁹¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 28. Действия Нижне-Дунайского отряда с 21 мая по 1 августа 1877 г. СПб: Бережливость. 1900.

направляли сообщения достаточно часто, внося тем самым беспорядок в работу почты.

Е.М. Муминова отмечает следующую характерную особенность освещения турецкой кампании: российские военные корреспонденты, с одной стороны, уже не были сами инициаторами написания материалов о ходе войны, как это было в 1855-1856 гг. Однако газеты, направлявшие корреспондентов на фронт, часто сами не могли обеспечить их необходимыми средствами и доступом к информации, в результате чего освещение военных действий в западных газетах было организовано существенно лучше, чем в российских: «Отношение к российским и иностранным корреспондентам в армии было полярно различным. Если иностранные корреспонденты имели легкий доступ к высокопоставленным лицам, а следовательно, могли легко получить интересующие их сведения, то российские корреспонденты таких привилегий не имели»⁹². Российские корреспонденты часто работали из тыла, высылали отчеты с опозданием, и в целом страдали от плохой организации процесса.

В.И. Немирович-Данченко, старший брат знаменитого режиссера, был одним из самых знаменитых военных корреспондентов кампании 1877 – 1878 гг. Он принимал участие в боевых действиях и был награжден, при этом «за газетами со статьями Немировича выстраивались очереди. Их перепечатывали ведущие издания Европы, Америки и даже Турции – ведь автор с уважением отзывался о храбрости османских солдат»⁹³. Немирович-Данченко принимал участие в качестве военного корреспондента во всех значимых боевых действиях до Революции – не принявший новую власть «король военных корреспондентов» эмигрировал. Его очерки легли в основу

---

⁹² Муминова Е.М. Деятельность российских и иностранных корреспондентов на Балканах в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-rossiyskih-i-inostrannyh-korrespondentov-na-balkanah-v-gody-russko-turetskoy-voyny-1877-1878-gg>

⁹³ Эрлихман В. Режиссер на театре военных действий // Электронный ресурс <https://rg.ru/2017/05/10/rodina-vasilij-nemirovich-danchenko.html>

книги «Год войны»⁹⁴ и романа «Гроза», которые были чрезвычайно популярны у современников.

А.И. Куприн в очерке «Вас. Ив. Немирович-Данченко. Военный корреспондент» цитирует прямую речь корреспондента, относящуюся уже к 1914 году: «Эта война – восьмая по счету, на которую я отправляюсь корреспондентом. Восьмая, милостивые государи. Восстание карлистов, Хива, Туркестан, Турецкая кампания, Японская война, Турецко-славянская и, наконец, эта. Всюду до сих пор я встречал внимание доверие и помощь. А теперь? Загонят нас всех в дальний тыл — как своих ушей не видать мне будет ни фронта, ни боя, даже не услышу я выстрелов! Заставят нас всех, как учеников, послушно переписывать шпаргалку, сочиненную в штабе, — вот тебе и собственные корреспонденты с театра войны! За что же мне это оскорбление? Кто я в их глазах? Предатель? Немецкий шпион? Или я везу на фронт прокламации для солдат, против войны? Или я только штатский паникер? К этому, вот к этому самому месту на груди Михаил Дмитриевич Скобелев собственноручно прикрепил мне Георгиевский знак. Только я и художник Верещагин — из невоенных — были так отличены. И вдруг... Точно институтки... Попарно, в сопровождении двух классных дам. Какая грубая, какая ненужная обида!...»⁹⁵

В этом высказывании отражается не только исключительная доблесть Немировича-Данченко, но и практика взаимодействия с военными корреспондентами, создававшая проблемы еще во время Турецкой войны 1877-1878 гг.: борясь с возможным шпионажем, корреспондентов помещали под надзор офицеров, фактически не давая им доступа к освещению боевых действий.

⁹⁴ Немирович-Данченко В. И. Год войны: Дневник русского корреспондента 1877-1878: В 2 т. СПб.: Типография Лихачева и Суворина, 1878. Т. 1. 326 с. Немирович-Данченко В. И. Год войны: Дневник русского корреспондента 1877-1878: В 2 т. СПб.: Типография Лихачева и Суворина, 1878. Т. 2. 329 с.

⁹⁵ Куприн А.И. Вас. Ив. Немирович-Данченко. Военный корреспондент // Электронный ресурс <http://kuprin-lit.ru/kuprin/public/danchenko-voennyj-korrespondent.htm>

В конце XIX века, таким образом, присутствовало понимание важности военной журналистики – необходимо было организовать освещение боевых действий и регулярную военную прессу, издаваемую в мирный период. В то же время Россия существенно отставала от передовых стран Европы в вопросах организации освещения войны. Это проявилось в ходе освещения масштабного мирового конфликта – Первой мировой войны.

Выводы по главе I

На протяжении XVIII – XIX веков создавалась парадигма освещения военного конфликта, в котором принимают участие российские войска. Необходимость описания и запечатления военных походов и побед осознавалась еще при Иване Грозном, однако средства для оперативной организации информирования появились при Петре I, который лично стал первым военным корреспондентом. Стимулом к развитию периодической печати в России стала именно военная журналистика – первая публично распространяемая газета «Ведомости» была задумана именно для освещения военных походов, а впоследствии перешла к освещению и различных новостей из других сфер.

Организованное освещение боевых действий в специализированных изданиях началось во время Отечественной войны 1812 года, перед которой в России возникли первые военные журналы и газеты. Ведение войны против наполеоновских войск и заграничный поход российской армии были темой не только военных изданий, но и различных журналов и газет. Конфликт с захватчиками воспринимался через призму религиозной подоплеки: Наполеона воспринимали как Антихриста, а борьба с ним имплицитно позиционировалась как священная война.

Первоначально освещение боевых действий было рассчитано на гражданское население – тех, кто не участвует в конфликте, но хотел бы знать о его ходе. Описание успехов войск и быта солдат на войне

коррелировало с непосредственным восприятием образа власти: основной акцент был именно на достижениях, результатах и продвижениях военных. Образ царя-победителя формировался под воздействием имплицатуры текстов военных журналистов.

Боевые действия 1850-х – 1870-х гг. освещались в менее победительном ключе: так, очерки писателей и журналистов акцентировали внимание на бытовых и нравственных проблемах солдат и офицеров, имплицитно подчеркивая неорганизованность боевых действий и отсутствие четкого стратегического плана. Выстраивается корреляция семиозиса образа правителя и освещения боевых действий: хотя о полноценной информационной войне в реалиях 1700-х – 1800-х годов пока говорить не приходится, тем не менее, намечается закономерность зависимости победы/поражения от позиционирования в печати, которая в полной мере реализуется на протяжении XX столетия.

Анализ истории российской военной журналистики с момента зарождения протожурналистских жанров и до начала XX столетия демонстрирует устойчивую корреляцию «сильный правитель – централизованная система военной журналистики». На протяжении XVIII и XIX века правители страны, вошедшие в историю как преобразователи, реформаторы, созидатели и победители, тщательно работали с освещением боевых действий – Петр I лично выступал в качестве военного корреспондента, Александр I и Николай I придавали большое значение военной журналистике. Провальные кампании, как правило, формировали негативное отношение к образу правителя – читатели газет и журналов не осуждали солдат, но проецировали проигрыши и потери на высшую власть государства.

ГЛАВА II. ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XX ВЕКА В СОЦИОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

2.1. Первая Мировая и Гражданская войны в контексте информационного противостояния

Во время Первой мировой войны российская военная журналистика первоначально оказалась бессильной в описании событий – корреспондентов не допускали до боевых действий, они не имели возможности попасть на фронт, так как были велики опасения, что полученные ими сведения будут использованы в качестве инструмента пропаганды. «Русская пресса оказалась в тяжелом положении. Новости, получаемые с фронта, не удовлетворяли интерес публики, а послать собственных корреспондентов в эпицентр военных действий никто не мог, поскольку в конце июля 1914 года начальникам штабов в войска поступила телеграмма о том, что «корреспонденты в армию допущены не будут», хотя такие газеты как «Русские ведомости», «Новое Время», «Русское слово» неоднократно пытались отправить своих журналистов на фронт в качестве корреспондентов.

Тем не менее, в 1914 году нескольким представителям российской прессы была предоставлена возможность посетить армию Российской империи. Это позволило журналистам не только описать достоверное положение дел на фронте, но и положило начало созданию Бюро печати. Оперативные сведения Бюро предоставляло ограниченному кругу изданий, поэтому оно не имело права считаться централизованным органом по сбору информации»⁹⁶.

---

⁹⁶ Юрлова А.В. Становление российской военной журналистики // Электронный ресурс <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016-zhurnalistika-v-sovremennom-media/1/jurlova.pdf>

Неуспех военных журналистов в первые дни войны неразрывно связан с манифестом 1905 года, в котором было объявлено о свободе слова. Настоящий подъем журналистики начался не непосредственно после манифеста, а несколько позже, в 1910 году, и предвоенную журналистику характеризовала лояльность какой-либо партии: «Оживление политического движения способствовало росту числа прессы различных направлений и типов. Это можно проследить на данном примере: в 1910 число изданий, выходивших в России, было почти 2000, в 1913 году оно достигло 3000 тысяч, а если быть точнее 2915. В это время весь спектр общественных интересов был представлен в прессе. 1913 ознаменован также как и последний мирный год в журналистике.

К началу Первой Мировой Войны в Российской Империи практически не осталось свободных изданий. Каждая политическая партия выпускала по меньшей мере одну газету или журнал, в которых публиковались разного рода материалы, так или иначе пропагандирующие позицию партии»⁹⁷. Соответственно, допуск корреспондентов на фронт был строго ограничен в силу того, что левые партии активно критиковали участие в войне и призывали из нее выйти.

Иностранные исследователи военной журналистики подчеркивают, что именно Первая Мировая война оказалась поворотным моментом в освещении военных действий в журналистике не только в России, но и во всем мире: «Во время Первой мировой войны министерства обороны направляли своих чиновников в различные газеты, чтобы жестко контролировать работу журналистов. В районах боевых действий журналистов не пускали на линию фронта. Обе конфликтующие стороны полагали, что пресса должна служить государственной пропаганде – тексты подвергали цензуре, а журналистов запугивали. Во многих странах это и по сей день так»⁹⁸.

---

⁹⁷ Саяхова Д.К., Тыщук Н.В. Российская печать в годы Первой Мировой войны // Электронный ресурс <https://scienceforum.ru/2016/article/2016023841>

⁹⁸ Мерсье А. Война и средства массовой информации: постоянные и переменные величины // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. № 860. С. 63.

Д.Г. Гужва в фундаментальном исследовании «Их оружие – острое перо и зажигающее слово. Корпус военных корреспондентов в русской армии в годы Великой войны»⁹⁹ отмечает, что законодательное регулирование вопросов освещения боевых действий было настолько строгим и всеобъемлющим, что в первые месяцы ведения боевых действий очень немногим корреспондентам удалось аккредитоваться в качестве журналистов. Недостаток информации, между тем, вынуждал корреспондентов пускаться на хитрость – так, «Михаил Пришвин признавался, что надел форму санитаря, чтобы трудиться военным корреспондентом. В разгар битвы он все время что-то записывал, пока его не пристыдили. И он стал санитаром по-настоящему — таскал раненых, поил их водой, рассказывал про голубую стрекозу над заводью»¹⁰⁰.

Уже осенью 1914 года в газетах начали появляться сообщения «от наших собственных корреспондентов», по факту пересланные неаккредитованными журналистами либо и вовсе выдуманные. В качестве ответа на эти материалы в конце сентября 1914 была сформирована первая группа военных корреспондентов, в составе которой были «С.Ф. Вельский, Н.И. Кравченко, В.И. Немирович-Данченко, К.Н. Соломонов (Шумский), С.Н. Сыромятников, А.М. Федоров, японский журналист К. Оба, англичане Роберт Вильтон, Бернард Перс, Мьюз, американец Стенли Вашбурн, француз Людовик Нодо, а также корреспондент «Русского инвалида» поручик В.В. Даманский»¹⁰¹. Многие историки войны отмечают, что работа корреспондентов осложнялась вмешательством цензуры, из-за которого, в

---

⁹⁹ Гужва Д.Г. Их оружие – острое перо и зажигающее слово. Корпус военных корреспондентов в русской армии в годы Великой войны // Электронный ресурс <https://histrf.ru/read/articles/ikh-oruzhiie-ostroie-piero-i-zazhighaiushchieie-slovo-korpus-voiennykh-korriespondientov-v-russkoi-armii-v-ghody-vielikoi-voiny>

¹⁰⁰ Багдасарова С. Солдаты Культуры: русские писатели и художники на Первой мировой войне // Электронный ресурс <https://www.culture.ru/materials/102565/soldaty-kultury-russkie-pisateli-i-khudozhniki-na-pervoi-mirovoi-voine>

¹⁰¹ Гужва Д.Г. Их оружие – острое перо и зажигающее слово. Корпус военных корреспондентов в русской армии в годы Великой войны // Электронный ресурс <https://histrf.ru/read/articles/ikh-oruzhiie-ostroie-piero-i-zazhighaiushchieie-slovo-korpus-voiennykh-korriespondientov-v-russkoi-armii-v-ghody-vielikoi-voiny>

частности, запрещалось публиковать фото героев и описания их подвигов с упоминанием конкретных имен и фамилий. Обобщенные описания, одобренные Ставкой главнокомандующего, порицались и осуждались историками войны: «страна должна знать лучших своих сынов, должна знать и чтить имена своих доблестных полков... Такие черствые «алгебраические» выражения, как «один из наших доблестных полков», «один из наших молодых полков» ничего не говорят уму и сердцу населения, оставляя в то же время чувство горечи в сердцах участников боев... Совершенно нетерпим и недопустим слащавый тон о «солдатиках» и «серых героях». Он раздражает бойцов и деморализует значительные их категории... Вообще, сообщения нашей Ставки в Мировую войну 1914–17 гг. следует рассматривать как непревзойденные отрицательные образцы»¹⁰².

Создание в 1915 году специального органа Бюро печати, призванного взаимодействовать с журналистами в отношении освещения боевых действий, не помогло налаживанию оперативной корреспонденции с поля боя. Вмешательство еще одного надзорного органа в дела обеспечения корреспонденции только ухудшило ситуацию: «Создание Бюро печати, где находились корреспонденты ведущих изданий и агентств, должно было ускорить информирование общественности о боевых действиях. Однако, как показала практика, из-за отсутствия в штате профессиональных сотрудников, способных грамотно работать с прибывшими репортерами и снабжать их необходимой информацией, деятельность Бюро была малоэффективной. Уже в скором времени в газетах, в том числе и военных, стали появляться секретные сведения, которые допускать к печати не имели права. Причем давали их люди, как раз и поставленные за этим следить»¹⁰³.

---

¹⁰² Керсновский А.А. *Философия войны* // *Философия войны*. Под общ. ред. А.Б. Григорьева. М.: Анкил-воин, 1995. С. 92.

¹⁰³ Гужва Д.Г. Их оружие – острое перо и зажигающее слово. Корпус военных корреспондентов в русской армии в годы Великой войны // Электронный ресурс <https://histrf.ru/read/articles/ikh-oruzhiie-ostroie-piero-i-zazhighaiushchieie-slovo-korpus-voiennykh-korriespondientov-v-russkoi-armii-v-ghody-vielikoi-voiny>

Неудачно организованное освещение Первой мировой войны на страницах печати и последующие политические события в России полностью оборвали связь семиозиса военной журналистики с сакрализацией власти. Многочисленные непопулярные решения императора и правительства и отсутствие достоверных сведений о боевых действиях усугубили нарождающееся отрицательное отношение к царю и его приближенным. Попытка использовать военную журналистику в пользу государства обернулась сокрушительным поражением: законодательное урегулирование вопросов печати только ухудшило ситуацию. «Российская империя вступила в Первую мировую войну достаточно подготовленной в вопросах информационного обеспечения, благодаря учтенному опыту в этой сфере в предыдущих войнах и заранее подготовленной законодательной базе в области деятельности военных корреспондентов в действующей армии. Однако, отсутствие на местах лиц, способных на профессиональной основе организовать работу с прибывающими репортерами, а иногда и откровенное игнорирование и нежелание оказывать им всемерную помощь, сводило на нет усилия командования русской армии в деле четкого взаимодействия между Ставкой и журналистами, и как следствие – появление искаженной, а иногда и напрямую противоречащей информации на страницах газет и журналов»¹⁰⁴. Хотя, по данным других исследователей, в годы Первой Мировой войны выходили многочисленные фронтовые газеты и журналы, освещение боевых действий в прессе большинство историков признает неудовлетворительным.

В начале XX века Россия вступила в другой исторический период развития военной журналистики – из инструмента упрочения власти и семиотизации боевых действий она превратилась в инструмент государственной пропаганды. Это превращение наметилось в годы Первой

---

¹⁰⁴ Гужва Д.Г. Их оружие – острое перо и зажигающее слово. Корпус военных корреспондентов в русской армии в годы Великой войны // Электронный ресурс <https://histrf.ru/read/articles/ikh-oruzhiie-ostroie-piero-i-zazhighaiushchieie-slovo-korpus-voiennykh-korriespondientov-v-russkoi-armii-v-ghody-vielikoi-voiny>

Мировой войны и касалось не только России – война стала крушением империй, государи которых так или иначе претендовали на помазанничество Божье и ощущали свою власть как данную Богом и подкрепленную религией. В пришедших им на смену в Европе более светских государствах ведение боевых действий рассматривалось не как подтверждение сакрального статуса государя, а как средство укрепления существующего государственного строя и проводимой государством политики.

Социальные потрясения 1917 года и начало Гражданской войны Россия встретила при отсутствии организованной системы военной журналистики. В предреволюционный период фронт был буквально охвачен «газетной лихорадкой» - «Одним из самых распространенных типов газетной прессы революции и Гражданской войны являлись военные газеты. Именно через эту прессу осуществлялось манипулирование мнением красноармейцев и солдат антибольшевистских армий. К октябрьскому вооруженному восстанию большевистская военная печать была представлена 15 солдатскими газетами. 7 из них выходило на фронтах империалистической войны: «Волна», «Голос правды», «Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих», «Известия совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Аландской укрепленной позиции», «Окопная правда» (12 армия на Северном фронте), «Красное знамя» (8 армия Юго-Западного фронта) и др.

Небольшевистская военная пресса к этому времени, по неполным данным, насчитывала 172 наименования газет. Из них 87 издавалось на фронтах. Это были, главным образом, фронтовые, армейские, корпусные, полковые газеты и газеты военных школ. По своему политическому направлению основная масса фронтовых газет носила эсеро-меньшевистский характер. Среди наиболее крупных изданий следует назвать: «Армия и флот свободной России» (орган военного министерства Временного правительства); «Армейский вестник» (газета штаба и исполкома Юго-западного фронта), «Голос окопа» (издание ЦИК солдатских

депутатов румынского фронта), «Наш вестник» (газета штаба Западного фронта), «Кавказский воин» (орган армейского комитета Кавказской армии), «Голос солдата» и «Свободная армия» (издания Петросовета), «Солдат-гражданин» (издание Московского совета солдатских депутатов) и др.»¹⁰⁵.

События Гражданской войны и революции спровоцировали взрывной рост военной периодики. «Захватив власть, большевики начали активно создавать военную печать. С октября 1917 по конец 1920 гг. по подсчетам А.А. Гончарова, на территории РСФСР было издано 422 советские военные газеты. Из них 77 выпускалось штабами совместно с партийными комитетами и органами советской власти. 356 газет выпускалось на русском языке, 47 – на языках народов России, 19 – на иностранных языках»¹⁰⁶. Белая армия не отставала – в ней также выпускались сотни фронтовых газет, в которых интенсивно освещались и интерпретировались события на фронте.

Военные газеты советской России были рассчитаны на солдат, во многих случаях – неграмотных или недавно научившихся читать людей. В связи с этим на смену пространным очеркам пришли короткие стихотворения, карикатуры, заметки. «Разными путями достигалась цель – приобщение красноармейцев к чтению «Боевой правды». необходимо было сделать так, чтобы они видели в ней не материал для «самокруток», а своего рода товарища, наставника. очевидный способ привлечения внимания – сделать газету интересной и наглядной. Именно над этим в первую очередь и трудилась редакция. Почти каждый номер (осенью 1919 г. регулярно) на первой полосе содержал карикатуры на темы «текущего момента», часто выполненные талантливо и остроумно. На рисунке «Горе предателям нашего дела» Красная армия стилизована под лихого красноармейца на коне, который на пути к победе перепрыгивал через «забор» из «шкурников», сшибая копытами их головы. На карикатуре «Который раз по счету?»

---

¹⁰⁵ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. С. 85.

¹⁰⁶ Там же.

обыгрывались бесконечно транслируемые петроградской прессой сообщения западных газет об очередных планах захвата «города трех революций»: высокая бумажная стопка «планов» нависла над Петроградом: «Держись, Питер. Опять... планы белых рушатся!!!»¹⁰⁷. Газеты читались вслух, и обсуждение их содержания становилось основной формой политической работы на фронте: грамотный красноармеец становился центром внимания и своего рода политработником для тех, кто читать не умел. В газетах публиковались даже образцы примерного «письма домой с фронта»: политическая работа велась не только с непосредственными участниками боевых действий, но и с теми, кто ждал солдата дома.

Фокус интерпретации сместился с внешнего на внутренний. Кампании XVIII и XIX века освещались, в первую очередь, для тех, кто не присутствовал на фронте. Это обусловило появление зарисовок и очерков, рисунков, изображающих планы батальев и прочих инструментов сакрализации власти через военную журналистику. До начала XX века война была, фактически, периферийной – она велась у границ государства или даже за его пределами, на нее были призваны, главным образом, представители регулярной армии. Гражданская война охватила, фактически, всю страну, и боевые действия коснулись буквально каждого. Поэтому фокус внимания сместился с просвещения на интерпретацию: солдаты видели боевые действия, а газета поясняла их значение, вписывала происходящее в международный контекст.

Военная журналистика Гражданской войны заложила основы советской военной журналистики. Колоссальное противодействие газетам Красной армии было оказано газетами белого движения. «Военные газеты издавались всеми антисоветскими политическими режимами. Непосредственно изданием газет в белых армиях занимались бюро печати и

---

¹⁰⁷ Левшин К.В. Организация военной печати в Советской России в годы Гражданской войны (на материалах газеты «Боевая правда», 1919–1920 гг.) // Общество. Коммуникация. Образование. 2015. № 1. С. 86.

осведомительные отделы штабов. В тыловых районах наиболее крупными издателями газет являлись информационные отделы штабов главнокомандующих войсками, окружных управлений казачьих войск, а также информационные отделы при начальниках военных районов. Наиболее разветвленной сетью военных газет обладали правительства белой Сибири. Первые военные издания стали появляться там сразу после падения советской власти летом 1918 г. ... Ведущим печатным органом военных кругов была газета информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего «Русская армия». Газета выходила в Омске с ноября 1918 г. по сентябрь 1919 г. В конце сентября 1919 г. в связи с эвакуацией Омска из-за наступления Красной армии газета переезжает в Томск, где издается под названием «Великая Россия». В 1919 г. на базе газеты «Русская армия» выпускалась еще и еженедельная газета «Русский воин»¹⁰⁸. Издавались многочисленные армейские, дивизионные, корпусные и полковые газеты, общее количество которых мало уступало газетам Советской России.

Впоследствии многие фронтовые издания преобразовались в регулярную прессу русского зарубежья – так, в 1921 – 1930 гг. в Белграде издавался «Военный сборник» - толстый журнал, книги которого составляли от 200 до 450 страниц. В 1963 году была предпринята попытка возродить «Военный сборник», однако он не смог достичь популярности своего предшественника.

В эмиграции был возрожден самый долговечный проект военной журналистики царской России – «Русский инвалид». «Выпускался «Русский инвалид» с 21 февраля 1930 г. в Париже главным правлением Зарубежного совета русских военных инвалидов. Главным редактором был генерал Н.Н. Баратов – лицо очень популярное среди русских военных эмигрантов. При П.Н. Врангеле он одновременно возглавлял «Союз инвалидов», «Союз

---

¹⁰⁸ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. С. 89.

Георгиевских Кавалеров», «Союз помощи казакам» и другие военные организации. Помощником Баратова в издании «Русского инвалида» был генерал Н.Н. Головин, секретарем являлся штабс-капитан К.С. Попов, а затем полковник А.М. Зайцев. До №14 газета была ежемесячным изданием, а затем – двухнедельным, но ее формат уменьшился в два раза. Газета выходила до оккупации Франции фашистской Германией – №133 выпущен 5 июня 1940 г. Следующий – №134 – вышел через двадцать лет – в мае 1960 г., №135 – в мае 1961 г. и т.д., соответственно, по одному номеру в год до 1968 г. Редактировал «Русский инвалид» в 60-е годы генерал-майор С.Д. Поздышев»¹⁰⁹.

Также в эмиграции издавались журналы «Армия и флот», «Вестник союза офицеров участников войны», «Русский военно-исторический вестник» (впоследствии – «Военно-исторический вестник»), «Вестник совета российского зарубежного воинства», «Часовой», «Вестник общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско» и другие. Многие военные СМИ эмиграции продолжали выходить до 1960-1970-х гг., и от военных вопросов перешли к политическим – помимо освещения боевых действий и событий военной истории они ставили себе задачу дискредитировать действия Красной Армии, советского правительства не только в военное, но и в мирное время. Семиотический вектор вновь изменился – из фронтовых оперативных СМИ, ориентированных на сиюминутное освещение и истолкование текущих событий, СМИ эмиграции приобрели научно-исторический оттенок.

Период между Гражданской войной и Великой Отечественной характеризуется системным развитием военной журналистики и военной печати в целом. Это отражает основной вектор политики языкового строительства СССР: все граждане нового государства должны были быть максимально информированы о происходящих событиях, понимать их

---

¹⁰⁹ Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков. Под ред. Г.В. Жиркова. Спб: издательство СПбГУ, 2003. С. 188.

политическую и общественную значимость. Задача воспитания нового гражданина, отказа от старых устоев и представлений эксплицитно обозначалась руководством страны: «Одна из существенных задач партии в эпоху диктатуры пролетариата состоит в том, чтобы развить работу по перевоспитанию старых поколений и воспитанию новых в духе диктатуры пролетариата и социализма. Старые навыки и привычки, традиции и предрассудки, унаследованные от старого общества, являются опаснейшим врагом социализма»¹¹⁰.

Помимо печатной прессы, развивалась радиожурналистика. «В условиях возраставшей военной угрозы руководство страны интенсивно развивало сеть военной журналистики. В конце 1930-х годов было возобновлено издание армейских газет и налажен выпуск:

- теоретического журнала для командного состава армии «Военная мысль» (с 1937 г.);

- центральной военной газеты, органа Наркомата ВМФ СССР «Красный флот» (с февраля 1938 г.);

- органа Наркомата обороны СССР «Военно-исторического журнала» (с сентября 1939 г.), сыгравшего важную роль в развитии военной науки, разработке вопросов военного искусства, военной истории, истории войн, международных отношений;

- органа Политуправления погранвойск НКВД журнала «Пограничник» (с 1939 г.)»¹¹¹.

По радио ежедневно передавались передачи, беседы и дискуссии на военную тематику – в отсутствие активных боевых действий военная журналистика сосредоточилась на просвещении и формировании положительного образа красноармейца. Это соответствовало общему вектору

---

¹¹⁰ Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП(б): Доклад на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 г. // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 6. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 248.

¹¹¹ Жирков Г.В. Одухотворенное слово. Журналистика Великой Отечественной войны. – СПб: СПбГУ, 2014. – С. 20.

печати 1930-х: начинания нового государства нуждались в массовой поддержке.

Военная журналистика 1920-х – 1930-х гг. создавалась офицерами, которые зачастую переносили в новые реалии прежние представления о ведении войны и перспективах развития армии. «Работа военно-теоретического журнала в те годы сильно осложнялась тем, что Красная Армия еще не имела своих военно-научных кадров, а руководство журнала и большинство авторов публикаций были в прошлом офицерами и генералами старой армии, над которыми довлел груз прежних теоретических взглядов на вопросы строительства и применения формирующейся армии. Руководители новой формации нередко основное внимание уделяли идеологическим вопросам. Проблемы совершенствования обороноспособности государства приходилось решать в условиях разоренной двумя войнами страны. Последнее обстоятельство существенно влияло и на развитие военной теории, поскольку экономические возможности государства не позволяли в полной мере реализовывать достижения военной науки, внедрять их в практику оперативной и боевой подготовки армии и флота»¹¹².

Военная журналистика между двумя войнами столкнулась с задачей моделирования реальности и массового просвещения. Общество существовало в условиях предчувствия и ожидания новой войны, и пресса бросила все силы на формирование образа красноармейца, воина, готового сражаться с врагом. Сведущие в теоретических вопросах люди старались максимально образовать солдат и офицеров, осветить вопросы стратегии и тактики боя, преобразования войск.

Следует отметить, что массовое развитие военной журналистики в 1920-1930-х гг. – часть более широкой тенденции: в новом государстве интенсивно развивалась отраслевая и специализированная пресса, печатались

---

¹¹² Журналу «Военная мысль» - 100 лет // Электронный ресурс <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/117163/>

газеты на различных языках республик Советского Союза, многочисленные предприятия и учреждения активно печатали собственные журналы и газеты.

Настойчиво создаваемый образ героического красноармейца и значительные усилия по моделированию реальности в прессе приводили к искажению реального положения дел. Замалчивались проблемы армии, репрессирование командующих и талантливых офицеров, насаждалось представление о неуязвимости и непобедимости советского солдата, поддерживаемое массовой культурой: «Некритичный подход к прошлому, его мифологизация способствовали популяризации искаженных идей, неправильных взглядов на характер предстоящей войны, переносу опыта Гражданской войны в новые условия, недооценке сил и возможностей потенциального противника. Распространялась точка зрения, что Красная Армия, получив интернациональную помощь – поддержку рабочих других стран, включая и враждебных, будет везде и всегда одерживать легкие победы и воевать на территории противника. Эти взгляды закреплялись в народе и армии некоторыми литературными произведениями, театральными постановками и главное – кинофильмами массового производства, такими как «Если завтра война», «Танкисты», «Морской пост», «Неустрасимые» и др., в которых действия врага примитивизировались, а вражеские военачальники оглуплялись»¹¹³.

Боевые действия 1940 г. в ходе Финской войны убедительно продемонстрировали ошибочность такой позиции. Вера в непобедимость Красной Армии была разрушена, и военная журналистика обратилась к уже испытанному ранее средству воздействия – популяризации действий солдата, созданию образа героя, с которым каждый участник войны мог себя ассоциировать. Так появился образ Василия Теркина, созданный М.Т. Твардовским и сыгравший важную роль в освещении Финской, а затем и Великой Отечественной войны.

---

¹¹³ Жирков Г.В. Одухотворенное слово. Журналистика Великой Отечественной войны. СПб: СПбГУ, 2014. С. 24.

Великая Отечественная война стала подлинной проверкой на прочность для средств массовой информации и системы военной журналистики.

2.2. Агитационно-пропагандистский и информационный дискурс советской журналистики Великой Отечественной войны

Освещение боевых действий во время Великой Отечественной войны стало одним из ключевых факторов поддержания духа граждан на фронте и в тылу. Наряду с освещением подвигов простого солдата было налажено оперативное сообщение о ходе боевых действий – уже 24 июня 1941 года было организовано Советское информационное бюро, ставшее рупором освещения войны. В его задачи входило ««а) руководство освещением международных событий и внутренней жизни Советского Союза в печати и по радио; б) организацию контрпропаганды против немецкой и другой вражеской пропаганды; в) освещение событий и военных действий на фронтах, составление и опубликование военных сводок по материалам Главного Командования»¹¹⁴. Знаком радиосводок «От Советского информбюро» стал голос Юрия Левитана. О великом дикторе бытовала легенда, что Гитлер объявил его своим врагом № 1¹¹⁵, а фразу «Голос Юрия Левитана был равносителен целой дивизии» приписывают различным генералам – участникам войны. Это демонстрирует важность подачи информации о боевых действиях: зачитывание сводок и приказов главнокомандующего уверенным и спокойным голосом, вселявшим в радиослушателей веру в успехи армии и грядущую победу. Это вновь ставит вопрос о семотическом представлении войны в журналистике. Фактически, к

¹¹⁴ Русская журналистика в документах: история надзора. / сост. О. Д. Минаева. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 341.

¹¹⁵ Коновалов А. Юрий Левитан. Главный личный враг Гитлера // Электронный ресурс <https://xn--80achcepozjj4ac6j.xn--p1ai/articles/yuriy-levitan-glavnyu-lichnyu-vrag-gitlera>

1940-м годам печатные СМИ накопили опыт организации освещения боевых действий и развертывания фронтовых газет, а масштабное применение радио как инструмента военной журналистики стало инновацией. Радио стало рупором создания образа войны в первую очередь для тех, кто не принимал в ней непосредственного участия: сводки из репродукторов передавались по всей стране, и многие жители СССР только через это радиовещание понимали значение происходящих в их жизни событий – неизбежно связанные с ведением войны ограничения и лишения получали семиотическое истолкование в радиосводках от официального информационного бюро.

Печатные СМИ не отставали. Первые же дни ведения боевых действий во время Великой Отечественной войны были ознаменованы небывалым подъемом военной журналистики. Было организовано оперативное освещение боевых действий и продумана система действий военных корреспондентов: «Право иметь постоянных корреспондентов на фронте предоставлялось Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, «Красной звезде», «Известиям», «Правде», «Красному Флоту», «Сталинскому соколу», «Комсомольской правде» и тем республиканским и областным газетам, на территории которых проходили военные действия. Ряды военных корреспондентов пополнили писатели, поэты и журналисты из гражданской прессы. В штате газет появилась должность «писатель». Около четверти всех членов Союза советских писателей было на фронте. У «Правды», имевшей к этому времени мировой авторитет, было около 40 военкоров»¹¹⁶.

Наряду с освещением боевых действий в печати была развернута обширная фото- и кинохроника. Регулярно выходил «Союзкиножурнал», снимались документальные фильмы, велась фотографическая летопись, широко использованная не только непосредственно в годы войны, но и

---

¹¹⁶ Жирков Г.В. Одухотворенное слово. Журналистика Великой Отечественной войны. СПб: СПбГУ, 2014. С. 39.

впоследствии. «Фотография была поставлена на военную службу. В каждой газете, в каждом журнале помещались снимки героев и эпизоды боев, военные пейзажи и бытовые сюжеты. Тематика фотолетописи тех лет достаточно широка: процесс мобилизации и отправка солдат на фронт, прощальные митинги, эвакуация промышленности и материальных ценностей, работа эвакуационных пунктов, создание народного ополчения, Всеобуча, рабочих отрядов, строительство оборонительных сооружений. Основное направление фотолетописи воплощалось в кадрах трудовой героики народа: как на заводах, фабриках и в деревнях выполнялся лозунг «Всё для фронта, всё для победы!», как женщины и старики, подростки заменяли на предприятиях отцов и сыновей, ушедших сражаться с врагом. Составной частью фотолетописи после освобождения Красной Армией захваченных врагом земель стал показ-разоблачение зверств фашистов»¹¹⁷.

В целом, Великая Отечественная война стала периодом, когда журналист, работающий в письменном, устном или визуальном освещении событий, был приравнен к воину, и его подвиг оценивался так же высоко, как ратный подвиг. В годы войны были заложены основные принципы, на которые опирается и современная военная журналистика: оперативное освещение событий и их семотизация.

По сравнению с предыдущими периодами развития военной журналистики у СМИ существенно расширилась аудитория: благодаря масштабному использованию радио журналистика стала взаимодействовать с максимальным количеством слушателей. Массовость печати и проведенная после Гражданской войны кампания по ликвидации безграмотности привели к тому, что у газет и журналов также появился многочисленный читатель.

Публикации в газетах времен Великой Отечественной войны часто уже в самом заголовке материала давали оценку происходящего. Зарождалась антистетичная семиотика журналистики, показывающая мир в категориях

---

¹¹⁷ Жирков Г.В. Одухотворенное слово. Журналистика Великой Отечественной войны. СПб: СПбГУ, 2014. С. 58.

«плюса» и «минуса». Так, в дайджесте «Заголовки газет Великой Отечественной войны» приведены три заголовка газеты «Комсомольская правда» за 3 августа 1943 г.: «Клеймо гитлеровской Германии», «Подлость палачей», «Чудовищное злодеяние гитлеровских извергов»¹¹⁸. Сравним с заголовками, извещающими о Победе: «Этот поистине великий день – День Победы – ярко отразился на страницах периодики той поры эмоциональными заголовками: «Здравствуй, Победа», «Когда кончилась война...», «Гордость и счастье», «Радуюсь вместе со всей страной», «Победил советский народ», «Ленинград ликует», «Пробил долгожданный час», «Исторический день» и многие другие»¹¹⁹. Заголовки той же «Ленинградской правды» в июне 1941 года не менее красноречивы: «Большая семья», «Плечом к плечу со всем народом», «Единое чувство, отдадим жизнь за Отчизну», «Фронт и тыл едины», «Работать ещё лучше, ещё упорнее» и др.»¹²⁰.

Заголовки практически полностью предсказывают оценку содержания публикации – из них нельзя почерпнуть конкретные сведения о том, что произошло, но четко ясен посыл и оценка происходящего. В публикациях времен войны были созданы образы многих героев, чьи подвиги стали частью истории войны – именно со слов журналистов люди узнавали о героических действиях участников боев.

Р.А. Иванова отмечает, что в журналистике Великой Отечественной войны реализовались новые формы, порожденные новыми обстоятельствами. Так, традицию «Окон РОСТА» 1920-х – 1930-х гг. возродили «Окна ТАСС» – сатирические плакаты с подписями, основанные на актуальных сводках. По радио передавались не только официальные сводки, но и зачитывались письма – с фронта в тыл и с тыла на фронт. «С начала июля 1941 г. на

¹¹⁸ Заголовки газет Великой Отечественной войны // Электронный ресурс http://www.asfera.info/news/society/2014/05/07/zagolovki_gazet_velikoy_otchestvennoy_voyni_88749.html

¹¹⁹ К 70-летию Победы Президентская библиотека оцифрует газету «Ленинградская правда» периода Великой Отечественной войны // Электронный ресурс <https://www.prilib.ru/news/658931>

¹²⁰ Там же.

Всесоюзном радио появляются передачи «Письма с фронта», «Письма на фронт», «Слушай, фронт», фактической основой которых стало активное использование документальных жанров и в первую очередь писем.

Передачи по радио писем на фронт и с фронта давались ежедневно десять раз в течение дня; на фронт – шесть раз, четыре раза – с фронта. В Радиокomitee ежемесячно для этих передач поступало в среднем свыше 30 тыс. писем, а в некоторые месяцы 60—67 тыс. Благодаря передачам «Письма с фронта» и «Письма на фронт» почти 20 тыс. фронтовиков нашли свои семьи, а главное, в 9 тыс. передач «Письма с фронта» и «Письма на фронт», основанных на живых человеческих документах, прозвучавших в эфире, решались и сложные идеологические проблемы»¹²¹.

К концу войны в СССР действовала развитая сеть военной журналистики, настроенная на оперативное и идеологически продуманное освещение боевых действий в текстовом и визуальном формате. Окончание войны поставило вопрос о реорганизации этой отлаженной системы – средства массовой информации переориентировались на освещение возрождения страны, восстановления экономики и хозяйства. Подводя итоги этого периода в развитии журналистики, Р.П. Овсепян пишет: «Сложившаяся к маю 1945 г. система печати в стране не отвечала требованиям мирного времени. Возникла острая необходимость в перестройке прессы, дальнейшем ее развитии. Заметные изменения в структурах газетно-журнальной периодики, ТАСС, издательской системы, радио произошли уже в первые послевоенные годы.

Все больше упрочивалось место телевидения в системе средств массовой информации. В середине декабря 1945 г. Московский телевизионный центр первым в Европе возобновил после войны регулярные передачи на довоенном стандарте четкости изображения, а после своей

---

¹²¹ Иванова Р.А. Творческий поиск советской журналистики в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 6. С. 23.

реконструкции перешел на новый стандарт. Были построены новые телецентры в Ленинграде, Киеве, Свердловске.

К середине 50-х гг. в стране сформировалась система подготовки журналистских кадров для печати, радио, а в дальнейшем и для телевидения»¹²².

До начала боевых действий в Афганистане в конце 1970-х гг. основным вектором развития военной журналистики в СССР стало освещение героического прошлого. Журналисты собирали материалы к памятным датам, отмечали годовщины значимых битв Великой Отечественной войны, писали о подвигах ее участников. Научные журналы посвящали материалы военной аналитике и писали о возможных тенденциях гипотетической грядущей войны, ориентируясь на разработки в области вооружения. Также действовала регулярная военная пресса – газеты и журналы, предназначенные для военнослужащих, печатавшиеся на русском и на национальных языках республик СССР. Следует отметить, что «точкой отсчета» российской военной журналистики стала Великая Отечественная война – наряду с непосредственными боевыми действиями велась интенсивная информационная война, в которой также была одержана уверенная психологическая победа. Наследием войны стала развитая сеть периодической печати, налаженное производство документальных фильмов, активно работающая фотожурналистика. Так называемые «автохромы» (черно-белые снимки) времен Первой мировой войны представляли собой постановочные кадры, снятые в мирной обстановке – до боя или после него, а зачастую и вовсе далеко от места проведения самих боевых действий¹²³, а фото Второй мировой войны – это фиксация непосредственных боевых

---

¹²² Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М.: издательство МГУ, 1999. С. 219.

¹²³ Агапов В.Л. Официальная пресса Российской империи во время первой мировой войны (по материалам «Приамурских ведомостей») // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №3 (41). // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnaya-pressa-rossiyskoy-imperii-vo-vremya-pervoy-mirovoy-voyny-po-materialam-priamurskih-vedomostey>

действий, отражений эмоций участников¹²⁴. То же касается и кинохроники: не случайно кадры документальных киноплёнок времен Великой Отечественной войны активно используются и в художественных фильмах, и в современных телепередачах и журналистских расследованиях. Журналист стал летописцем, хроникером войны, и увиденное его глазами позволяло запечатлеть события для потомков. Многие журналисты осознавали, что только благодаря их участию в боевых действиях станет известно о зверствах нацистов, о масштабе одержанных побед и проявленного героизма.

«За четыре года войны кинооператоры и фоторепортеры отсняли сотни тысяч фотографий, сняли несметное число метров киноплёнки. Приблизительно до полутора часов из любых суток ужасной битвы остались зафиксированными. Эти люди двигались на передовую и снимали из окопов, из визирной щели танка, выезжающего первым в область боя, из кабины самолета, через бойницу дзота, из окон пылающего дома. Во время Сталинградской битвы фронтовые операторы в первый раз проводили съёмку уличных боев. Они были преданы своему делу, собственной миссии и стремились совершить свою службу наиболее, чем безупречно, осознавая, что однажды это может стоить им жизни. Вместо этого для того чтобы лишний раз обезопасить себя, журналисты заботились о правильной экспозиции и промышленном качестве отснятого использованного материала. Кинооператоры дерзали собой для больших планов битв, а фотокорреспонденты рисковали ради одного живого снимка. Благодаря им в фотолетописи войны запечатлены сотни тысяч лиц, а в пластинке постоянно живыми остались люди, не уцелевшие в этой войне»¹²⁵.

В целом, послевоенная журналистика развивала и расширяла достижения журналистов Великой Отечественной войны с упором на

---

¹²⁴ Сёмова Л.В. История отечественной фотожурналистики. Ч. II. Советская фотожурналистика 1920-1930-х гг. и Великой Отечественной войны. М.: МГУ, 2016. С. 30.

¹²⁵ Грабельников А. А. Фотожурналистика Великой Отечественной войны // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. // Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotozhurnalistika-velikoy-otechestvennoy-voiny>

формирование достаточно легко читаемого символического зонтика: героизм советских войск, подвиг в тылу, трагедия разрушенных городов и сел, потери, которые довелось пережить каждой семье противопоставлялись негативному восприятию действий захватчиков и агрессоров.

Следует отметить, что освещение войны в СМИ в послевоенный период коррелировало и взаимодействовало с освещением ее в художественной литературе, что нельзя не учитывать при оценке дискурса военной журналистики. Первая мировая война оставила в отечественной культуре и литературе существенно менее заметный след, чем Вторая – во многом по причине последующей революции и Гражданской войны. В журналистике СССР существовала четко сформированная концепция освещения событий революции, и в отношении 1910-1920-х гг. не возникало противопоставления официального освещения «окопной правде».

Великая Отечественная война, пережитая поистине всем народом, освещалась не только журналистами-хроникерами, но и преломлялась в рассказах о войне ее непосредственных участников. В России воспоминания ветеранов начали появляться в печати практически сразу после окончания боевых действий. Однако первоначально внимание уделялось воспоминаниям военачальников и людей, которые прославили себя героическими поступками. Военные мемуары первых послевоенных десятилетий не знали трусости, малодушия, слабости, - авторы были сосредоточены на том, чтобы показать подвиг советского человека в войне, рассказать о его героизме и мужественности. В официальной пропаганде создавался образ воина «без страха и упрека», что приводило к настойчивому замалчиванию некоторых деталей войны. В то же время на Западе традиция мемуарной литературы отличалась от советской: в фокусе внимания был человек, который сумел выжить, пережить ужасы войны, не сломаться.

Беглый анализ мемуарной литературы и художественных произведений, основанных на воспоминаниях непосредственных участников войны, позволил установить, что всю литературу такого типа можно

разделить на два вида. К первому типу можно отнести так называемые воспоминания «простого человека»: рассказ от лица обычного солдата, пленного, узника концентрационного лагеря, который в хронологическом порядке пересказывает произошедшие с ним события или же фрагментарно вспоминает самые яркие эпизоды. Произведения такого типа, как правило, заостряют внимание на ужасах войны, столкновении обычного человека с непривычными для него лишениями. Следует отметить, что при СССР книги такого типа не популяризировались и не публиковались, так как в литературе необходимо было подчеркивать подвиг советского человека на фронте, и мало внимания уделялось трагедии и боли простого солдата на войне. На Западе выходили многочисленные мемуары узников концлагерей и участников войны (в том числе тех, кто воевал со стороны Германии и Италии), подчеркивающие ужасы и лишения, пережитые во время боевых действий. Ко второму типу следует отнести «официальные мемуары»: описание войны с точки зрения высших чинов, с привлечением документов, фактов, стратегическим описанием сражений и принятых решений. Если первый тип можно условно назвать «мемуарами солдата», то второй – «мемуарами генерала». Мемуарная литература такого типа больше напоминает произведения исторически-документального характера, а в период 1960-х – 1980-х гг. литература подобного типа существенно расширилась за счет издания мемуаров политических деятелей (например, Л.И. Брежнева), освещающих их опыт участия в войне.

Особняком стоит третий тип – попытка соединить две обозначенных выше тенденции, порождение так называемой «оттепели». К нему принадлежат произведения Константина Воробьева «Убиты под Москвой» и «Это мы, Господи!», написанные в период «оттепели». В 1960-х гг. в советской литературе возникло стремление к «очеловечиванию», возвращение литературе теплоты и человечности, внимание к проблемам обычных людей. Одним из первых в этом жанре выступил Константин Воробьев, в произведении которого, наряду с упоминанием конкретных цифр

и фактов фигурируют описания эмоций и переживаний простого солдата, рассказ о том жутком впечатлении, которое на такого солдата производят реалии войны. Далее сформировался феномен так называемой «лейтенантской прозы» - документально-художественных произведений, написанных непосредственными участниками боевых действий. В «лейтенантской прозе» война была показана во всей ее жестокости и беспощадности, без прикрас. Произведения этого жанра составили оппозицию официозному представлению войны в мемуарах военачальников. «Лейтенантская проза» смело и решительно ворвалась в литературную традицию, обращаясь именно к изображению настоящей трагедии войны, подлинных переживаний, окопного быта – во многом неприглядного. «Лейтенантской прозой» принято называть эмоциональные произведения о войне, чаще всего – повести, написанные непосредственными участниками боевых действий и передающие атмосферу войны «от первого лица». Авторы таких повестей – Василь Быков, Виктор Некрасов, Юрий Бондарев, Константин Воробьев, Виктор Курочкин, Григорий Бакланов. Жанрово такие произведения чаще всего представляют собой повесть – эпическое произведение, по своему объему уступающее роману, но превосходящее рассказ.

Лирическая проза о войне, как подчеркивает Н. Ромашкина, актуализировала понятие исповеди: «Эта проза без прикрас. Что выстрадали, о том и написали. Строчка за строчкой о самом личном, самом сокровенном. О личном опыте участия в Великой Отечественной войне. Страшная исповедь не только перед Богом. В первую очередь перед собой. Перед всеми.

Любимый жанр авторов – повесть, часто написанная от первого лица. Пропитанная кровью, охваченная огнём. В своих произведениях писатели-фронтовики дают понять читателю, что исход войны решает герой. И героем может стать каждый. Молодой неопытный солдат или главнокомандующий. Главное понимать, что ты часть воюющего народа. Что один ты – ничто, а

вместе – сила. Но и от тебя одного зависит так много, буквально всё. От тебя – мужественно несущего свой крест»¹²⁶.

В целом, многие участники войны обращались к своим воспоминаниям, описывали свои переживания и эмоции, делились пережитым. Если в советской литературе до 1991 года тема концентрационных лагерей практически не рассматривалась (попавшие в плен считались предателями Родины, и их воспоминания вряд ли могли получить широкое распространение), то в итальянской традиции о переживаниях узника писали и говорили практически сразу после войны.

Лейтмотивом «мемуаров солдата» является описание ужасов войны, внимание заостряется на каких-то сценах или эпизодах, невысказанных в мирное время, часто возникают «стоп-кадры» воспоминаний о мирной жизни, представляющие собой разительный контраст военному времени. В «мемуарах генерала» конкретные детали появляются скорее в виде исключения – события войны рассматриваются как бы в дальней перспективе с описанием решений военачальников, потерь в том или ином сражении, дислокации на определенный момент и пр.

Тенденции к освещению событий Великой Отечественной войны в художественной литературе и преломление ее в понимании читателя влияли на восприятие изображения войны журналистами. Великая Отечественная война все дальше и дальше по времени от современных людей, ее участников практически не осталось в живых, и события того времени воспринимаются отстраненно, словно это было не с нашими предками. Авторы названных выше произведений русской литературы в жанре «лейтенантской прозы» сами были молоды в годы войны и переживали все происходившее с ними, не понимая, куда они попали, что их ждет. Такое изображение войны, «пропущенное через себя», пережитое авторами как отрицательный опыт,

---

¹²⁶ Ромашкина Н. «Лейтенантская проза» - страшная исповедь на бумаге // Электронный ресурс <https://www.rewizor.ru/literature/reviews/leytenantskaya-proza-strashnaya-ispoved-na-bumage/>

который оказался для многих из них шоковым, - это один из вариантов отображения войны в отечественной литературе. Другой аспект изображения Великой Отечественной войны в русской традиции – это «парадная», официальная культура, в которой война изображалась не как тяжелое испытание, а как торжество солдатской смекалки и русского характера. Одним из образцов литературы такого типа является поэма А.Т. Твардовского «Василий Теркин» - стихотворный рассказ об оптимистичном неунывающем солдате, который был призван поддерживать боевой дух и печатался во фронтовых газетах. По воспоминаниям автора, бойцы с удовольствием читали новые «выпуски», расхватывали газеты, сами сочиняли продолжение... Многие утверждали, что знают Теркина или служили с ним вместе (впоследствии А.Т. Твардовский отразил и эти слухи и легенды в своей поэме). Великая Отечественная война – период, когда происходит действие произведения, сюжетообразующий стержень произведения – и тяжелейший период в жизни страны и простых людей, таких, как Василий Теркин и его сослуживцы.

Послевоенная традиция изображения войны – книги, которые писались не непосредственно на фронте, а через несколько лет после окончания войны – в русской литературе частично продолжала официальную точку зрения. Появившиеся произведения о войне «из первых уст» акцентировали внимание на ужасах и трагедиях войны, но и в них война не изображалась как постыдный опыт. Вероятно, это связано с тем, что в русской традиции война ощущается как победный опыт, который, хоть и был тяжелым, привел к избавлению от захватчика.

Для европейской и, прежде всего, немецкой литературы изображение войны было совсем иным. В Европе возникло так называемое «потерянное поколение» - люди, чья молодость пришлась на годы войны. К этому поколению причисляли себя Э. Хемингуэй, Курт Воннегут и другие писатели. В частности, одним из авторов «потерянного поколения» (термин, приписываемый американской писательнице Гертруде Стайн и

популярный Эрнестом Хемингуэем) был Эрих Мария Ремарк. В его произведениях «Три товарища», «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне» и других ставится акцент на трагичности войны и ужасах жизни в тылу: его герои пытаются скрыться от гитлеровского режима, бежать и обрести новую жизнь, и далеко не всегда им это удается.

В американской литературе к теме второй мировой войны обращались Эрнест Хемингуэй и Курт Воннегут. В романе «По ком звонит колокол» Хемингуэй отражает тот момент, когда вторая мировая война еще не затронула его родину – Америку, но уже охватила Испанию. Хемингуэй сам участвовал в войне против фашизма в качестве корреспондента и в качестве солдата.

«Бойня номер пять» - роман американского писателя Курта Воннегута, посвященный воспоминаниям о войне главного героя. Роман посвящен бомбардировке Дрездена. «Бойня номер пять» - это адрес, по которому находились американские солдаты, но этой бойней в романе стал сам город Дрезден. Любопытно, что роман посвящен похищению главного героя инопланетянами с планеты Тральфамадор, а военные эпизоды появляются в тексте в качестве воспоминаний и вставок. Воннегут сам находился в Дрездене во время бомбардировок и был одним из семи выживших там американских военнопленных. Второе название романа – «Крестовый поход детей» также иллюстрирует взгляды писателя на войну: бессмысленность и трагичность крестового похода детей напоминает ему бессмысленность войны.

В целом, традиции изображения второй мировой войны в европейской литературе резко отличаются от традиций русской литературы: писатели обращают внимание главным образом на ужасы войны, на переживания, на психологический шок, который пережили герои, столкнувшись с войной. Большинство писателей, создававших военные произведения, сами принимали участие в боевых действиях.

Вторая мировая война стала знаковым событием не только для европейской истории, но и для культуры и литературы. События XX века делятся на «до войны» и «после войны», и сам период войны был отражен в огромном количестве фильмов, рассказов, романов и стихотворений.

В большинстве случаев в описании войны в зарубежной литературе речь идет о переживаниях человека, об изменениях в его психологии, о тех качествах, которые он проявил на войне. Особняком стоит русская литература: помимо переживаний простого солдата и описания войны через психологию отдельного человека, в ряде произведений, особенно в тех, которые появились в конце войны или сразу после нее, показан триумф победителей, практически не оставляющий места для сожалений о погибших.

Освещение непосредственных боевых действий Великой Отечественной войны на протяжении 1950-х – 2020-х гг. сменилось обращением к образу войны, который чем дальше, тем больше отстоял от реальных впечатлений участников боевых действий и непосредственного наблюдения журналиста. Постоянное обращение к теме войны превратило ее в точку отсчета, в «нулевой километр» военной журналистики.

Отметим, что в непосредственном и сформированном впоследствии освещении войны первоначально семиотизировалась не определенная личность правителя, а скорее совокупность действий военачальников. Развенчание «культа личности» диверсифицировало позитивную семиотику военной журналистики, однако в дальнейшем наряду с подчеркиванием героизма простого солдата, стратегия освещения начала возвращаться к образу И.В. Сталина как правителя, выигравшего войну если не единолично, то в качестве вдохновителя.

По нашей гипотезе, это связано с манерой управления государством, основанной, главным образом, на «теории Y» по Дугласу МакГрегору. Предвоенное, военное и послевоенное время было периодом мотивации именно по «второму типу». «Теория X» является самой примитивной системой мотивации. Она исходит из того, что человек, подобно животному,

нуждается в положительном и отрицательном подкреплении. Положительное подкрепление предполагает награды за правильное поведение (хорошую работу, сданную раньше срока, сделанную качественно и пр.). Отрицательное – это всякого рода наказания за опоздание, плохо выполненную работу и пр.

Получается, что в условиях организации роль положительного подкрепления могут выполнять:

- премии и разнообразные бонусные выплаты;
- разного рода льготы и нематериальные премирования (поездки, отдых, санаторий и пр.);
- устное поощрение или вручение какого-либо знака отличия («Лучший менеджер года» и пр.)

В то же время отрицательное подкрепление может создаваться за счет:

- штрафов и вычетов из заработной платы;
- лишения льгот;
- устных порицаний.

В основе второй теории МакГрегора – соображение, что любой человек способен получать удовольствие от работы как таковой, что она нужна ему не только в качестве средства получения денег, но и в качестве его самоактуализации. Как было указано выше, сам результат труда может стать серьезной мотивацией осуществления работы, а отнюдь не «кнут и пряник» в руках управляющего¹²⁷.

теория X	теория Y
статична	динамична
нет потенциала для развития	есть потенциал для развития
положительное и отрицательное подкрепление	менеджмент и интеграция

¹²⁷ Теория X и теория Y Д. МакГрегора // Электронный ресурс <http://besonus.narod.ru/McGregor.htm>

внешний контроль	самоконтроль
удовлетворение «нижних» потребностей по Маслоу	удовлетворение «высших» потребностей по Маслоу
отсутствие представлений о цели организации	вовлеченность в цели организации
пассивность, отсутствие инициативы со стороны работника	активность, приветствие инициативы со стороны работника

«Теория X» и «теория Y» не представлялись самому их создателю взаимоисключающими. Более того, он считал их альтернативными до конца жизни так и не определился, какая из них предпочтительней.

Если ЛПР (например, президент страны или генеральный секретарь партии) руководствуется соображениями «теории X», в таком случае он гонится за сиюминутной популярностью, принимает популистские решения, малоудачные в долгосрочной перспективе. Тот, кто работает в рамках теории Y, способен поставить благо страны выше сиюминутных соображений. К примеру, после Великой Отечественной войны перед руководством страны стояла дилемма: восстанавливать или не восстанавливать разрушенный практически до руин Сталинград. Решение не восстанавливать было бы выгодно экономически, однако оказалось бы крайне непопулярным с психологической точки зрения: лежащий в руинах город стал бы символом разрушенной и не восстановившейся страны. Восстановление города стало решением, принятым под влиянием факторов «теории Y». К тому же типу мотивации следует отнести и другие принятые решения, совокупность которых формировала не только образ правителя-героя, но и образ народа-победителя, неразрывно связанный с ним. Народ, работающий и совершающий героический подвиг во имя высшей мотивации, также был кузнецом победы в Великой Отечественной войне.

Великая Отечественная война по-прежнему является темой для освещения в военной журналистике – проводятся журналистские расследования, освещаются воспоминания участников войны. В то же время

за период 1950 – 1980-х гг. военная журналистика перешла в «мирный» режим работы – в условиях «холодной войны» активно действовала система армейской печати, задача которой состояла в устойчивом формировании позитивного образа «своих» и негативного образа врага: «массовая коммуникация в Советском Союзе того периода, о котором мы говорим, развивалась как неотъемлемая часть советского государства. В рамках советской системы не существует теории государства и теории коммуникации, в ней существует одна теория. С самого начала пролетарской революции средства массовой коммуникации понимались как инструмент власти, а не как отдельная «четвертая власть». ... Следовательно, средства информации были инструментом, подлежащим контролю со стороны государства (от имени народа) посредством контроля над материальными средствами коммуникации. Средства информации должны были использоваться для того, чтобы донести «учение» Кремля, т. е. были приспособлены для отражения официальной советской идеологии, советского государства и советской «идеальной личности», как мы увидим из анализа содержания газет.

Таким образом, средства массовой коммуникации, в том числе и печать, использовались как инструмент государства и власти:

- они составляют единое целое с другими инструментами государственной власти и партийного влияния;
- они используются для обеспечения единства внутри государства и партии;
- они используются почти исключительно как инструменты агитации и пропаганды;
- они характеризуются строго выполняемыми обязанностями»¹²⁸.

Агитация и пропаганда холодной войны характеризовалась отчетливо формируемым образом врага и освещением советского вооружения.

---

¹²⁸ КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М.: Политиздат, 1987. – С. 56.

Журналы и газеты, рассчитанные на солдат, постоянно публиковали сведения о новых видах вооружения и мероприятиях в Вооруженных силах. Смысловым фоном освещения «холодной войны» было эксплицитное противостояние США и их союзникам.

Для правящих кругов США политика, проводившаяся в данный период времени, не была молниеносно и спешно спланирована, а явилась результатом четко продуманных действий. Еще до завершения второй мировой войны в апреле 1945 года было принято решение о «жесткой» позиции в отношении СССР, теоретическим фундаментом которой стала концепция «сдерживания коммунизма», сформулированная Дж. Кеннаном в «Длинной телеграмме» в 1946 году. Ее суть состояла в угрозе применения силы, подмене нормальных межгосударственных отношений стремлением к диктатуре, экономической блокаде и проведении подрывной деятельности. Таковыми были основные составляющие политики Соединенных Штатов по отношению к СССР в период политико-идеологического противостояния. Доминирующими характеристиками периода холодной войны стали всемирное форсирование гонки вооружения, использование достижений науки и техники в военных целях, а также образование военных блоков и союзов¹²⁹.

Открытым провозглашением начала холодной войны обычно принято считать речь У. Черчилля, произнесенную 5 марта 1946 года в Фултоне. Ее призыв – создание англо-американского военного союза для борьбы с восточным коммунизмом. Она стала противопоставлением курсу СССР на военное и политическое обеспечение собственной сферы влияния, прежде всего в Восточной Европе.

Конфронтация классовых идеологий двух социально-экономических систем с каждым годом обострялась все больше и больше. В поисках выхода из возрастающей напряженности, Советский Союз обратился к научному

---

¹²⁹ Политическая энциклопедия. Национальный общественно-научный фонд. – М.: Мысль, 2000. – С. 580.

обоснованию сложившейся ситуации в международных отношениях. В результате получили глубокое развитие исследования, опирающиеся на марксистско-ленинскую базу и системный подход. Подверглись научному изучению основные социально-экономические компоненты социалистической системы. Таким образом, важнейшими инструментами, которые активно применялись мировой системой капитализма в идеологической борьбе, являлись разработанные политико-академическим комплексом США различные теории международных отношений и внешней политики. Антикоммунизм как основа внешнеполитической теории и деятельности США не являлся окончательно сформировавшимся, претерпевал ряд существенных изменений и эволюционировал в более сложную форму по мере усиления борьбы между двумя мировыми социально-экономическими системами. Он был превращен в инструмент усиления гонки вооружений, в орудие борьбы против СССР.

К политико-идеологическому противостоянию в мировом сообществе относились по-разному. Одни утверждали, что проводившаяся политика в период холодной войны приведет к психологическому и геополитическому перенапряжению, позволив Советскому Союзу сохранять дипломатическую и военную инициативу. Другие не концентрировали внимание на значении и роли первенства в ходе великого противостояния. С их точки зрения, американская политика, в гораздо меньшей степени должна была быть ориентирована на свержение коммунистической системы и смену идеологии социализма. Ее предназначение заключалось в восстановлении нарушенного войной равновесия сил в Европе.

Специфика исторического развития периода холодной войны состоит в том, что фундаментальная классовая основа, определявшая идеологическое, теоретическое и доктринальное содержание разрядки позволяла поставить процесс противоборства двух социально-экономических систем в глубокие сущностные и длительные временные рамки. Радикальное улучшение политического климата на Европейском континенте и во всем мире было

невозможным, пока СССР и США находились в состоянии острой политико-идеологической конфронтации. В сложившихся исторических условиях сверхдержавам необходимо было задуматься о реальных перспективах перехода к фазе разрядки. Она должна была явиться не только результатом внутренней договоренности, согласно ряду объективных и субъективных причин, но и международным желанием жить в благоприятной, мирной обстановке.

Характер политико-идеологического противостояния отразился на содержании холодной войны, взглядах на мир, природе международных отношений, на концептуальных подходах и проблематике международно-политических исследований. Конфликт идей, ставший основой мировой политики, существовал в рамках одной западной цивилизации, поскольку и социализм и коммунизм были продуктами западноевропейской либеральной мысли. Спор марксистской и либеральной доктрин привел к затяжной политико-идеологической борьбе двух мировых систем. Идеология являлась ключевой составляющей конфронтационности и оказывала воздействие на политические отношения, преломляясь через процессы формирования и реализации внешней политики государств. Эта мысль включает далеко идущие выводы. Значение идеологической борьбы между капитализмом и социализмом было поднято на уровень первостепенной задачи их государственных политик. Ключ к пониманию роли идеологического фактора заключается в том, что после краха коммунизма ни одно государство, ни один регион не смог предложить идеологии, сопоставимой по масштабу и амбициозности с «американской мечтой» в ее экспортном варианте.

Конец холодной войны породил глубинные перемены, вызванные демократизацией всех сторон жизни, глобализацией, интеграцией, сопровождающиеся экономической нестабильностью, наличием межэтнических конфликтов, незавершенностью политических преобразований. Кроме того:

- утратила свое прежнее влияние коммунистическая идеология;
- распался блок коммунистических стран Восточной Европы и Советский Союз;
- наступил упадок коммунистического движения в странах Запада и «третьего мира»;
- наблюдается повсеместное распространение демократических принципов и ценностей;
- началась интеграция стран Запада, что влечет за собой множество проблем, как политико-идеологического плана, так и духовно-нравственного;
- идет процесс формирования глобального общества, характеризующийся многоструктурностью и имеющий ряд позитивных и негативных тенденций.

Эти перемены прямым образом отразились на состоянии международных отношений. После прекращения политико-идеологического противостояния мир не избавился от ядерного оружия, сверхдержавы продолжают строить свои отношения на основании ядерного вооружения. Его распространение стало не только угрозой, но превратилось в реальность, особенно если учесть, что в мире нет ни одной международной организации, оснащенной надлежащим образом для сдерживания конфликтов, чреватых применением ядерного потенциала¹³⁰.

Таким образом, окончание противоборства не принесло ожидаемых результатов, в мире не сложилась единая геостратегическая линия конфронтации. Не просматривалась в достаточной мере новая конфигурация геополитических сил, призванная заменить биполярную структуру мирового порядка. Бесспорный единственный факт в этом смысле – расширение НАТО на восток¹³¹, использование американских вооруженных сил в урегулировании локальных конфликтов, стабильная поддержка

---

¹³⁰ Калмыков Н.П. Россия и США в XX веке // Новая и новейшая история. 2011. №3. – С. 122.

¹³¹ Шаклеина ТА. Внешняя политика США: консенсус между правительством и общественностью // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 11. – С.64.

некоторыми государствами идеи прямой вовлеченности США в решение международных проблем.

XX век характеризовался гонкой вооружений, соперничеством между двумя сверхдержавами, возглавлявшими две принципиально разные мировые системы. В этих условиях были выработаны конкретные последовательные внешнеполитические стратегии, которые удавалось реализовать ввиду определенности и предсказуемости развития событий на мировой арене. Те изменения, которые произошли после окончания холодной войны стали основой нарастания значимости фактора неопределенности для внешней политики США. С одной стороны глобальное лидерство задавало тон для осуществления политических амбиций, а с другой стороны такие тенденции как глобализация, регионализация, интеграция порождали непредсказуемые процессы на международной арене. Значение фактора неопределенности возрастало.

Фактор неопределенности – это не остаточное явление прошлого, а фундаментальная проблема будущего. Неопределенность есть объективный фактор, реальность, доступная непосредственным ощущениям. Динамика развития международных отношений позволяет выделить тревожную закономерность – наблюдается накопление кризисных ситуаций различного типа, с которыми человечеству не удастся справиться. Нейтрализовать проблему на некоторый период времени, снизить остроту конфликта, изолировать его от внешней среды иногда получается, а вот разрешить конфликт никак не выходит. Постепенно накапливаются элементы нестабильности системы. Причем речь идет не только о безопасности, но и о других сферах – экономике, экологии, финансах и так далее. В какой-то момент рост элементов нестабильности может привести к переходу количества в качество. И тогда мы получим системный кризис глобального масштаба с непредсказуемыми последствиями. Человечество пытается противостоять нарастанию неопределенности, сократить дефицит управляемости мировой политики и экономики. Создаются новые

координационные структуры. Обсуждаются решения по регулированию отдельных измерений нашей жизни. Однако справедливым видится отметить, что мировая система развивается в значительной степени по инерции. А потому дефицит управляемости растет¹³².

Журналистика «холодной войны», таким образом, во многом наследует парадигму Великой Отечественной войны. Вместо сводок с фронта присутствуют освещения вооружения и мероприятий в армии, публикующиеся в специализированной прессе. Часть информации выносится на широкое обсуждение в прессе и на телевидении, и в имплицатуре текстов всегда содержится «образ врага» - того государства, которое позиционируется как возможный противник в потенциальном будущем конфликте.

2.3. Территориальные и локальные конфликты в освещении отечественной военной журналистики

Конец XX столетия ознаменовался локальными конфликтами, освещение которых практически не коррелировало с образом сильной власти и сильного правителя. Когда советские войска принимали участие в боевых действиях в Афганистане, пресса первоначально была существенно ограничена в освещении их действий. В официальных СМИ подчеркивалась помощь воинов-интернационалистов народу Афганистана, действовали ограничения на упоминание боевых операций, количества потерь и пр.¹³³. Распространявшиеся в западных СМИ сведения о войне и устно передававшаяся информация о потерях советских войск дискредитировали предпринятую семиотизацию боевых действий – читатель не верил

---

¹³² Картунов А. Политика: искусство неопределенности / Россия в глобальной политике. 2014. №.1 [Electronic Resources] // <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Politika-iskusstvo-neopredelennosti-16326>

¹³³ Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана М.: Искона, 1995. 720 с.

официальным заявлениям в печати, по радио и телевидению. Сомнения распространялись на все сферы, освещаемые журналистикой. В конце 1980-х был взят курс на гласность и демократизацию СМИ, что привело к необходимости масштабной реорганизации системы прессы в новом государстве.

27.12.1979 г. политбюро выпустило распоряжение об агитационном обеспечении нашего внедрения в позиции Афганистана, в действительности это была установка для прессы.¹³⁴

Формальная точка зрения Кремля была определена в реплике Л.И. Брежнева на дилеммы репортёра газеты «Правды» 13.01.1980 г. Действующий руководитель страны отмечал вооруженное вмешательство, развязанное против ДРА со стороны, опасность преобразования государства в «империалистский боевой участок на юге наших границ. Брежнев назвал в свою очередь многократные просьбы руководства Афганистана о введении войск СССР, которые, с его слов, будут отправлены обратно с момента отпадения причин, побудивших правительство ДРА направить просьбу об их введении¹³⁵.

В СМИ было рекомендовано опираться на положения, содержащиеся в заявлениях афганской власти к СССР с призывом о кадровой помощи из сообщений ТАСС по этому поводу¹³⁶.

Основной принцип средств массовой информации того периода заключался в том, чтобы делать акцент только на предоставлении жителям и афганской власти поддержки и помощи в противоборстве агрессии извне по запросу правительства и народа республики Афганистан. Других целей советское правительство не преследует¹³⁷. СССР, к которому власти Афганистана за минувшие годы многократно обращались с просьбой помочь

---

¹³⁴ Отечественная военная история в 3-х томах – М.: Институт военной истории МО РФ, 2003. – С. 200.

¹³⁵ Там же, с. 212.

¹³⁶ Там же, с. 217.

¹³⁷ Там же, с. 220.

и парировать внешнюю и внутреннюю агрессию, отозвался на просьбу, следуя авторитетности советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

Призыв о помощи руководства Афганистана и положительный отклик на данную просьбу СССР является исключительным делом обеих суверенных государств СССР и ДРА, которые самостоятельно, без чьей-либо помощи регламентируют собственные отношения. Им, так же, как и иному государству- участнику ООН, свойственно разрешение на частную или общую самозащиту, что оговаривается ст. 51 устава ООН.

При интерпретации происходящих изменений в правительстве ДРА необходимо было отмечать, что это внутренние дела и проблемы афганского этноса, отталкиваться от обращений, напечатанных революционным органом Афганистана, от сообщений главы революционного совета Афганистана Бабрака Кармаля.

Предоставлять прямое и основательное противодействие всяким без исключения преднамеренным сообщениям ложных отрицательных сведений в отношении оказывавшегося будто бы вмешательства СССР во внутренние дела Афганистана. Выделять, что Советский Союз не имеет никакой связи с изменениями в Афганском руководстве. Единственные цели, которые СССР преследует в связи с ситуацией в Афганистане и около него – оказание защиты и помощи в прикрытии независимости дружественного народа Афганистана перед внешней агрессией. С момента, как эта агрессия перестанет быть ключевой, опасность, угрожающая суверенитету и независимости Афганистана, исчезнет, советские военнослужащие будут в полном объеме выведены из Афганистана.

Прессе Советского Союза изначально предоставлялась возможность изображать военные операции только в отношении не больше одной роты, перечислять фамилии и инициалы солдат, не получивших во время

прохождения военной службы званий, а о случаях смертей сообщать не больше одного раза за событие¹³⁸.

Таким образом, наблюдается целенаправленная семиотизация конфликта, которая первоначально подразумевала утаивание, сокрытие истинного масштаба боевых действий, реального противника и в целом сути происходящего. Подчеркнем, что, к примеру, в современных условиях, при наличии доступного интернета и социальных сетей, такая стратегия была бы неудачной с самого начала. В период конфликта в Афганистане официально транслируемая точка зрения также противостояла слухам и устно передаваемым рассказам о том, что происходит, накопление критической массы которых в итоге привело к изменению вектора освещения конфликта.

Интерпретация военных действий в ДРА пережила два периода и прошла путь от утаивания до раскрытия. На раннем этапе, в период с 1975 по 1985 годы, сообщения о военнослужащих, принимающих непосредственное участие в боевых сражениях на территории Афганистана, являлись дозированными и в большинстве случаев располагались в информационных заметках.

После декларации о гласности в прессе начали опубликовывать информацию в различных формах о воинах-интернационалистах с одновременным началом выведения ОКСВ из Афганистана. На этом этапе наиболее важной тенденцией являлось сохранение образа воинского героя.

Советская пресса зависела от руководства страны и даже на этапе перестройки интерпретировала военные действия в Афганистане с точки зрения, удобной для нового пришедшего руководства.

В период присутствия ОКСВ в Афганистане вектор информационной политики СССР был рассчитан и задан заранее, и коммуникация демонстрировала одностороннее освещение хода событий¹³⁹.

---

¹³⁸ Там же, с. 241.

¹³⁹ Там же, с. 211.

В советской прессе появлялись сообщения о «совместных учениях», а также о том, как военнослужащие СССР оказывали помощь мирным гражданам: помогали пахать землю, рассаживать семена деревьев, возводить сады для детей.

Примером может послужить новостная заметка из газеты «Фрунзовец» от 25.06.1983 г, в которой говорится, что не исключительно опасными боевыми действиями заняты будничные дни военнослужащих ОКСВ на территории Афганистана, но и довольно часто имеется возможность наблюдать солдат и офицеров на крестьянских землях, на построении и ремонтировании дошкольных и школьных учреждений, госпиталей и иных общественных укреплений. С величайшей признательностью получают коренные жители безвозмездную помощь советских военнослужащих¹⁴⁰.

19.06.1895 г. сформировался регистр сведений, допущенных до открытого опубликования в отношении деятельности ОКСВ на территории Афганистана, подписанными В. Кирпиченко и В. Варенниковым, в котором было заявлено:

1. Опубликовывать дозволенные перед этим сведения о событиях и демонстрировать:

- существование частей и формирований, но без изображения их непосредственной причастности к ним;

- устройство и процесс военной тренировки без демонстрации их реальной военной деятельности, ставшей причиной для награждения;

- по отдельности редкие и частные случаи, но не больше одного в месяц, о ранениях и потерях военнослужащих Советского Союза при осуществлении военного долга, парировании атак повстанцев, исполнении боевых заданий с проявлением международной поддержки жителям Афганистана.

---

¹⁴⁰ Фрунзовец, выпуск №14 от 25.06.1983

2. В дополнение разрешить опубликовывать в центральной прессе, печатные издания воинских округов, республиканских, а также областных издательствах:

- о некоторых событиях героической деятельности военнослужащих Советского Союза с демонстрацией их мужества и силы воли;
- о неизменных действиях подразделений до одного дивизиона;
- случаи проявления заботы о военнослужащих Советского Союза, служащих в армии на территории Афганистана, получивших инвалидность, а также заботы о членах семьи солдат и офицеров, умерших в ДРА.
- известия с показом военных подвигов, решимости, твердости духа и храбрости военнослужащих СССР, а также эпизоды их награждения.

3. Как прежде, под запретом в открытых печатных изданиях и иных широкоэмитательных средствах массовой информации сведения, раскрывающие причастность войск СССР к военной деятельности на территории Афганистана:

- упоминание частей от взвода и больше, кроме этого, рассказ о навыках ведения военных операций, реальных целях и задачах войск, прямые трансляции видеосъемок, репортажи с места ведения боевых действий.

4. Печатать и выпускать любые указанные в разделах 1 и 2 сведения допускается только после согласования с главной военной цензурой.

5. Продолжить массовую демонстрацию антипропагандистской информации зарубежных и советских авторов, обличение искажения западных СМИ сведений¹⁴¹.

До 1989 г. важнейшим вектором освещения конфликта являлась героизация образа «воинов-интернационалистов» и инициировались попытки показать войну в оптимистическом свете¹⁴².

---

¹⁴¹ Отечественная военная история в 3-х томах – М.: Институт военной истории МО РФ, 2003, С. 222.

¹⁴² Правда, выпуск №33 от 12.06.1981г.

29.12.1979 г. в газетах «Правда», «Комсомольская правда» и «Правда севера» был опубликован призыв о помощи правительства ДРА.

31.12.1979 г. издание «Правда» выпустила раздел под названием «К событиям в Афганистане», в котором было упомянуто о тактической дуге, которую руководство США годами строило возле южных границ СССР, о задачах американцев преобразовать ДРА в военный пункт для вынашивания империалистической враждебности против Советского Союза. По этой причине в Афганистан был введен ОКСВ¹⁴³.

Из данных публикаций читатель мог для себя заключить, что американцы готовятся к открытым боевым действиям против СССР, устранить которые обязано было отправление советских войск в Афганистан. Иными словами, содействие народу ДРА было необходимостью и неизбежным решением. Военные задачи ОКСВ в источниках не обсуждались.

13.01.1980 г. газета «Правда» напечатала интервью Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева о внешней политике Советского Союза в ДРА. Прежде всего Леонид Ильич пояснил, что послужило причиной обращения правительства Афганистана к Советскому Союзу за содействием:

- Со стороны Запада увеличивается объем помощи тем войскам, которые вторгаются в Афганистан, проявляют агрессию против действующей легитимной власти.

- Брежнев отмечал обязательства Советского Союза по «Договору о дружбе, добрососедстве и соседстве», из которого следовало, что положительный отклик на обращение о многогранной помощи в положении гражданской войны и вмешательства извне оказывался выполнением этого долга. Также политический лидер взывал к ценностям помощи государству, общности интересов и принципов дружбы и добрососедства¹⁴⁴.

---

¹⁴³ Правда, выпуск №37 от 31.12.1979 г.

¹⁴⁴ Газета «Правда» выпуск №11 от 13.01.1980 г.

Перед правительством СССР стояла цель не прикрывать, а обосновывать всестороннюю помощь Афганистану. Пресса демонстрировала идеи и морально-этническую идеологию руководства.

В январе 1980 г. газеты «Правда», «Огонек», «Комсомольская правда» и «Правда севера» напечатали информационные заметки, повторяющие главные концепции:

- руководство Афганистана обратилось к Советскому Союзу с призывом о помощи в политике, экономике, а также моральной помощи, включая военную.

- сорвались планы перевоплощения Афганистана в антисоветский боевой плацдарм, а также в ключевую точку политики американцев в этом районе.

- Апрельская революция 1978 г., осуществленная народом Афганистана, приобрела закономерное развитие.

- уничтожен кровавый авторитарный строй Х. Амина и его предшественников.

Как видно из вышесказанного, в приведенных сведениях не растолковываются и не интерпретируются подробности распоряжения о введении войск, в частности, количество отправленных воинских подразделений в ДРА, какие преследовал конкретные цели Советский Союз, в каких военных действиях военнослужащие уже принимали участие и будут фигурировать. Семиотизация конфликта движется в русле вех помощи, поддержки и имплицатуры периода «холодной войны» - ответа на «американскую угрозу».

Так, в рубрике «Торжество революции» употребляется страдательный залог: «уничтожен беспощадный авторитарный режим Х. Амина», что сохраняло в тени основание осуществления процедуры «Шторм-333» - секретное наименование штурма замка Х. Амина. Аудитория не могла понять, кто, где, когда, при каких условиях, для чего уничтожен правящий

строй¹⁴⁵. Используется неизосемическая конструкция, исключаящая из фразы субъект: «режим уничтожен», однако мало понятно, кем и почему.

Из информационных заметок явствует, что отличительной стороной материалов являлось настойчивое упоминание о том, что конфликтная ситуация в ДРА не была предметом внешней политики Советского Союза, но во все времена продолжала оставаться внутренним делом афганцев. Эта идея подкрепляется доказательствами: наименованиями рубрик, под которыми выпускались сведения о военных действиях:

Комсомольская правда: «Мир», «Мир: хроника и проблемы», «Мир восьмидесятых»¹⁴⁶.

Правда: «Международная информация»¹⁴⁷.

Огонек: «Колонка международного публициста», «США: география вмешательства»¹⁴⁸.

С 1979-1985 гг. главными вехами героизации военных действий являлась государственная армия Афганистана и правоохранительные органы, разного рода Афганские формирования и народ, из чего следует, что военные действия в ДРА были, прежде всего, гражданской войной Афганистана. В доказательство этих заключений приведем публикацию из Комсомольской правды от 06.05.1981 г., в которой сообщалось, что войска Советского Союза «выполняют роль резерва», а первостепенное бремя тяжелой войны несет за собой правительственная армия ДРА¹⁴⁹.

Вот как представлял ситуацию с введением ОКСВ журнал «Огонек». В статье от 13 февраля 1982 года говорилось, что жители Афганистана приветствуют их прибытие, очень тепло и по-дружески встречают советских военнослужащих, зная, что они оказались в их стране с одной лишь целью: посодействовать в отстаивании апрельской революции от вооруженного

¹⁴⁵ Огонек, выпуск №11 от 13.01.1981.

¹⁴⁶ Комсомольская правда, выпуск №5 от 12.02.1982.

¹⁴⁷ BBC NEWS выпуск № 19-1981 от 17.11.1983.

¹⁴⁸ BBC NEWS выпуск № 19-1981 от 17.11.1983.

¹⁴⁹ Комсомольская правда, выпуск №19 от 06.05.1981 г.

сопротивления извне. А также в конце упоминается, что вместе с военнослужащими Афганистана воины СССР защищали местных жителей от моджахедов¹⁵⁰.

Борис Мембранов, в то время являющийся корреспондентом журнала «Огонек», в статье «Шакалы в волчьем логове» процитировал «Памятку советскому воину-интернационалисту», вручаемую всем военнослужащим СССР, прибывшим в Афганистан проходить службу в армии, и в конце статьи добавил, что Советский Союз протянул руку помощи дружественному народу Афганистана, и непосредственные задачи военнослужащих – в помощи в отражении внешней агрессии империализма. Интересен заголовок данной статьи: «Шакалы в волчьем логове», по которому трудно понять, что данный материал является информацией о непосредственном участии советских войск в войне, однако это была фактически первая публикация, в которой вскользь затрагивался вскользь о действительном столкновении военнослужащих советской армии с повстанцами¹⁵¹.

Эмигрантский журнал «Посев» дал достоверные сведения, что воины СССР вместе с армией Афганистана принимали участие в перехвате лазутчиков из Пакистана и колонну с оружием из США для оппозиции, во время которого погиб один из военнослужащих С. Афиндулиди. Впервые была опубликована достоверная информация, при этом с упоминанием фамилии солдата. Но в номерах журнала «Огонек» была осуществлена подмена понятий, которая заключалась в том, что военные действия произошли во время прохождения мирной колонны военнослужащих СССР, и, якобы, гибель С. Афиндулиди является несчастным случаем¹⁵².

В целом, освещение боевых действий в Афганистане существовало в условиях мощного имплицитного противодействия населения: многие жители страны с недоверием относились к сведениям в официальной прессе

---

¹⁵⁰ Огонек, выпуск №36 от 13.02.1982 г.

¹⁵¹ Мембранов Б. Шакалы в волчьем логове // Посев, выпуск 45-14 от 15.02.1982 г.

¹⁵² Посев, выпуск 22-13 от.02.11.1981 г.

и считали, что конфликт намного масштабнее и кровопролитнее, чем сообщают средства массовой информации.

Политические преобразования 1990-х годов временно заслонили конфликт в Афганистане в прессе. От изменений в структуре государства пострадала, в том числе, сеть военных журналов и масс-медиа. К 1992 году на территории СССР действовала обширная сеть военных СМИ. Газета «Красная звезда» перечисляет следующие военные средства массовой информации: журналы - «Военная мысль», «Военно-исторический журнал», «Военно-медицинский журнал», «Зарубежное военное обозрение», «Морской сборник», «Армия», «Военно-экономический журнал», «Вестник противовоздушной обороны», «Агитатор армии и флота», «Честь имею», «Боевой товарищ», «Аргумент»; газеты округов и флотов «На боевом посту» (Московского округа ПВО), «Военный вестник Юга России» (Северо-Кавказского военного округа), «На страже Родины» (Ленинградского военного округа), «Красный воин» (Московского военного округа), «Уральские военные вести» (Уральского военного округа), «Солдат Отечества» (Приволжского военного округа), «Советский солдат» (Сибирского военного округа), «Суворовский натиск» (Дальневосточного военного округа), «На боевом посту» (Забайкальского военного округа), «Боевая вахта» (Тихоокеанский флот), «Флаг Родины» (Черноморский флот), «Страж Балтики» (Балтийский флот), «На страже Заполярья» (Северный флот); газеты групп войск - «Наследник Победы» (Западная группа войск), «Знамя Победы» (Северная группа войск), «За Родину» (Северо-Западная группа войск); «Закавказские военные ведомости» (Группа российских войск в Закавказье); газеты армий, армейских корпусов и флотилий - «Боевое знамя» (печатный орган 5-й общевойсковой армии), «Защитник Родины» (51-й общевойсковой армии), «Воздушный страж» (печатный орган 16-й военно-воздушной армии), газеты четырех армий противовоздушной обороны, флотильские газеты «Каспиец» (Каспийская военная флотилия), «Тихоокеанская вахта» (Камчатская военная флотилия), «Подводник

Заполярья» (издание флотилии подводных лодок), «Океанская вахта» (издание флотилии подводных лодок), «Вымпел Заполярья» (издание Кольской флотилии), «На страже Родины» (Сахалинская военная флотилия), «Боевой дозор» (Амурская военная флотилия), «Морская газета» (печатный орган Ленинградской военно-морской базы и вузов); многотиражные газеты – печатные органы соединений, кораблей, военно-учебных заведений, дорожно-строительных бригад¹⁵³. После развала Советского Союза тираж этих средств массовой информации неуклонно снижался, к концу 1992 года он упал более чем в два раза. Снизилось и количество СМИ.

«В число подлежащих изменению процессов входила и работа периодической печати армии и флота. В этих рамках было проведено существенное преобразование системы и всех сторон деятельности газет и журналов Министерства обороны России, что было обусловлено рядом объективных причин, в числе которых: новая идеология; недостаточное финансирование военного ведомства в целом и органов периодической печати в частности, которое привело к расформированию большого числа периодических СМИ; сокращение численности армии и флота, повлекшее собой и сокращение печатных органов вместе с их объединениями и соединениями (например, 18 газет было расформировано только в Западной группе войск); возложение новых задач на органы периодической печати ВС РФ, например, по саморекламе, информационному обеспечению войск, выполняющих миротворческие задачи, участвующих в контртеррористических операциях и так далее»¹⁵⁴.

Общее сокращение численности СМИ и их финансирования сказалось также на военной журналистике: была разрушена система регулярной

---

¹⁵³ О создании системы средств массовой информации МО РФ: Приказ министра обороны РФ №135 от 5 сентября 1992 г. // Текущий архив газеты Красная звезда. - Т.1, 1992. -С.376-382.

¹⁵⁴ См.: Кандалов В.И. Рекламная деятельность Вооруженных Сил РФ и пути ее совершенствования: Автореф. дис.... канд. экон. наук. – М., 2003. – С. 12-13.

армейской печати, многие газеты и журналы перестали издаваться, система информирования и пропаганды была разрушена и деформирована.

Первое десятилетие в постсоветский период стало особым моментом в ломке устоев военной прессы, наработанных за 74 года СССР, что было связано с развалом существовавшего государства на несколько самостоятельных.

Этот развал стал причиной первого этапа реформирования Вооруженных сил РФ, который проходил с мая 1992 года по август 2000 года. Хронологически этап относится к подписанию Указа президента РФ № 466 от 7 мая 1992 г. «О создании Вооруженных Сил РФ»¹⁵⁵, в соответствии с которым объявлено о создании Вооруженных Сил новой России.

Его можно охарактеризовать как время разнонаправленных спорадических попыток по реструктуризации российской армии и флота, связанных с поиском наиболее оптимальных вариантов для решения задачи.

В число подлежащих изменению процессов входила и работа периодической печати армии и флота. В этих рамках было проведено существенное преобразование системы и всех сторон деятельности газет и журналов Министерства обороны России, что было обусловлено рядом объективных причин, в числе которых: новая идеология; недостаточное финансирование военного ведомства в целом и органов периодической печати в частности, которое привело к расформированию большого числа периодических СМИ¹⁵⁶; сокращение численности армии и флота, повлекшее собой и сокращение печатных органов вместе с их объединениями и соединениями (например, 18 газет было расформировано только в Западной группе войск); возложение новых задач на органы периодической печати ВС

---

¹⁵⁵ См.: Красная звезда. - 1992, 9 мая.

¹⁵⁶ По причинам экономического характера прекратили свою деятельность 13 журналов (и приложений к ним), 1 еженедельник, газеты четырех армий ПВО, 12 газет строительных управлений округов (флотов)

РФ, например, по саморекламе¹⁵⁷, информационному обеспечению войск, выполняющих миротворческие задачи, участвующих в контртеррористических операциях и так далее.

Предполагалось, что проводимая оптимизация не только даст возможности выстроить систему в соответствии с новыми экономическими реалиями государства, но и позволит улучшить качество ее содержательной стороны, обновить полиграфическую базу, что в целом должно будет создать устойчивую позицию для достижения рентабельности оставшимися газетами и журналами при повышении эффективности их деятельности.

Тяжелая ломка старой системы заняла около двух лет. Только к лету 1994 года, согласно приказу №48¹⁵⁸, удалось сформировать систему периодической печати Вооруженных сил РФ, которая существует до сих пор практически без изменений.

Однако за это время были упущены лидирующие позиции в формировании общественного мнения о Вооруженных силах. Сложившаяся на волне литературных и иных произведений позднеперестроечного периода¹⁵⁹ планомерная работа по нанесению урона имиджу армии и флота, проводимая вольно или невольно рядом журналистов, гонявшихся за сенсациями¹⁶⁰, уже создала негативный фон у населения, абсолютно полно используя время своего превалирования на медиаполе. Если рассматривать ситуацию в общем, то травля, созданная в ряде случаев благодаря документам, передаваемым некими третьими лицами временами со смертельным исходом для самих журналистов¹⁶¹, являлась ничем иным, как специально спланированным маневром, позволяющим отвлечь широкие слои

---

¹⁵⁷ См.: Кандалов В.И. Рекламная деятельность Вооруженных Сил РФ и пути ее совершенствования: Автореф. дис.... канд. экон. наук. - М., 2003. - С. 12-13

¹⁵⁸ О совершенствовании системы средств массовой информации МО РФ: Приказ министра обороны РФ №48 // Сборник нормативных несекретных приказов МО РФ за 1994 г.

¹⁵⁹ См. напр. Поляков Ю. Сто дней до приказа: повесть // Юность. – М., 1987.

¹⁶⁰ См. напр. статьи Дмитрия Холодова // Московский комсомолец. – М., 1994.;

¹⁶¹ За что убили военкорра «МК» Дмитрия Холодова // Московский комсомолец. – М., 2014.

населения от насущных проблем в иных сферах жизни, а также создающая возможность скрыть противоправный передел собственности, шедший в других отраслях.

Также дополнительным негативным фактором, нанесшим урон имиджу Минобороны России в тот период, стало проведение первой контртеррористической кампании на территории Чечни без планомерной информационной поддержки со стороны всех федеральных СМИ, во время которой представители ведомства старались пускать в зону конфликта или делиться информацией лишь с избранным кругом доверенных журналистов, в то время как противоборствующая сторона всячески использовала все возможности для воздействия на общество с помощью как сотрудников уже существовавших изданий, так и через новые на тот момент электронные медиа. В результате фактически сразу после ввода войск, в начале 1995 года, по данным ВЦИОМ более 50% россиян неудовлетворительно оценивали то, как российская армия в целом справляется с кризисом в Чечне¹⁶². Далее негатив только возрастал.

После распада СССР, на фоне обострившихся в республике националистических волнений, бывший генерал советских военно-воздушных сил Джохар Дудаев возглавил созданный в 1990 году Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), где объявил об окончательном выходе Чечни из состава Российской Федерации¹⁶³.

7 ноября 1991 года президент России Борис Ельцин подписал указ «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике», который в итоге вызвал резкое обострение ситуации в республике: сторонники сепаратистов окружили здания МВД и КГБ, военные городки, блокировали железнодорожные и авиалинии¹⁶⁴.

---

¹⁶² Как бы вы оценили, насколько успешно российская армия в целом справляется с кризисом в Чечне: опрос/ВЦИОМ. - 1995.

¹⁶³ Захарович Ю. [Чечня и Россия: общества и государства](http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus13_1.htm) // Электронный ресурс: http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus13_1.htm (Дата обращения 24.05.2018).

¹⁶⁴ Там же.

В этой развернувшейся информационной войне Минобороны России проигрывало потому, что заявлениям противника противопоставлялась информация через разрозненные медиа, при недооцененности и собственных возможностей, но шаги к изменению ситуации были сделаны. Приказом МО РФ «О Пресс-службе Министерства обороны РФ» (№415 от 21 ноября 1996 г.)¹⁶⁵ руководство отдельными печатными изданиями – газетой «Красная звезда» и журналом «Воин» - перешло от Управления информации и печати МО РФ в оперативное подчинение Пресс-службе МО РФ, что позволяло консолидировать собственные резервы. Тем приказом было положено начало создания единой информационной системы армии и флота (ЕИС), которая включала в себя все информационные структуры Вооруженных Сил, то есть пресс-центры, газеты и журналы, электронные СМИ.

В 1994 году, до объявления решения российских властей о вводе войск в Чечню, 1 декабря 1994 года, российской авиацией были нанесены удары по аэродромам Калиновская и Ханкала, в итоге были выведены из строя все самолеты, находившиеся в руках сепаратистов. 11 декабря 1994 года президент России Борис Ельцин подписал указ № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики» (который позднее был признан Конституционным судом, соответствующим Конституции, как и большинство действий федерального правительства в Чечне).

11 декабря 1994 года подразделения объединенной группировки войск (ОГВ), состоящие из частей Минобороны и внутренних войск МВД вошли на территорию Чечни. В середине декабря 1994 года федеральные войска начали обстрел артиллерийских пригородов Грозного, 19 декабря был нанесен первый бомбовый удар по центру города.

В период с 28 апреля по 11 мая 1995 года российская сторона объявила о приостановке боевых действий со своей стороны. Наступление

---

165 Сборник нормативных несекретных приказов МО РФ за 1996 г.

было возобновлено лишь 12 мая. Несмотря на явное преимущество в живой силе и технике, российские военные завязли в обороне противника.

По поводу первой чеченской кампании вышла книга «Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений». Хронологию из этой книги, дополненную и исправленную аналитиками Генерального Штаба Министерства Обороны Российской Федерации, можно представить следующим образом:

Таблица 1. Хроника войны в Чечне: первый этап

Период	Основные события
Лето 1994 – 10 декабря 1994.	Активная поддержка оппозиции и подготовка операции федеральных сил в Чечне.
11 декабря 1994 – март 1995.	Вступление в Чечню и бои за г. Грозный. Перемирие в Грозном 13 – 19 февраля 1995 г.
Март – июнь 1995.	Занятие городов и населенных пунктов в равнинной Чечне. Война в горах. Нападение Шамиля Басаева на Буденновск.
Июнь – октябрь 1995.	Перемирие и переговоры по блоку военных вопросов. Покушение на генерала Романова и прекращение переговоров.
Октябрь 1995 – май 1996.	Партизанская война (Аргун и Гудермес дек. 1995, Кизляр-Первомайское янв. 1996, Грозный март 1996, Аргун апр. 1996). Наращивание сил чеченских формирований.
Май – июль 1996.	Перемирие с 1 июня. Назранские соглашения.
Июль – август 1996.	Возобновление операций в горных районах. Захват Грозного чеченскими формированиями ¹⁶⁶ .

Тенденции отображения Чеченской кампании можно разделить на два крупных вектора: 1) поиски «правого» и «неправого» в войне; 2) попытки, насколько это возможно, объективного анализа. Аналитики Министерства

¹⁶⁶ Хронология взята с официального сайта Генштаба Минобороны // Электронный ресурс www.Chechnya.Genstab.ru.

обороны выделяют несколько особенностей контртеррористической операции (КТО) в Чечне. Например, начальник Главного управления Сухопутных войск генерал-полковник Ю.Д. Букреев видит три главных отличия КТО от традиционных военных действий: «во-первых – выполнение задач осуществляется, как правило, группировкой войск разнородной и разноведомственной принадлежности при отсутствии четко выраженной линии фронта на разобщенных, нередко изолированных направлениях в отрыве частей и подразделений от главных сил при высокой степени тактической самостоятельности в условиях, когда противник широко применяет засады, партизанские способы борьбы, ночные действия и наносит внезапные удары; во-вторых, поставленные задачи решаются преимущественно нетрадиционными методами различными отрядами и группами, формируемыми по целевому предназначению; в-третьих – организация боя и управление частями (подразделениями) резко усложняются вследствие одновременного ведения боевых действий в нескольких различных районах (очагах) при наличии открытого тыла и растянутых тыловых коммуникаций»¹⁶⁷. Генерал-полковник предлагает пользоваться в этих условиях несколькими видами тактических приемов:

- применение тактических воздушных десантов при изоляции незаконных вооруженных формирований;
- при нахождении боевиков в городе – не штурм города (так как боевики составляют 1 – 2 % от его населения), а блокирование с предъявлением ультиматума;
- в горах – поисково-засадные действия с ведением непрерывной разведки;
- при борьбе с крупными отрядами – их окружение и «зачистка»;
- при этом одна из самых важных проблем – обеспечение взаимодействия различных видов войск.

---

¹⁶⁷ Минобороны делает выводы. Часть первая // Электронный ресурс: http://www.grani.ru/chechnya_mil/facts/lessons1

Иными словами, действия военных во время чеченского конфликта, по большей части, в оценке официальных СМИ были верными. Трудность их осуществления и частые неудачи связаны не со стратегическими ошибками, а со спецификой самой КТО.

Другие аналитики Минобороны также целиком и полностью одобряют тактику войны в Чечне, присоединяя к этому одобрению советы по повышению эффективности боевых действий. Так, полковник В.С. Бочкарев и полковник В.Л. Комольцев в статье «Российская буря в горах. Анализ опыта боевых действий в Чечне и предварительные выводы» говорят, что «Обобщение опыта боевого применения войск Минобороны и МВД РФ на Северном Кавказе показывает, что войсковая операция в Чеченской Республике (ЧР) построена и проводится в соответствии с самыми современными взглядами военных ученых. Вывод, который получен в итоге сравнения операций типа «Буря в пустыне» с локальным вооруженным конфликтом в ЧР, оказался достаточно тривиальным: особенности современных отечественных вооружений таковы, что добиться поставленных целей без боевых потерь наших войск (сил) невозможно»¹⁶⁸.

Вновь та же идея – то, что было сделано в Чечне, было сделано наилучшим образом, любая другая тактика принесла бы гораздо больше потерь. Бочкарев и Комольцев также дают в своем обзоре некоторые советы по повышению эффективности боевых действий.

Соответственно, официальная точка зрения по поводу войны в Чечне такова: все, что было сделано, - было верным и, более того, отвечало последним разработкам военной науки. Можно предложить небольшие улучшения, но все и так было правильным – единственно, быть может, правильным в создавшихся условиях. Возникшие проблемы – следствие, во-

---

¹⁶⁸ Бочкарев В.С., Комольцев В.Л. Российская буря в горах. Анализ опыта боевых действий в Чечне и предварительные выводы // Независимое военное обозрение // Электронный ресурс https://nvo.ng.ru/wars/2000-02-25/1_mountstorm.html

первых, недостаточной обеспеченности наших войск, и, во-вторых, специфики контртеррористических операций и самой местности (горы).

Отметим, что семиотизация конфликта в положительном ключе началась, в основном, после 2000 года. Ранее освещение официальных СМИ сталкивалось с имплицитным противодействием населения – схожим с тем, которое сопровождало конфликт в Афганистане. Целенаправленное освещение конфликта в положительном ключе стало знаком перемен в СМИ.

Так, если за обсуждение войны в Чечне берутся не военные, а политические специалисты, в их обзорах звучит тот же самый аргумент в пользу действий российской стороны: да, то, что было сделано, было жестоким и кровопролитным, но в данной ситуации любая другая тактика была бы только хуже. Журналист Сергей Михайлов в своей статье «Правда о войне в Чечне» пишет: «Поэтому Путин прав уже только потому, что он продолжает сегодня методично «додавливать» чеченскую проблему. Можно предъявить кучу претензий к тому, КАК это делается. Можно критиковать и спорить. Но это не должно Путина останавливать. Главное – чтобы он добил, доделал, додавил.

Добил бандитов, несмотря на шантаж США, которые беззастенчиво бомбили югославское Косово, но теперь хотят помешать нам навести порядок на нашей же территории.

Доделал кровавую, грязную работу, игнорируя брезгливое недовольство истеблишмента российского разлива, для которого лучшим выходом из кризиса всегда был международный аэропорт «Шереметьево-2».

«Дожал» ситуацию вопреки чужезумной Европе, поддакивающей американцам и не понимающей, что держаться надо не за них, а за Россию. Ведь именно мы всегда были европейским форпостом на границе разлома культур и миров. Испокон веков именно наша страна берегла европейскую цивилизацию и от орд Батыя, и от натиска Османской империи. Если Россия ослабеет окончательно, что будет делать Европа, оказавшись лицом к лицу с агрессивным исламским радикализмом?

Ясно, что чеченскую проблему нельзя решить в бархатных перчатках. Ясно, что придется пойти на «закручивание гаек». Путин не зря сказал, что у нас кругом – Чечня. Пора засучивать рукава и наводить порядок»¹⁶⁹.

Слова аналитиков, поддерживающих действия российской стороны, фактически сводятся к известному в логике «аргументу к невыносимости»: в данной ситуации можно было действовать только так, любой другой выход невозможен, поэтому тот единственный, что остался, автоматически признается правильным. Для классического построения этого аргумента необходимо показать, что все остальные выходы из ситуации хуже либо невозможны. Именно так и выстраивает свою концепцию Сергей Михайлов. Вначале он упрощает возможные решения всего до двух путей: либо «додавливать» ситуацию, либо уходить из Чечни – то есть, ставит классическую логическую «вилку». «Вилка» - лучший способ подтолкнуть слушателя или читателя к нужному решению. Когда оратор утверждает, что проблемная ситуация имеет два выхода, никому не придет в голову поискать третий или четвертый. Потом достаточно опорочить один из предложенных выходов, чтобы второй представлялся единственно возможным. «Вилка» Сергея Михайлова построена именно по этому принципу: одобряя «додавливание», он показывает, к чему привел бы уход из Чечни: «Уход России из Чечни не просто ухудшит ситуацию на всем евразийском пространстве, но фактически приведет к геополитической катастрофе.

Вывод федеральных войск с территории Чеченской Республики неизбежно расширит зону деятельности незаконных вооруженных формирований. Заполыхает территория Дагестана и Ингушетии, резко обострится ситуация в Северной Осетии. Поднимут голову сепаратисты в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее.

---

¹⁶⁹ Михайлов С. Правда о войне в Чечне // Электронный ресурс www.bestfor.ru. Дата обращения 27.11.2003. Сохранено в личном архиве.

Медленно, но неизбежно Россия потеряет весь Северный Кавказ, вплоть до Ростова-на-Дону. Доминирующее положение в этом регионе займет Турция. И соответственно возрастет роль США и НАТО, чьим партнером она является.

Очевидно, что параллельно с событиями на Северном Кавказе выйдет из-под контроля федерального центра ситуация в регионах России с мусульманским населением – прежде всего в Татарстане и Башкортостане. Вряд ли удержится светская власть в среднеазиатских странах – участницах СНГ – Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане, а также в Казахстане и Киргизии. Исламские фундаменталисты-талибы выйдут на границы России по периметру Омской и Оренбургской областей и на подконтрольных территориях установят режим, аналогичный тому, что существует сегодня в Афганистане. С судами шариата, публичными казнями, религиозным фанатизмом.

Юго-восточные окраины европейской части континента надолго погрузятся в хаос религиозных войн, национальных распрей и междоусобиц. Потоки нелегальных беженцев хлынут в страны Западной Европы. Рухнет «санитарный кордон» на пути дикой преступности, караванов с наркотиками, оружием, который пока неимоверными усилиями худо-бедно удерживала Россия.

Потеря Кавказа, крушение светской власти в среднеазиатских странах СНГ неизбежно создадут революционную ситуацию внутри самой России, которая может разразиться гражданской войной. Все эти процессы будут сопровождаться межнациональным размежеванием в стране: в Центральной России, Сибири, на Дальнем Востоке начнутся «кавказские погромы», а русские и русскоязычные будут вынуждены бежать с Северного Кавказа и из Средней Азии. В итоге к власти в стране придут национал-радикалы под

лозунгами «Россия – для русских!», «Восстановим страну в границах Российской империи!»¹⁷⁰.

Из всех этих логических построений автор делает закономерный вывод: необходимо поддерживать действия президента, и тогда Чечня превратится в нашу национальную идею, с которой начнется объединение и укрепление России. Предпосылки к этому уже есть: Чечня – самый частый заголовок в новостях и газетных статьях вот уже в течение как минимум десяти лет. Поэтому все граждане страны в той или иной степени осведомлены о чеченской проблеме и могут сформировать по этому поводу свою точку зрения.

Естественно, что в период ведения активных боевых действий в Чечне в 1990-х гг. основным аргументом оппозиции против существующей власти всегда была война в Чечне, неверная тактика, ошибки и пр. Обращений, воззваний, манифестов и статей с таким текстом великое множество. Они еще меньше отличаются друг от друга, чем обзоры специалистов Министерства Обороны. В качестве примера можно привести один из таких документов – статья Михаила Лукина «О войне в Чечне», напечатанная в газете «Советская Россия» 22 декабря 1994 г.: «Сегодня апофеозом насилия, концентрированным выражением государственной некомпетентности стала Чечня. Для правильного понимания происходящего необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что в кровавом чеченском конфликте нет сторон, которые бы отстаивали правое дело. С обеих сторон война носит несправедливый характер. Здесь столкнулись своекорыстные интересы двух в равной мере незаконных, родственных по происхождению и характеру режимов – московского и грозненского. И тот и другой пришли к власти в результате насильственных государственных переворотов, разогнав и расстреляв парламенты. Оба по уши погрязли в коррупции и других преступлениях против собственных народов. В течение трех лет Ельцин

---

¹⁷⁰ Михайлов С. Правда о войне в Чечне // Электронный ресурс www.bestfor.ru. Дата обращения 27.11.2003. Сохранено в личном архиве.

попустительствовал и фактически покровительствовал сепаратисту Дудаеву именно потому, что Чечня служила как бы испытательным полигоном, где репетировались антиконституционные действия в общероссийском масштабе. На государственную целостность ему было в то время наплевать. И вот теперь он о ней «вспомнил» ... Сегодня единственно реалистичная постановка вопроса о мире в Чечне заключается вовсе не в том, как заставить Ельцина и Дудаева договориться друг с другом, а в том, как с наименьшими издержками, максимально мирным и безболезненным путем отстранить их режимы от власти...»¹⁷¹.

Здесь, как можно заметить, речь идет о первой войне и высказывание адресовано правительству Б.Н. Ельцина. Еще более радикально высказывается В.И. Новодворская в своем заявлении «Война в Чечне – личное дело Владимира Путина?», относящемся уже ко второй войне: «Российские власти сегодня любят ссылаться на свой высокий рейтинг, на мандат доверия от россиян и на всенародную поддержку «контртеррористической» операции в Чечне. Но последние опросы ВЦИОМ свидетельствуют о том, что как минимум две трети россиян выступают за начало мирных переговоров в Чечне и за политическое решение этого вопроса. Получается, что война в Чечне имеет такую же поддержку, как война в Афганистане 1979 – 1989 гг.

Все остальное надо отнести на счет бессовестной кремлевской пропаганды. Все это наводит на мысль о том, что сверхвысокий якобы рейтинг президента изготовлен в той же лавочке, что и всенародное одобрение чеченской авантюры. Советская и постсоветская пропаганда умеет лгать. Врать можно очень долго, но, в конце концов, за этим последует та неминуемая расплата, которая постигла сербского президента Милошевича, считавшего, что весь народ поддерживает и одобряет его авантюры со Словенией, с Хорватией, с Боснией и Косово. Несогласным с безумной

---

¹⁷¹ Лукин М. О войне в Чечне // Советская Россия, 22 декабря 1994 г. Сохранено в личном архиве.

политикой власти россиянам следует выражать свое несогласие более публично, с помощью компаний гражданского неповиновения. Тогда их мнением нельзя будет манипулировать. А президенту Российской Федерации следует учесть, что при таких данных ВЦИОМ он продолжает войну не только против чеченского, но и против собственного народа»¹⁷².

Две точки зрения – официальная и оппозиционная – как бы зеркально отображают друг друга: если для Генштаба война в Чечне – апофеоз компетентности и знания военной науки, то для оппозиции Чечня, как пишет Лукин, - апофеоз насилия и неправоты. Эти две точки зрения, фактически, отвечают на один вопрос – кто прав в этом вооруженном конфликте? Для официальных источников права российская сторона (для чеченских, вероятно, чеченская), для оппозиционных правительству партий российская сторона не права или же не прав никто.

Более интересен другой комплекс публицистических материалов по Чечне – журналисты, историки, политологи пытаются проанализировать войну объективно, найти ее глубинные причины и предугадать возможные последствия, причем отчетливое формирование этой тенденции наблюдается уже после 2000 года.

Чечня – одно из мест на территории Российской Федерации, где есть богатые месторождения нефти. Военные действия позволяют на фоне общей неразберихи и вооруженных столкновений пользоваться чеченской нефтью безвозмездно. Давая красочный обзор фактов (чеченцы, перекачивающие нефть из обычного колодца, колонны нефтевозов, перепиленные трубы), анонимный автор статьи «Кому выгодно продолжение войны в Чечне?» делает следующий вывод: «В Дагестане частными установками из чеченской нефти производится до 70% потребляемого республикой светлого топлива. В Ингушетии, где через фирмы, зарегистрированные в местном оффшоре, уходит «налево» до 1 млн. тонн чеченской нефти. в Дагестане, например,

---

¹⁷² Новодворская В.И. Война в Чечне – личное дело Владимира Путина?, заявление от 13 июня 2002 г. // Электронный ресурс <https://www.ds.ru/arch/a2002/061302n.htm>

частными установками из чеченской нефти производится до 70% потребляемого республикой светлого топлива. Не лучше дела и в Ингушетии, где через фирмы, зарегистрированные в местном оффшоре, уходит «налево» до миллиона тонн чеченской нефти. Это – многомиллионная экономика, замешанная на невероятном хитросплетении коррупции, предательства и крови... Анализируя приведенные журналистом «МК» данные, можно отметить очевидную связь интересов криминальных структур, контролирующей подпольный нефтяной бизнес в республике, с интересами федеральных сил. Взаимодействие в этой сфере хорошо налажено, прибыльно и почти безопасно, поскольку осуществляется под «крышей» тех, на кого обеспечение безопасности в регионе возложено. Разве кто-нибудь когда-нибудь отказывался от того, что выгодно?»¹⁷³. В доказательство этой гипотезы он приводит следующие факты:

- за сутки из Чечни вывозится нефтепродуктов на сумму \$800 тысяч;
- за три года активной кампании по уничтожению подпольных нефтеперерабатывающих заводов их число выросло с пятнадцати до сорока тысяч.

Еще с советских времен в прессе осталась традиция: обвинять во всем Соединенные Штаты Америки. Естественно, что некоторое количество статей о чеченской войне построено именно в этом ключе: война – результат хитроумной политики США. Николай фон Крейтор в статье «Война в Чечне: маленький эпизод большого сценария» утверждает: «Для каждого непредубежденного наблюдателя ясно, что нити событий в Чечне тянутся к Вашингтону. Первая часть большого сценария Вашингтона было расчленение Советского Союза, сокрушение своего единственного геополитического соперника. А первые эпизоды этого сценария не

---

¹⁷³ Кому выгодно продолжение войны в Чечне?, 13 ноября 2002 г. // <http://www.iamik.ru/shownews.php?id=4272>. Дата обращения 27.11.2003, сохранено в личном архиве. Частично воспроизводится на ресурсе <https://flb.ru/infoprint/14502.html>.

катастрофа Перестройки и сон разума в идеологическом дурмане этих лет, и не секретные директивы президента Рейгана в 80-тые годы, санкционирующие широкомасштабную подпольную войну против Советского Союза, а война в Афганистане, которую США развязали руками своих наемников, бандами террористов, вооруженными, финансируемыми и оснащаемыми Америкой. Именно в эти годы государственный терроризм США не только вплотную подошел к границам Советского Союза, но распространился и на территорию Советского Союза»¹⁷⁴.

Сценарий США, в котором Чечня играет лишь незначительную роль, по мнению фон Крейтора, таков:

Схема 1. Семиотизация конфликта в Чечне в 2000-е годы

Это так называемый «югославский сценарий». В планах США, как доказывает Николай фон Крейтор, установление полного господства не только на всем Кавказе, но и в Сибири, тем самым – ослабление России и, как следствие, полное ее подавление. Подтверждение этой безумной гипотезе

¹⁷⁴ фон Крейтор Н. Война в Чечне: маленький эпизод большого сценария, 23 сентября 1999 г. // сайт Геополитика войны в Чечне. Сохранено в личном архиве.

находится в истории – в поведении США в начале XX века, во время установления Советской России.

Зачем же США нужно все это? Ответ очевиден. Главной причиной снова оказывается нефть. «События в Чечне надо также рассматривать в свете контракта с консорциумом западных фирм на разработку нефтяных запасов Каспийского шельфа и прокладку нефтепровода через Азербайджан и Армению к средиземноморским терминалам Турции, целью которого отторжение этого региона от сферы влияния России и его силового включения в сферу влияния США, иными словами закрепление контроля США над нефтью в этом регионе»¹⁷⁵.

США упоминается и в менее агрессивных статьях как один из участников чеченского конфликта, имеющий на Кавказе свои интересы. Процеируя отношения между Чечней и Россией на конфликт между США и Ираком, президент США видит в России союзника в деле борьбы с мировым терроризмом: «Два лидера обсуждали и проблему Чечни. Путин считает, что это часть его собственной борьбы с террором. Отрицательное отношение Вашингтона к войне в Чечне смягчилось после того, как Путин поддержал антитеррористическую кампанию Соединённых Штатов. Однако заместитель государственного секретаря Стивен Пайфер сказал, что Чечня входит в число самых серьёзных проблем на переговорах в Кемп-Дэвиде. Со своей стороны, Путин обвиняет Соединённые Штаты в тайных переговорах с повстанцами через Зелимхана Яндарбиева, бывшего президента Чечни, ныне живущего в Катаре»¹⁷⁶.

Многие историки и политики, не занимаясь поиском причин войны (все равно, все эти поиски рано или поздно приводят к месторождениям нефти в Чечне), строят свои исследования в другом ключе: граждане России

---

¹⁷⁵ фон Крейтор Н. Война в Чечне: маленький эпизод большого сценария, 23 сентября 1999 г. // сайт Геополитика войны в Чечне. Дата обращения 27.11.2003. Сохранено в личном архиве.

¹⁷⁶ Дулерайн Ю. Немецкая война (Нью-Йорк). Одна из главных проблем в американо-российских отношениях – война в Чечне. // Электронный ресурс <https://www.dw.com/ru/> Дата обращения 27.11.2003. Сохранено в личном архиве.

не знают истины о войне, им надо, прежде всего, объяснить, что происходит в Чечне на самом деле. Так, например, эксперт по проблемам Кавказа и Центральной Азии Зураб Тодуа в своей статье в газете «Аргументы и факты» от 13 ноября 2002 г. выделяет пять заблуждений рядовых граждан, связанных с войной в Чечне:

1) война началась не в 1994, как думают многие, а в 1991 г. «Именно тогда группировка Дудаева, опираясь на самодеятельные вооруженные отряды и финансовую помощь ряда чеченских бизнесменов, насильственным путем захватила власть в Чечне, что и положило начало военным действиям. В течение трех лет Москва пыталась договориться с Дудаевым по-хорошему. Но в ответ получила волну насилия по отношению к мирному населению республики и российским военным»¹⁷⁷.

2) переговоры с Дудаевым, даже если бы они и были, не могли бы ничего изменить. «Такая встреча, даже если бы она и состоялась, ни к чему не привела бы. Дудаев и его окружение с первых дней своего пребывания у власти были настроены на полную независимость Чечни и другие варианты всерьез не рассматривали»¹⁷⁸.

3) если Чечне дать независимость, война прекратится – на самом деле в республике начнется еще больший беспредел.

4) переговоры могут улучшить ситуацию. «Вспомним: «переговоры — оружие слабых». Стремление к переговорам исходит от лидеров боевиков. Значит, им действительно худо. Согласно канонам военной науки, нельзя делать то, что выгодно противнику. В нашем случае – нельзя идти на переговоры тогда, когда это выгодно бандитам. Не говоря уж о том, что сейчас переговоры вести действительно не с кем»¹⁷⁹.

5) «И, наконец, ГЛАВНОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ – будто решение проблемы можно найти быстро и безболезненно. Усмирение мятежного края

---

¹⁷⁷ Тодуа З. Чечня: свет в конце тоннеля // Аргументы и факты, 13 ноября 2002 г. // Электронный ресурс <https://archive.aif.ru/archive/1622360>.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

произойдет не скоро. В лучшем случае – лет через 10-15. И только при условии создания республиканской администрации, опирающейся на военную силу, уничтожения бандформирований и их лидеров, ликвидации каналов финансовой и прочей поддержки бандитов и одновременно с этим – проведения продуманных мер по восстановлению мирной жизни»¹⁸⁰.

Наблюдается, таким образом, интереснейшая тенденция: журналисты, занимающиеся поиском правых и неправых, рассуждают о прошлом – верно или неверно **поступил** тот или иной политик, военный, дипломат. Но никто из них не говорит о том, как **нужно поступить в будущем**. В лучшем случае – это тактические предложения по ведению войны, но не размышления о том, как ее прекратить. Или же одобрение правительства с предложением продолжать делать так, как делается сейчас. Те, кто позиционирует себя в оппозиции к правящему режиму, тоже не предлагают ничего для будущего, а рассуждают о прошлом – что в нем было верно или неверно.

Какие-либо предложения по выходу из кризиса и установлению мира упираются в одну и ту же идею: необходимо учитывать национальную, этническую специфику Чечни, считаться с нравами и обычаями ее народа, - и только тогда возможно какое-либо улучшение обстановки в этом регионе.

Освещение войны в Чечне шло параллельно освещению других военных конфликтов, в том числе с участием США. Особенно внимание уделялось Боснийской войне, длинного, сложного и уродливого конфликта, последовавшего за падением коммунизма в Восточной Европе. Они также нашли отражение на страницах как отечественной, так и зарубежной прессы. Соучастие телевидения, радио и прессы Соединенных Штатов в кажущейся неминуемой войне с Югославией достигало невиданного прежде масштаба. Средства массовой информации в Косовском конфликте вели настоящее сражение за общественное мнение. Машина идеологической войны была запущена еще до начала военно-миротворческой операции НАТО.

---

¹⁸⁰ Там же.

Ложная информация, по своей сути и является предпосылкой войны. А что касается военного конфликта в Югославии, он был бы невозможен без специально продуманной и с помощью СМИ США широко растиражированной ложной информации. В период югославского кризиса многие западные журналисты находились на Балканах. Их прямые репортажи из Югославии, а также беседы журналистов с экспертами в студиях ведущих телевизионных каналов заполняли большую часть эфиров.

Таким образом, освещение войны в Чечне оказывается переломом в семиотизации военного конфликта, а с ним и действий власти. После смены власти в 2000 году меняется вектор освещения боевых действий.

Выводы по главе II

На протяжении XX столетия Россия пережила государственный переворот и три масштабных военных конфликта – Первую мировую войну, Гражданскую войну и Великую Отечественную войну. Каждый из этих конфликтов привносил новации в организацию освещения боевых действий – так, в ходе Первой мировой войны первоначально российские войска добивались значительных успехов в военном отношении, но проигрывали войну информационную – прежде всего, из-за запутанной системы организации военной журналистики. Отсутствие централизованной семиотизации боевых действий и разъяснения их значимости сыграло свою роль в настроениях населения и восприятии военного конфликта.

Гражданская война отличалась от Первой мировой войны избытком журналистов и органов печати непосредственно на поле боя и в тылу. Новая власть учла недостатки системы освещения мировой войны и по мере возможностей организовывала сеть корреспондентов, боевые листки, фронтовые газеты и сводки боевых действий. Каждый шаг войск подлежал освещению и семиотизировался: победа приобретала значение в контексте завоевания новой власти, нового государства и новой идеологии.

Белогвардейская пресса также старалась подробно освещать боевые действия, однако в данном случае информационная война была выиграна Красной Армией и проиграна Белой. Многие военные газеты и журналы, возникшие в войсках Белой армии, стали впоследствии средствами массовой информации эмиграции в Европе, Северной и Южной Америке.

Великая Отечественная война была ознаменована колоссальным развитием военной журналистики: работало беспрецедентное количество средств массовой информации и военных корреспондентов, у которых появились средства визуального запечатления боевых действий. Именно в ходе Великой Отечественной войны был использован колоссальный потенциал фотожурналистики и кинохроники. Кадры, снятые военными фотографами и операторами, до сих пор активно используются современными журналистами. Также в период боевых действий было организовано централизованное освещение событий с помощью радио и газет: сводки советского Информбюро были самым оперативным способом сообщения о событиях на фронте. Государство впервые обозначило важность не просто информирования о боевых действиях, но информирования ежедневного: каждый гражданин страны имел право и должен был знать о ходе войны.

Вторая половина XX столетия в российской журналистике во многом прошла под знаком наследия Великой Отечественной войны: сформированные структуры продолжали функционировать, развернутая сеть вещания сохранялась и совершенствовалась. В то же время восприятие непосредственных событий войны менялось под влиянием художественной литературы, кинофильмов, воспоминаний участников боевых действий – Великая Отечественная война стала не только самым широко освещаемым военным конфликтом в журналистике, но и распространенной темой художественных произведений.

Конец XX столетия был ознаменован ведением локальных боевых действий – сначала за пределами Советского Союза, затем на территории

бывших республик СССР и субъектов Российской Федерации. Боевые действия последних десятилетий XX века освещались в плюралистическом ключе: различные телеканалы, печатная пресса и радио представляли разные позиции в освещении конфликта. Отсутствовал яркий и однозначный образ лидера страны, что оказало влияние на систему военной журналистики.

Следует отметить, что в освещении прессой большинства военных конфликтов важную роль играет также образ врага. В некоторых военных конфликтах в истории России он не был отчетливо сформирован, что оказывало влияние, в первую очередь, на непосредственных участников боевых действий.

В целом, военные конфликты, в которых принимала участие Российская Империя, СССР и новейшая Россия, всегда сопровождалась информационной войной. Выигранная силами средств массовой информации информационная война приравнивается к победе в самом военном конфликте – можно условно сказать, что сначала войну выигрывают журналисты, а потом солдаты.

ГЛАВА III. РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НА НОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЭТАПЕ

3.1. Военная журналистика начала XXI века: семиотические стратегии и политические тактики

Несмотря на активное участие российских войск в боевых действиях на территории Российской Федерации и за ее пределами, в основном первые десятилетия XXI века прошли под знаком «журналистики мира». В государстве постепенно восстанавливалась сеть военных газет и журналов, разрушенная в 1990-е годы, военная пресса начала занимать позиции в медиaprостранстве и использовать широкие возможности конвергентной журналистики. В имплицатуре большинства текстов, интервью и репортажей – наследие «холодной войны», противостояние сверхдержавам и достижения в области технологий вооружения.

Рассмотрим в качестве примера образец интервью военачальника – формирование семиотики восприятия новейших тенденций вооружения. Анализ интервью в дискурсивном аспекте предполагает включение знаний о двух собеседниках: кто они, чем занимаются, о том случае, в связи с которым берется интервью и пр¹⁸¹. Так, например, интервью, которое берут у прохожих на улице в связи с праздником, предполагает, что зрители или читатели осведомлены, что это за праздник, почему люди такие радостные, какое событие отмечают и пр.

Интервью может использоваться во всех видах репортажа: в событийном как часть освещения события, описание ситуации глазами очевидцев, в аналитическом – как комментарий эксперта, в познавательно-

---

¹⁸¹ Материал вошел в статью Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Интервью в дискурсивном аспекте в современной военной журналистике // Mass-media. Действительность. Литература. Сборник статей. Под редакцией Е.Н. Брызгаловой, А.М. Бойникова; Тверской государственный университет, Кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью. Тверь, 2019. С. 161-166.

тематическом это может быть интервью с человеком редкой специальности или занимающимся необычным делом, которое призвано показать зрителям и слушателям какую-либо незнакомую им сферу жизни. Даже в жанре реального времени есть формат блиц-интервью, которое, например, берется у победителя сразу после финиша.

В каждом случае зрителю (читателю, слушателю) необходим контекст восприятия данного интервью, без которого он не сможет понять реплики, различные шутки, отсылку к прецедентным феноменам и пр.

Интервью-текст – это уже обработанный и подвергнутый редактуре фрагмент печатного издания, радио- или телепередачи. Интервью-дискурс – это живая, реальная ситуация, в которой общаются два собеседника, и коммуникативная интенция одного из них – узнать информацию по определенному вопросу у другого. В практике журналистов отредактированное интервью может очень отличаться от оригинала: пропускаются целые абзацы, переставляются реплики и пр. Во избежание скандалов интервью перед выходом в СМИ дается на просмотр тому, у кого оно было взято.

В интервью часто обсуждаются различные социально-культурные концепты. Концептом называется некое устойчивое, однако достаточно неопределенное представление, характерное для данной культуры. Например, для многих культур важны концепты «семья», «брак», в последнее время стал формироваться концепт «карьера», «успех» и пр. Набор концептов отличается не только от одной культуры к другой, но и от одной языковой личности к другой.

Интервью – один из самых популярных и в то же время сложных речевых жанров. Интервью предполагает живой диалог, который впоследствии подвергается литературной обработке.

В журналистике выделяется несколько типов интервью в соответствии с различными критериями. Так, выделяются типы интервью *по степени стандартизации*:

Строго стандартизованное интервью

Заранее составляются вопросы, которых журналист строго придерживается, не отступая ни от их формулировки, ни от порядка постановки. В таком случае вопросы могут направляться к собеседнику заранее, чтобы он смог подготовиться к встрече.

Полустандартизованное интервью

Также заранее составляется список вопросов. Однако в ходе интервью журналист может перефразировать вопросы, менять их местами, задавать дополнительные вопросы, приспосабливаться к индивидуальности опрашиваемого, то есть углубляться в область особых его интересов.

Не стандартизованное или свободное интервью

Не предусматривает ни заранее составленного жесткого списка вопросов, ни строгого порядка следования тем. Журналист просто намечает, какие сведения ему нужны, пытается осуществить план. Этот вид интервью предоставляет инициативу журналисту, дает максимальные возможности для получения незапланированной информации, разбора неожиданно открывшихся тем и проблем»¹⁸².

Типы интервью могут варьироваться в зависимости от личности интервьюируемого и причины того факта, что у него берут интервью. Это может быть обыкновенный человек, оказавшийся свидетелем или участником каких-либо удивительных событий, может быть знаменитость, сама по себе интересная слушателям как медиаперсона, может быть специалист, у которого берут интервью с целью сформировать взгляды слушателей на какое-либо происшествие или событие.

Интервью в дискурсивном аспекте следует рассматривать прежде всего как диалог. Интервью задумывается и реализуется не как типичный диалог, а как спонтанный диалог, посвященный определенному информационному поводу. Интервью представляет собой диалог, в котором одна сторона

---

¹⁸² Головина Е.А. Практика интервью в работе журналиста. – М.: факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 1974. – С. 11.

(журналист) частично подготовлена (журналист заранее разрабатывает вопросы, хотя в ряде случаев формат интервью подразумевает возможное отклонение от темы), другая сторона (интервьюируемый) реагирует спонтанно.

Интервью также может быть проанализировано в дискурсивных категориях как диалогический дискурс. В отличие от стандартизированного социального диалога, интервью подразумевает элемент спонтанности. В то же время, как было указано выше, два собеседника находятся в неравных условиях: один из них больше подготовлен к диалогу, чем другой. Все эти факторы делают анализ интервью интересным с точки зрения дискурса.

Военная журналистика привносит особую специфику в дискурс интервью, так как текст не может быть на 100% спонтанным: интервьюируемый ограничен рядом коммуникативных установок, специфичных для военной журналистики¹⁸³. Так, он не может разглашать секретную информацию, не может формировать отрицательный образ представляемого им государства, и в целом гораздо более сдержан, чем, скажем, интервьюируемая поп-звезда. Помимо этого, интервью военных, особенно высокого ранга, согласуются в ряде инстанций, и проводимая редакция, возможно, уничтожает любые признаки спонтанности дискурса.

Рассмотрим в качестве примера интервью полковника Сергея Кожевникова, рассказывающего о военной авиации. В тексте интервью полностью отсутствуют краткие реплики, более того, подавляющее большинство произведенных как журналистом, так и его героем, предложений являются сложными, например:

«Какие новые образцы авиатехники готовитесь получать в ближайшее время? И если таковые уже имеются, насколько успешно они освоены?

- До конца нынешнего года мы планируем получить четыре вертолётa МИ-28УБ в части армейской авиации на Ставрополье и Кубани. Это

---

¹⁸³ Егоршина Н.В. Дискурс эпидейктического выступления в военной журналистике // Казанская наука, № 9, 2019. – С. 112.

специальный вертолёт с двойным комплектом управления, который может применяться для обучения пилотированию на МИ-28Н, сохраняя при этом всю функциональность ударного вертолёта. Что касается подготовленности лётного и инженерно-технического состава, в армейской авиации 4-й армии ВВС и ПВО ЮВО нет таких машин, в том числе и самых новейших, которые бы не были успешно освоены нашими военнослужащими. У нас в этом отношении подход предельно простой: не можешь – научим»¹⁸⁴.

В этом отрывке из 6 предложений 4 сложных, оставшиеся два, хотя формально и являются простыми и обладают одной грамматической основой, тем не менее, являются распространенными и осложненными, что полностью отражает специфику дискурса интервью в военной журналистике: на смену спонтанности, характерной для обычного текста интервью, приходит взвешенность и продуманность текста, в итоге формирующая стилистику, близкую к научной¹⁸⁵.

В другом интервью, героем которого является не военный, а политолог, эта тенденция выражена в меньшей степени: и журналист, и его собеседник оперируют краткими фразами, используют эллипсисы:

«- Да это же марксизм какой-то...

- Да. Но марксизм, доведённый до своего предела в экономическом контексте западничества, это доведённая до предела и осознавшая свою недостаточность рыночность. А дальше уже пошла политика...»¹⁸⁶.

Или:

---

¹⁸⁴ Сырык В.В. Полковник Сергей Кожевников: «Верьте, наши вертолётчики - лучшие в мире» // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20191025138-40vvh.html> Дата обращения 31.10.2019

¹⁸⁵ Шуйская Ю.В. Структура эффективного выступления: теория и практика // Социально-гуманитарная серия научно-методического журнала «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс». - № 6, 2015. – Т. 3. – С. 277.

¹⁸⁶ Одноколенко О.Г. Дмитрий Евстафьев: «Стремление догнать и перегнать Америку по объёмам потребления не может быть русской идеей» // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/201910221223-ANJN9.html> Дата обращения 31.10.2019

«- Новые луддиты, что ли? Очень любопытная параллель - Англия первой половины XIX века и США первой половины XXI века. Там у них в Америке ничего не перепутали?

- А вот это и есть капитализм, дошедший до своего предела. Поэтому так актуален вопрос: кто же будет делать Америку снова великой?

- Например, вооружённые силы США. Не секрет, что в формуле американского величия, по Трампу, присутствует и фактор силы. Причём не на последнем месте.

- Исследования по итогам военной кампании в Ираке показали, что качество сержантского состава в армии США тоже постоянно снижается»¹⁸⁷.

Сравнение интервью с собеседниками-военными и с собеседниками-гражданскими позволило увидеть, что дискурс военного практически не является спонтанным и даже не стремится к имитации спонтанности. Отметим, что в проанализированных материалах тексты интервью, в которых интервьюируемый является военным, отличает также практически полное отсутствие средств выразительности, существительные снабжаются логическими определениями («Мобильность созданных на полигонах группировок войск дружественных государств продемонстрировала способность объединёнными усилиями не только противостоять международному терроризму, но и обеспечить безопасность на Центрально-Азиатском стратегическом направлении»¹⁸⁸). Все перечисленные признаки роднят дискурс интервью военного с научным стилем, во многом противореча базовым установкам публицистического стиля.

Тенденция к использованию креолизации текста и расширению имплицатуры дискурса прослеживается не только в непосредственном

---

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Сирьк В.В. Генерал-полковник Александр Лапин: «Мы готовы оперативно и в кратчайшие сроки развернуть группировки войск на любом угрожаемом нам направлении» // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20191016167-adAkO.html> Дата обращения 31.10.2019

общении в социальных сетях¹⁸⁹, но и в военной журналистике¹⁹⁰. Появление текстов-креолов – тенденция новейших конвергентных СМИ и интернет-мемов, и военная журналистика использует эти тенденции. Так, март 2021 года ознаменовался обменом репликами между двумя президентами – США и России. 17 марта 2021 года Джо Байден, президент Соединенных Штатов Америки, на вопрос журналиста «Считаете ли Вы Путина убийцей?» (в оригинале было использовано слово “killer”) ответил утвердительно. 18 марта 2021 года Владимир Путин в ответ на просьбу прокомментировать это суждение, сказал «"Что касается заявлений моего американского коллеги. Что бы я ему ответил? Я бы сказал ему: «Будьте здоровы!» Я желаю ему здоровья», - сказал российский лидер, заметив, что говорит так «без иронии, без шуток».

Президент прокомментировал заявления Байдена детской поговоркой про обзывания. По мнению российского лидера, оценивая и критикуя других, люди всегда словно смотрятся в зеркало и видят в отражении самих себя»¹⁹¹. В данном заочном диалоге интересны два момента: во-первых, оба президента не проявляют инициативу в высказываниях по поводу своего коллеги, а отвечают на вопрос. Во-вторых, в обоих случаях задействован скрытый потенциал использованных слов: используя слово “killer”, журналист имеет в виду, возможно, не только первое значение слова – «убийца», но и второе. Согласно словарю Вебстера, killer – «one that has a

---

¹⁸⁹ Дементьева К.В. Креолизованный медиатекст в новостных пабликах социальной сети Вконтакте // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность. Материалы V Международной научной конференции. Под редакцией А.А. Морозовой. 2020. С. 359-361.

¹⁹⁰ Материал включен в статью Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. ИмPLICITное соперничество двух держав: способы отражения в креолизованных текстах военной журналистики // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы X Международной научно-практической конференции. отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. Москва – Пенза, 2021. С. 214-218.

¹⁹¹ «Кто как обзывается – тот так и называется». Путин прокомментировал слова Байдена // Электронный ресурс: <https://tass.ru/politika/10936065> Дата обращения 10.09.2019

forceful, violent, or striking impact; one that is extremely difficult to deal with»¹⁹² – то есть это слово в переносном смысле имеет положительные коннотации: это сильный, влиятельный человек. Либо как вариант – трудный в общении. В ответе Путина скрытый смысл заключен не только в использовании детской поговорки, но и в пожелании здоровья Байдену: имплицитно подразумевается пожелание здоровья не только физического, но и ментального.

«Война слов» широко освещалась в СМИ и стала имплицитной базой для дальнейшего освещения, в том числе в военных средствах массовой информации, политических вопросов с учетом апперцепционной базы читателей: обмен колкостями между президентами стал частью общего фонда сведений о мире, имеющих у зрителей и читателей. Соответственно, появилась, например, публикация, в которой ни слова не сказано о пикировке президентов, однако ее наличие подразумевается. Это статья ««Байден даже не смог бы забраться в машину»: китайцы восхитились ловкостью Путина при управлении вездеходом в тайге»¹⁹³, размещенная на сайте телеканала «Звезда». Текст статьи представляет собой креолизованное единство: непосредственно под заголовком размещена фотография В.В. Путина рядом с большим вездеходом, далее помещена экспликация непосредственно новостного повода: комментарии китайских пользователей, в которых упоминается Байден: «Байден, наверное, даже не смог бы забраться в эту машину», «Настроение у Джо-Джо моментально упало», «Еще один пользователь призвал Байдена позаниматься спортом вместе с российским президентом. Кроме того, китайцы писали, что американский лидер вспотел от волнения из-за этих кадров»¹⁹⁴.

---

¹⁹² Merriam-Webster Dictionary // Электронный ресурс: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> Дата обращения 10.09.2019

¹⁹³ Линдемманн И. «Байден даже не смог бы забраться в машину»: китайцы восхитились ловкостью Путина при управлении вездеходом в тайге // Электронный ресурс: <https://tvzvezda.ru/news/20213241615-Qz0R0.html> Дата обращения 10.09.2019

¹⁹⁴ Там же.

Интересной в данном случае является многослойная организация имплицатуры дискурса: текст материала и фото предназначены для пользователей, хорошо знакомых с контекстом. Фактически, информационным поводом к публикации стали комментарии китайских пользователей к фото, причем в комментариях обсуждалась не сама фотография и не запечатленный на ней президент России, а антитеза Путина – Байдену. Статья была опубликована 24 марта, спустя неделю после высказывания Байдена. Сам обмен репликами между президентами и последующее развитие ситуации не упоминается – подразумевается, что все читающие и так об этом знают.

Таким образом, этот показательный пример демонстрирует, что в современной журналистике формируется текст нового типа: «текст-айсберг», который эксплицитно повествует о небольшом информационном поводе, а фактически актуализирует контекст серьезного информационного повода, о котором читатель теоретически знает. Это своеобразное возвращение к традициям «текстов с подтекстом» советской традиции журналистики и публицистики, когда автор подразумевал многие понятные читателям вещи и говорил с ними на одном языке.

В современной практике восприятия текстов публицистики тексты с большой «подводной» частью не представляются очень удачным решением в свете современного восприятия СМИ: пользователь часто читает материал в общественном транспорте или параллельно с другими делами и занятиями, и не всегда готов к восприятию глубокого подтекста. Более того, в силу нишевости современных СМИ пользователь может не знать о подтексте и считать его ошибочно или не считать вовсе.

Креолизированность текста также играет свою роль в его восприятии. Рассмотренный пример представляет собой, фактически, текст-отражение (точнее, совокупность отражений), построенный по следующему принципу:

Действие 1. Американский журналист употребляет слово “killer” по отношению к В.В. Путину.

Действие 2. Джозеф Байден отвечает на это высказывание, подтверждая применимость данного слова к В.В. Путину.

Действие 3. Российский журналист реагирует на высказывание Байдена, задавая Путину вопрос.

Действие 4. Путин отвечает на этот вопрос, возвращая Байдену его номинацию («кто как обзывается, тот сам так называется»).

Действие 5. Вне связи с предыдущим контекстом Путин едет на отдых, активный поход по тайге.

Действие 6. Журналисты фотографируют Путина в тайге и выкладывают фото в интернет.

Действие 7. Пользователи из Китая активно комментируют фото Путина, имплицитно обращаясь к действиям 1 – 4 (фото на фоне вездехода воспринимается как вызов Байдену).

Действие 8. Журналист военного телеканала освещает цепочку реплик китайцев в качестве информационного повода, сопроводив текст фотографией из действия 6.

Таким образом, текст представляет собой ряд фреймов: «Мы пишем о том, что думают китайцы, о том, что думал Путин, о том, что сказал Байден». В тексте возникает тема противостояния уже не двух держав – России и США – а трех: России, США и Китая, а креолизованный формат: фото и яркие врезки комментариев в тексте – усиливает этот эффект.

Данный текст служит примером тенденции к расширению имплицатуры дискурса военной журналистики, опоры на общую апперцепционную базу и своеобразным возвращением к традициям иносказательной журналистики, работавшей в условиях цензуры.

В то же время военные средства массовой информации активно используют классические риторические схемы. Так, Ю.В. Рождественский постулирует, что универсальной схемой построения любого текста является

триада «этнос – логос – пафос»¹⁹⁵. В начале выступления (в особенности, если аудитория видит данного оратора впервые) концентрируется *этнос* – аудитория должна составить представление об этом ораторе и принять решение, хочет она или не хочет с ним общаться. Далее, в центральной части речи воплощает себя *логос* – умение обосновать и доказать свою точку зрения. В конце речи сконцентрирован *пафос* – эмоциональный призыв к действию¹⁹⁶.

Этнос предполагает, что в начале текста закладываются основы доверия тому, от кого исходит информация. Если аудитория не доверяет спикеру, не видит в нем проверенного источника, то и дальнейшая подача информации не имеет никакого смысла: она не будет восприниматься как достоверная.

Логос («слово») составляет основное содержание текста, которое может иметь произвольный размер: от краткого изложения аргументации до развернутых постулатов. В любом случае, текст строится так, что на основании этноса аудитория принимает логос, чтобы следовать условиям пафоса.

В работе А.А. Волкова выделяется три типа пафоса: «*Литературный пафос* – смысловая перспектива высказывания, в которой имеются три опорные позиции: образ автора, предмет речи и общее место. Существует три вида литературного пафоса: сентиментальный, романтический и реалистический»¹⁹⁷.

Сентиментальный пафос – строится на рефлексии личного переживания предмета речи, которая обнаруживает несовместимость различных сторон или свойств личности в их отношении к предмету, в результате чего возникает эмоционально-оценочное раздвоение личности.

---

¹⁹⁵ Материал включен в статью Цицинов А.Ю. Использование универсальной композиционной схемы «этнос – логос – пафос» в текстах военной журналистики (на примере сетевого издания «Армейский стандарт») // Казанская наука. 2019. № 2. С. 59 – 61.

¹⁹⁶ Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 2017. – 511 с.

¹⁹⁷ Волков А.А. Теория риторической аргументации. – М.: издательство Московского государственного университета, 2009. – С. 18.

Это раздвоение должно приводить либо к отрицанию сторон личности, несовместимых с предметом, либо к отрицанию предмета как несовместимого с личностью, либо к частичному отрицанию и личности, и предмета. Часто такой пафос возникает от плохого понимания предмета.

Романтический пафос – такое отношение личности к предмету, при котором личность и предмет предстают как отдельные и уникальные, но взаимосвязанные таким образом, что предмет содержит вызов личности в виде угрозы, интереса, задачи, ценности. Он наиболее распространен, так как связан с повышающей аргументацией, то есть с развитием представлений аудитории в направлении более высоких идеалов, а следовательно, позволяет риторю вести за собой аудиторию, предлагая новые для нее идеи и хорошо разработанные обоснования.

Реалистический пафос – основан на отождествлении образа автора с нравственным, эстетическим или иным идеалом, который вступает в конфликт с предметом речи. Модальность высказывания поэтому строится так, чтобы уравнивать образ автора с аудиторией и навязать ей позицию идеала-автора. Отчего представление предмета строится так, чтобы оно объединяло наиболее тривиальные формы опыта автора и аудитории. Реалистический пафос направлен либо на приведение предмета речи в состояние, совместимое с образом автора, либо на изменение аудитории в том же направлении.

Тексты сетевого издания «Армейский стандарт» представляют собой разножанровые произведения, обращенные к целевой аудитории военнослужащих. Достаточно большая часть текстов по определению не может содержать в себе пафоса в виде конкретного призыва к действию: это статьи об истории оружия, новых технологиях вооружения, различных достижениях военнослужащих. Пафос в текстах такого типа может сводиться только к имплицитному призыву гордиться своей страной и своими коллегами.

Интересный пример взаимодействия с целевой аудиторией представляют собой рубрики «Вынос мозга» и «Дела семейные», в которых концентрируются тексты о психологической помощи военнослужащим, о проблемах, возникающих во время службы. Эти тексты имеют конкретный прагматический пафос, близкий реалистическому: обращаясь к опыту жизни солдата или офицера, психолог дает определенные рекомендации. Чтобы призыв к действию оказался эффективным, текст выстраивается с соблюдением всех указанных выше композиционных закономерностей: сначала формируется базовое доверие к спикеру (психологу), затем представлено его интервью (логос), а в конце даются простые и реализуемые рекомендации для военнослужащих (пафос).

Характерным приемом формирования этоса в таких текстах является связь говорящего с актуальными проблемами армии:

Что же делать, чтобы не допустить ЧП, подобных тому, что произошло не так давно в Забайкалье, где в одной из воинских частей рядовой поднял оружие на сослуживцев? Как повысить собственную психологическую устойчивость, и что делать, если чувствуешь, что «нервы сдают»? Об этом «Армейскому стандарту» рассказал военный психолог Александр Забродин.

Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс

Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять¹⁹⁸

Возможность нести службу за границей многими воспринимается как удача. Ведь это и повышенное денежное довольствие, и возможность мир посмотреть. Не случайно требования к кандидатам на службу за рубежом выше, чем для всех прочих. Это касается и уровня образования, и здоровья, и результатов тестов профессионального психологического отбора. Однако не все задумываются о сложностях, связанных с жизнью вдали от дома. В

---

¹⁹⁸ Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс. Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять // Электронный ресурс: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/201912171332-sgjcc.html> Дата обращения 21.12.2019

первую очередь, разумеется, это касается тех военнослужащих, кто уже обзавелся семьями. «Армейский стандарт» расспросил об этом психолога.

Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука.

*Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки*¹⁹⁹

Далее тексты развиваются в вопросно-ответной форме, завершаясь конкретными реализуемыми рекомендациями, составляющими пафос текста. Последний пункт особенно важен в силу того, что по умолчанию целевой аудиторией текста являются мужчины, так как их среди военнослужащих значительно больше.

А.А. Волков, разбирая различия в восприятии аргументации мужчинами и женщинами, заостряет внимание на следующем факте. Независимо от содержания речи, ее убедительности в аргументативном плане и даже от базового доверия оратору, текст, рассчитанный на мужскую аудиторию, может оказаться неэффективным по причине неграмотного формулирования пафоса. Иными словами, для аудитории мужчин чрезвычайно важно сформулировать пафос в виде понятных, а главное – доступных для реализации идей. При отсутствии такого пафоса все усилия оратора по созданию этоса и логоса уйдут «в никуда»²⁰⁰.

В этом фундаментальное отличие мужской аудитории от женской: женщины практически не нуждаются в четко сформулированном пафосе, так как для них характерна реакция словом, и необходимые действия они предпримут не исходя из представлений автора текста, а исходя из собственной «переработки» данного текста на основании жизненного опыта. К сожалению, классический стереотип о женских поведенческих реакциях «сама придумала, сама обиделась» не безоснователен: у женской аудитории

---

¹⁹⁹ Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука. Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки // Электронный ресурс: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/20199181439-Iygf.html> Дата обращения 21.12.2019

²⁰⁰ Волков А.А. Теория риторической аргументации. – М.: издательство Московского государственного университета, 2009. – С. 45.

действительно превалирует словесная и эмоциональная реакция на информацию.

Мужчина воспринимает текст как руководство к действию: принятая им информация сродни инструкции. Он может выполнять либо не выполнять ее (за ее верификацию как раз отвечают этос и логос), но в отсутствие прямого инструкционного дискурса целевому потребителю информации просто будет нечего выполнять. Поэтому пафос в тексте, рассчитанном на мужскую аудиторию, не должен формулироваться в виде «Делай добро!» - возникает масса технических вопросов (как делать? что считать добром?), а является более эффективным в виде:

Если у вас есть дети, с ними нужно почаще разговаривать об уехавшем папе. А папе - не жалеть денег на телефонные переговоры, писать письма, общаться по скайпу, короче, использовать все возможности поддерживать связь с детьми. Почаще обменивайтесь фотографиями, мыслями, планами на будущее – не только друг с другом, но и с детьми тоже.

Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука.

*Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки*²⁰¹

***Учитесь** контролировать эмоции. Едва почувствовав страх, злость, тревогу, любыми способами постарайтесь от них избавиться. Переключайте внимание, дышите глубже, вспоминайте какие-то приятные или веселые моменты из собственной жизни.*

Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс

*Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять*²⁰²

В текстах «Армейского стандарта», таким образом, можно проследить не только использование универсальной схемы построения убеждающего

---

²⁰¹ Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука. Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки // Электронный ресурс: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/20199181439-Iygf.html> Дата обращения 21.12.2019

²⁰² Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс. Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять // Электронный ресурс: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/201912171332-sgjcc.html> Дата обращения 21.12.2019

текста в тех случаях, когда это уместно, но и грамотно выстроенную ориентацию на целевую аудиторию мужского пола.

С лингвистической точки зрения тексты военной журналистики первых десятилетий XXI века характеризуются тенденцией к неизосемичности, что вполне объяснимо, по крайней мере, в 2010-х годах. Страна не ведет активных боевых действий, нет места превалированию акциональных глаголов, характерному, например, для непосредственного репортажа с поля боя.

Изосемическая синтаксическая конструкция описывает ситуацию в том виде, в котором она происходит в реальности: активный субъект, выполняемое действие, объект (если есть), инструмент (если есть) и пр.²⁰³ «В случае, если, например, действие, процесс выражены не глаголом, а другой частью речи — существительным: ходьба, развитие, строительство; прилагательным или причастием: ходячий, ходящий, развитый, строительный; наречием или деепричастием: стоймя, лежа, строя, - то есть, когда ЧР не соответствует явлению, называемому словом – слово неизосемично»²⁰⁴. Явление неизосемии в синтаксисе, по мнению М.В. Всеволодовой, затрудняет восприятие текста, однако при этом исследователь отмечает распространение неизосемических конструкций, в научном и в публицистическом стиле: «1. ИзК обычно понятна инофону: она имеет тот или иной формальный коррелят в его родном языке. Неизосемическое предложение понять труднее.

2. В русском научном и публицистическом стилях наиболее частотны неизосемические конструкции, что затрудняет восприятие русских текстов.

---

²⁰³ Материал включен в статью Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Синтаксическая изосемия и ее отсутствие в текстах военной журналистики // Казанская наука. 2019. № 2. С. 62 – 64.

²⁰⁴ Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: издательство МГУ, 2000. – С. 36.

3. Трансформация неизосемических предложений в ИзК выявляет, проясняет содержание высказывания на его денотативном уровне, т.е. соотносит с фактом действительности.

4. Среди множества синтаксических реализаций одного денотативного содержания: *Мальчик бегло читает – Чтение у мальчика беглое/отличается беглостью – У мальчика отмечается беглость чтения* исходной считается ИзК как наиболее нейтрально передающая информацию о сообщаемом факте. ИзК позволяет упорядочить все множество возможных речевых реализаций данного содержания и выявить как регулирующие правильность синтаксических построений ЯзМ, так и коммуникативные цели говорящего»²⁰⁵.

Поскольку тексты военной журналистики в своей стилистике имеют следы как публицистической, так и научной речи²⁰⁶, было предпринято небольшое исследование текстов с целью проверить их с точки зрения превалирования изосемии / неизосемии. В качестве материала были выбраны тексты еженедельника «Звезда».

В заголовках отмечается явная тенденция к отсутствию финитных конструкций, то есть к неизосемии. Например, в номере 25 (239) от 19 декабря 2019 года бóльшая часть заголовков не содержит комплекса «подлежащее в именительном падеже + глагол в спрягаемой форме»:

Арктические. Атомные. Твои

Эсминец в бронерубахе

«Дорога памяти» в сердце «Патриота»

Рота чемпионов

Как стать военным спортсменом

Нормандский тупик

За осквернение памятников накажут чиновников

Долг – Родине, квартиры – курсантам!

---

²⁰⁵ Там же. – С. 39.

²⁰⁶ Егоршина Н.В. Дискурсивы в политической деятельности (на материале текстов военной направленности) // Казанская наука, № 11, 2019. – С. 113.

Земля со всего мира

В номере представлены только два заголовка с изосемической конструкцией:

Юнармейский орел покоряет космос

Танкист вытащил мальчика из горящего авто

Уже в лиде к неизосемическим заголовкам, как правило, используются изосемические конструкции, проясняющие, о чем именно идет речь:

Россия обеспечивает национальное присутствие в Арктике с помощью единственного в мире атомного ледокольного флота

Россия заложит новый корабль, обтянутый чудо-тканью

В распоряжении «Звезды» оказались снимки проекта уникального мультимедийного музея, который строится вокруг Главного храма Вооруженных сил в парке «Патриот»

Учащиеся военного вуза впервые получили свое жилье

Сергей Шойгу предложил новую меру ответственности за вандализм

В целом, схема «неизосемический заголовок + изосемический лид» позволяет решить сразу несколько задач: привлечь внимание (с чем справляются броские назывные конструкции, такие, как «эсmineц в бронерубахе», или неопределенно-личные – «чиновников накажут»), затем раскрыть «зацепившую» внимание читателя мысль.

Указанный вариант начала текста коррелирует со схемой AIDA, использующейся в практике PR и рекламы: броское начало (attention), продолжающееся в развитии темы (interest), затем переходит в детальное раскрытие проблемы (details), и в рекламе обычно заканчивается призывом к действию (action)²⁰⁷. Анализируемые тексты отличаются превалированием броского, привлекающего внимание заголовка, отличающегося неизосемией, и снабженного изосемическим лидом. Далее в самом тексте статьи, как правило, снова наблюдается превалирование неизосемических конструкций,

²⁰⁷ Шуйская Ю.В. Композиция и структура речи. – М: издательство РУДН, 2015. – С. 122.

но уже другого типа. Если в заголовках чаще употребляются назывные и неопределенно-личные конструкции, то в текстах, как правило, чаще используется пассивный залог:

В последнее время участились надругательства... такие факты в последнее время встречаются... меры ответственности касаются участников противоправных актов... отобрано более 50 ранее не опубликованных документов... в районе деревни Жестяная Горка совместно со Следственным комитетом и поисковым движением подняты останки 519 человек...

Категория залога в языке представляет собой способ выделить объект действия, превратив его в субъект. Такое представление ситуации не является изосемическим, оно маркировано, что позволяет использовать возможности пассивного залога в экспрессивных целях. Условно говоря, такой тип конструкции убирает из фразы «ответственного» (субъекта), и действие представляется как совершающееся само собой. Если бы, к примеру, вместо фразы «участились надругательства» было сказано «сотрудники ООО «Ромашка» в пьяном виде надругались над останками ветеранов», то во фразе фигурировало бы ответственное лицо, и гнев читателя был бы направлен на конкретных субъектов – сотрудников ООО «Ромашка». Фраза же «участились надругательства», с одной стороны, представляет ситуацию как масштабную, а с другой стороны – как безликую.

В ряде языков (как, например, в английском) пассивный залог входит в систему видо-временных и залоговых форм глагола и имеет регулярное образование. В других языках, например, в русском языке, утрачена регулярная форма образования залога с помощью вспомогательного глагола, однако в качестве компенсации появились альтернативные способы выражения пассивного смысла. Для русского языка таким альтернативным способом стало использование возвратных глаголов.

Категория возвратности изначально представляла собой «возвращение действия на самого себя»: «умывать себя», «одевать себя». Однако с

развитием категории в языке появились и добавочные значения: например, использование возвратных глаголов во взаимно-возвратном смысле («целоваться»), в значении постоянного свойства («кусаться») и пр. Образование возвратных глаголов от невозвратных стало регулярным способом выражения грамматического значения возвратности.

Образование пассивного залога с помощью переходных глаголов в русском языке также присутствует, однако формы пассивных (страдательных) причастий есть далеко не у всех глаголов, и зачастую они употребляются крайне редко.

Использование возвратных глаголов в качестве пассивных конструкций является узнаваемой чертой, прежде всего, официально-делового стиля, а также научного. В публицистике эта конструкция сигнализирует о близости данного текста к двум выше указанным стилям, что в целом согласуется с особенностями военной журналистики: необходимость согласовывать тексты с пресс-службой соответствующего ведомства и другими инстанциями, невозможность упоминания многих конкретных деталей в силу их секретности, а также потребности и ожидания целевой аудитории вынуждают авторов использовать соответствующие конструкции.

Превалирование в публицистической речи военных журналистов неизосемических конструкций неравномерно: безглагольные неизосемические конструкции концентрируются в большей степени в заголовках, пассивные – в тексте. Это позволяет определить специфику стиля текста как близкого научному и официально-деловому с поправкой на тот факт, что зачин текста сближает его с практикой PR и рекламы.

Конструирование образа противника в военном дискурсе представляет собой значимую и важную часть контента современной военной журналистики²⁰⁸. При этом между авторами материалов часто возникает

---

²⁰⁸ Материал вошел в статью Диалогические стратегии при дистантной межкультурной коммуникации на примере дискурса военной журналистики // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной

сознательно организуемый дистантный диалог: примерно представляя «общие места» публицистики противника, журналист создает свой текст, отталкиваясь от них и имплицитно полемизируя с ними.

Одной из распространенных аксиом русской военной журналистики является превосходство русского вооружения, в частности автомата Калашникова, по сравнению с зарубежными аналогами. Для описания этого превосходства моделируется диалог, формируемый с помощью риторических вопросов (выделено курсивом – А.Ц.):

«Для объективности сравнения можно взять автомат и какой-нибудь другой страны блока НАТО, например, - Франции. *Почему именно её?* Хотя бы по тем соображениям, что это государство – постоянный член Совета Безопасности ООН, страна с независимым (в отличие от Великобритании) и полностью суверенным (с точки зрения производства) ядерным оружием, собственной космической программой и прагматичной неокOLONиальной политикой в той же Африке»²⁰⁹.

«Калашников и другие. *Кто лучше?*

Любопытно, что автомат знаменит даже в тех странах, хозяева которых находятся в традиционной оппозиции к России. Так, даже в структуре ВМФ США есть спецподразделение, экипированное нашим чудо-оружием»²¹⁰.

Фактически, представленные вопросы являются риторическими в традиционном понимании данного термина – то есть, вопросами, не требующими ответа. Отметим, что в исследовании Е.В. Ключева, работающего в бельгийской группе μ , под риторическим вопросом понимается двустороннее моделирование диалога: либо адресант задает вопрос себе от имени аудитории, а отвечает от своего имени («Вы спросите меня, какой же из них лучше? И я отвечу...»). Обратный вариант – вопрос от

и социальной сфере. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 30–31 октября 2019 г.). – М., Пенза, 2019. С. 251 – 255.

²⁰⁹ Артамонов А.Г. «Калашников» был и остаётся лучшим автоматом в мире // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2019881741-NEz9u.html> Дата обращения 24.10.2019

²¹⁰ Там же.

своего имени и ответ от лица потенциальной аудитории («Как часто вы чувствуете себя уставшими? Вероятнее всего, ежедневно»).

В процитированном выше тексте об автомате Калашникова представлены оба типа вопросов: уточняющий «Почему именно ее?» - исходящий как бы от слушателя, и развивающий диалог вопрос «Кто лучше?», исходящий от самого автора статьи.

Использование таких приемов когезии роднит дискурс военной журналистики с риторическим дискурсом: вопросы, используемые для привлечения внимания читателя и амплификации текста, характерны для полемического выступления, ориентированного на «победу» над оппонентом²¹¹.

В англоязычном дискурсе используется тот же самый прием «действующей модели диалога» в тексте, посвященном превосходству российского оружия. Статья Майкла Пека “From Russia with Bullets: Why U.S. Special Forces Want Russian Machine Guns”, опубликованная в блогах “The National Interest” использует модель диалога с самого начала: на провокационный заголовок «отвечает» лид: “Yes, this might happen”. По задумке автора, заголовок (набранный намного более крупным и привлекающим внимание шрифтом, чем текст материала и лида) вызывает удивление, шок, вопрос типа «Да разве такое может случиться?!», ответ на который и звучит в лиде.

Далее, развитие текста осуществляется через вопрос «от аудитории» и ответ «от говорящего»:

“Why would U.S. special forces want to manufacture Russian machine guns?

Just watch any video of a conflict such as Iraq and Syria, and the answer becomes clear. Many of the combatants are using Russian or Soviet weapons, or local copies thereof, from rifles to rocket launchers to heavy machine guns

---

²¹¹ Егоршина Н.В. Дискурс эпидейктического выступления в военной журналистике // Казанская наука, № 9, 2019. – С. 112.

mounted on pickups. Which means that when U.S. special forces provide some of these groups with weapons, they have to scrounge through the global arms market to buy Russian hardware as well as spare parts”²¹².

Это моделирует технику «провокационного вопроса из зала»: «А почему...?» - «Да вы посмотрите любое видео...».

“Though USSOCOM is starting with a pair of Russian machine guns, the research proposal speaks of foreign-made weapons in general. “Developing a domestic production capability for foreign-like weapons addresses these issues while being cost effective as well as strengthens the nation’s military-industrial complex, ensures a reliable and secure supply chain, and reduces acquisition lead times.”

One wonders whether there could be a copyright issue with producing Russian weapons in America without a license, though Russian and Chinese spies haven’t been reticent about helping themselves to U.S. technology. Either way, it seems like a sensible and economical idea to produce foreign weapons in America, rather than having to procure them from unreliable or unsavory international arms merchants”²¹³.

В данном отрывке текста вновь моделируется «вопрос из зала», поданный в косвенной форме “One wonders...”, однако по-прежнему предполагающий такую же вопросно-ответную модель, как и предыдущий: «брошенный» из зала вопрос, задача которого – «подловить» продуцирующего текст, спровоцировать его. Безусловно, поскольку вопрос не настоящий, а смоделированный, автор текста с ним легко справляется.

Отметим, что в двух сопоставимых по содержанию текстах, русскоязычном и англоязычном, присутствует различная вопросно-ответная модель, позволяющая говорить об условно «дружелюбной» аудитории пишущего на русском языке и условно «враждебной» аудитории пишущего

---

²¹² Peck M. From Russia with Bullets: Why U.S. Special Forces Want Russian Machine Guns // Электронный ресурс <https://nationalinterest.org/blog/buzz/russia-bullets-why-us-special-forces-want-russian-machine-guns-32956> Дата обращения 24.10.2019

²¹³ Там же.

на английском. Это коррелирует с заявленными темами: русскоязычная статья посвящена превосходству отечественного оружия, а англоязычная – превосходству оружия противника.

Система военных СМИ масштабно использует возможности современной конвергентной журналистики – у средств массовой информации появляются аккаунты в социальных сетях, они осваивают такие агрегаторы, как «Яндекс.Дзен».

Платформа «Яндекс.Дзен», задуманная как автоматическая выдача публикаций в зависимости от запросов конкретного пользователя в поиске, с 2015 года стала достаточно активным инструментом продвижения как блогов частных лиц, так и уже существующих СМИ и медиапроектов²¹⁴. Алгоритмы показа публикаций позволяют сориентироваться на конкретную целевую аудиторию и расширить ее за счет перехода пользователя по ссылкам²¹⁵.

Одной из попыток развития военной журналистики на «Яндекс.Дзене» стал канал еженедельника «Звезда», на котором по состоянию на сентябрь 2019 года размещено 67 публикаций – с февраля 2018 по февраль 2019. Проект блога «Звезды» на «Дзене» на сегодня следует признать приостановленным и не получившим широкой популярности: публикации мало комментируются, аудитория составляет всего 294 подписчика (на 24.09.2019).

Помимо организационных причин, не являющихся предметом настоящего исследования, указанные выше особенности канала на «Дзене» обладают рядом лингвистических особенностей, разбор которых мог бы помочь в корректировке стратегии публикаций и при дальнейшем развитии блога.

---

²¹⁴ «Яндекс.Дзен» стал платформой для публикации контента // Электронный ресурс adindex.ru/news/media/2017/05/30/160030.phtml Дата обращения 13.09.2019

²¹⁵ Материал включен в статью Ларина Н.А., Цицинов А.Ю. Специфика подачи материала в цифровой военной журналистике (на примере еженедельника «Звезда») // Казанская наука. 2019. № 9. С. 36-38.

Одним из ключевых инструментов воздействия на потенциальную аудиторию в цифровом пространстве является заголовок. Как отмечает Ю.В. Шуйская, специфика существования публикации в интернете порождает специфическую структуру текста: начало текста (которое пользователь видит, прежде чем перейти по ссылке) является определяющим в решении потенциального читателя, и в связи с этим представляет собой отдельный, чрезвычайно значимый первый знак текста²¹⁶.

В текстах, помещаемых еженедельником «Звезда» на платформе «Яндекс.Дзен», пользователь видит лид текста, в большинстве случаев представляющий собой незаконченное сложное предложение (при переходе по ссылке читатель может прочесть это предложение полностью, однако в стандартной выдаче «Дзена» он видит обрывающуюся фразу, производящую за счет этого впечатление бесконечной конкатенации, никоим образом не способствующей привлечению внимания). Так, в публикациях видим:

«Если двигатель называют «сердцем» корабля, то его «мозгами» можно считать...»

«На Ижевском механическом заводе (ИМЗ) начинается организация производственного участка для подготовки к серийному производству новейшего...»

«В послании Федеральному собранию президент РФ Владимир Путин заявил, что в нашей стране разработаны беспилотные...»

«Офицеры дежурных сил Центрального командного пункта Ракетных войск стратегического назначения в...»²¹⁷.

Как подчеркивает Е.В. Ключев²¹⁸, конкатенация не только не способствует привлечению внимания, но, напротив, призвана «усыпить»

²¹⁶ Шуйская Ю.В. Структура текста в интернет-формате (на примере интернет-версии журналов «9 месяцев» и «Мама и малыш») // Социально-гуманитарная серия научно-методического журнала «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс». – Пенза, 2014. – С. 384.

²¹⁷ Еженедельник «Звезда» в «Яндекс.Дзен» // Электронный ресурс zen.yandex.ru/zvezdaweekly Дата обращения 13.09.2019

слушателя / читателя и отвлечь его от содержания текста. Более того, в самих публикациях используются достаточно сложные синтаксические конструкции. С одной стороны, в целом приближенность к официально-деловой и научной стилистике обеспечивает текстам «Звезды» высокий «порог вхождения»: тексты не принадлежат к категории «ширпотреба» и самой стилистикой отсекают неподготовленного читателя. С другой стороны, динамичный стиль цифровой журналистики мало коррелирует с построением сложной периодической речи.

Помимо лидов, инструментом привлечения внимания являются заголовки, в «Яндекс.Дзене» набранные более крупным и контрастным шрифтом. В заголовках публикаций еженедельника «Звезда» обращает на себя внимание превалирование прилагательных, характеризующих национальную принадлежность: «китайский», «японский», «чеченский» (2 раза), «американский» (2 раза), «российский» (9 раз) и «русский» (4 раза как характеристика принадлежности чего-либо России и 2 раза как национальность). Большая часть публикаций посвящена различным современным видам вооружения, и в их описании подчеркивается превосходство русского/российского оружия, его уникальность и способность противостоять «любым врагам»:

«Убойный «Ясень»: российская субмарина, которая «испортила жизнь» американским подводникам»

«Русский «Бумеранг»: затаившийся убийца вертолетов»

«Камень» в огород НАТО: почему «Искандер» называют самым грозным российским оружием»

«Ужас океанских глубин: подводные боевые роботы России»

«Спасайся, на нас идет адский огонь русских: как выросла огневая мощь нового «Солнцепека»²¹⁹.

---

²¹⁸ Ключев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. – М.: ПРИОР, 2016. – С. 112.

²¹⁹ Еженедельник «Звезда» в «Яндекс.Дзен» // Электронный ресурс zen.yandex.ru/zvezdaweekly Дата обращения 13.09.2019

Таким образом, подборка публикаций, размещенных за год на «Яндекс.Дзене», фактически сосредоточена вокруг тематики новейших разработок в области вооружения и борьбы с потенциальным противником с помощью этого оружия. Интересна также концентрация оценочных прилагательных и эмоционально-экспрессивной лексики: обращают на себя внимание эпитеты «адский», «фантастический», «смертельный», «всемогущий», «великолепный», «убойный», «атакующий», «убийственный», «молниеносный», а также слова «ужас», «смерть» («Смерть для вражьих субмарин») и пр. Формируемый этими ключевыми понятиями «символический зонтик» предполагает, что потенциальный читатель ощущает себя «в кольце врагов»: в совокупности текстов, помещенных на «Яндекс.Дзене», можно выделить две смысловых вершины: уникальность российского оружия и стремление с его помощью победить внешних врагов.

Публикации на «Дзене» сопровождаются фотографиями, которые также призваны взаимодействовать с потенциальной аудиторией. В соответствии с обозначенными выше тематическими характеристиками текстов фотографии также подчеркивают силу и превосходство российского оружия: в центре кадра, как правило, ракета, вертолет, танк и пр.

Интересным также представляется обращение к общей апперцепционной базе читателя, также формирующее его картину мира и взаимодействующее с фоновыми знаниями. Это осуществляется за счет использования прецедентных феноменов, среди которых:

фантастический роман «Гиперболоид инженера Гарина» (ср. «Гиперболоид адмирала Горшкова»),

идиома «хромая утка» («Авианосец «Форд» оказался «хромой уткой»),

пословица «один в поле не воин» («Фрегат «Адмирал Григорович»: и один в море воин»),

детская считалка («Буду резать, буду бить: стреляющий нож убивает на дальности в 25 метров»),

фильм «Звездные войны» («Звездные войны 2.0: Пентагон собирается перенести гонку вооружений в космос»),

аллюзия к расхожему выражению «танки грязи не боятся» («Ярсы» снега не боятся!») и распространенному эвфемизму («Армия России может любого врага послать на три буквы – РЭБ»).

В целом, представленный набор прецедентных феноменов охватывает все сферы воздействия на потенциальную аудиторию в соответствии со шкалой эволюции видов словесности²²⁰: представлены фольклорные выражения, фразы из художественной литературы и популярной культуры, причем явное превалирование фольклорных и культмассовых выражений говорит о представлении о потенциальном читателе со стороны авторов публикаций. Вероятнее всего, этот гипотетический читатель более четко реагирует на знаки уровней словесности наиболее широкого охвата.

Малоуспешное продвижение канала еженедельника «Звезда» на платформе «Яндекс.Дзен» обусловлено комплексом факторов, среди которых стилистические и филологические причины играют не самую важную роль. Однако проанализированный контент статей, использованные в них способы привлечения внимания и совокупность приемов взаимодействия с потенциальным читателем позволяет сделать вывод, что подбор публикаций и их стилистика не вполне коррелируют с ожиданиями аудитории. Для грамотного развития и продвижения канала на «Яндекс.Дзен» необходим поворот к «цифровой» стилистике, разнообразие тематики и более грамотное позиционирование текста с помощью фотографий, лидов и заголовков.

Переходя к актуальным вопросам, следует отметить, что на протяжении практически всей истории новейшей военной журналистики в «фоновом режиме» повестки дня освещался кризис на Украине и ее

---

²²⁰ Шуйская Ю.В. Структура текста в интернет-формате (на примере интернет-версии журналов «9 месяцев» и «Мама и малыш») // Социально-гуманитарная серия научно-методического журнала «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс». – Пенза, 2014. – С. 383.

взаимоотношения с Россией. Это освещение использовало приемы, характерные именно для военной журналистики.

Политический и идеологический кризис на Украине – кризис, осуществляющийся в эпоху новых СМИ: интернета и социальных сетей. Инструменты политического менеджмента переместились в средства массовой коммуникации: новый тип менеджмента предполагает использование средств агитации, пропаганды, PR.

Отметим, что для грамотного применения политических технологий необходимо наличие определенной стратегии, которой эти технологии будут следовать. Так, яркий пример, когда политические технологии не сработали в виду отсутствия долгосрочной стратегии – провал российских политтехнологов по проведению предвыборной кампании Януковича в 2004 году. В то время Глеб Павловский ставил на формирование образа Януковича, как «второго Путина» для Украины, при этом не была учтена ни национальная специфика украинского общества, ни то, что сам образ Януковича существенно отличался от образа Путина, ни то, что данные политические технологии были задействованы фактически отдельно от официального курса Москвы. Это сказалось и на том, что уже впоследствии Янукович позиционировался некоторыми украинскими СМИ как «коррупционер, ищущий помощи у такой же коррупционной Москвы». Таким образом, обозначим политическую стратегию России необходимую для проведения политических технологий урегулирования украинского кризиса.

Позиция России во многом сводится к лозунгу «нет войне!». Кризис украинского общества рассматривается как внутригосударственный: «Совершенно правильное замечание относительно того, что Украина должна решать сама – оно снимает претензии, высказанные недавно в Евросоюзе и на самой Украине, эту истерику, что Россия якобы давит на Украину. Президент, по сути, снял эти обвинения с России и выступил стражем

национальных интересов»²²¹. Украина должна сама разбираться со своими проблемами, при этом Россия всегда была и остается ее партнером.

Россия всегда ратовала за мирное решение украинского кризиса и подчеркивала, что согласие – общенациональный диалог заинтересованных сил, в том числе Донецкой и Луганской республик. Пребывание российских войск и их помощь ополченцам в СМИ позиционируется как помощь братскому народу и его представителям, несогласным с действиями правительства. Россия не призывала Донецкую и Луганскую республику войти в состав РФ и всячески дистанцировалась от этого вопроса, подчеркивая, что приоритетом остается сохранение государственного единства Украины при условиях федерализации, однако в случае дальнейших попыток подавления оппозиции – Россия не останется в стороне. По вопросу федерализации теперь очевидно, что Россия отстаивает позицию, что автономия областей – вопрос Украины, т.е. внутригосударственный: «Думаю, это уже не идея, а очевидная необходимость. В рамках жесткого унитарного государства будет идти постоянное противостояние. Чтобы его прекратить, нужна федерализация. Нужно дать регионам достаточно прав, возможность самостоятельно формировать свои бюджеты и даже возможность частичного внешнеполитического самоопределения. В мировой практике есть такие примеры, хотя они и выглядят странно с точки зрения международного права, когда в рамках одной страны действуют разные торгово-экономические режимы. Например, в составе Дании есть Гренландия, при этом Дания является частью Евросоюза, а Гренландия — нет. Так что это — здоровое предложение для Украины», - сказал советник президента РФ»²²².

---

²²¹ Эксперты поддержали позицию президента РФ // Электронный ресурс: <http://gorchakovfund.ru/news/9231/> (дата обращения: 24.12.2014)

²²² В Кремле выступили за федерализацию Украины // Электронный ресурс: <http://zn.ua/POLITICS/v-kremle-vystupili-za-federalizaciyu-ukrainy-138206.html> (дата обращения: 24.12.2014)

Если для западных СМИ дружелюбность России не так очевидна, то для граждан страны в массе позиция официальных СМИ близка. Так, появились концепты «вежливых людей» (представители российских войск в Украине), презрительное отношение к санкциям и так далее.

Позицию средств массовой информации России по вопросу конфликта в Украине 2013-2014 гг. можно обобщить следующим образом:

- украинский кризис – внутригосударственный,
- нет российско-украинской войне,
- Россия – друг украинского народа,
- мирное решение украинского кризиса,
- согласие – общенациональный диалог заинтересованных сил, в т.ч. Донецкой и Луганской республик,
- сохранение государственного единства Украины при условиях федерализации,
- в случае дальнейших попыток подавления оппозиции - Россия не останется в стороне,
- с недавнего времени стало очевидно, что Россия поддерживает федерализацию Украины, однако считает этот вопрос строго внутригосударственным.

Однонаправленность информационного воздействия и отсутствие обратной связи на Украине снижают способность противодействия и использования технологий политического менеджмента со стороны России. Поэтому блоги, комментарии к новостным статьям являются идеальной площадкой для того, чтобы получить реакцию общественности, проследить за её изменениями и вовремя отреагировать на них. Это является первым направлением применения политических технологий по реализации стратегии России по отношению к ситуации на Украине.

К созданию общественного мнения по вопросу Украины подключились новые СМИ, в частности, блоги и социальные сети. На портале «блоггер-новости» привлекает внимание сама формулировка заголовка новостей:

«Несколько полезных ссылок на блоги, по которым можно оперативно отслеживать информацию о происходящих на Украине боях, получать некоторый аналитический анализ событий и узнать о финансовых вопросах помощи»²²³.

Российские СМИ пишут о ситуации в Украине и с точки зрения граждан Украины, приехавших в Россию. Так, журнал «Русский репортер» в ноябре 2014 посвятил большую статью судьбе приехавших в Россию украинцев. В № 33 за 2014 год читаем: «По данным ООН, свои дома в зоне боевых действий на Украине покинули уже 230 тысяч человек. В Москве этим цифрам не верят: по статистике ФМС, российско-украинскую границу пересекли 730 тысяч беженцев с Донбасса. Как бы то ни было, налицо гуманитарная катастрофа, и вместе с первыми днями жизни в России к людям приходят и первые разочарования: полноценного жилья нет, вакансии малооплачиваемые, а выгоревшие чиновники и даже волонтеры смотрят на тебя как на иждивенца. Синдром беженца – это такое же посттравматическое стрессовое расстройство, как афганский или чеченский синдром. Требовать от людей в таком состоянии активной жизненной позиции нельзя ни государству, ни обществу»²²⁴.

Плюрализм мнений сводится все же к позитивной оценке: беженцы рады, что они в России. Частью того же «символического зонтика» является и подача информации телеканалами и радиостанциями: люди, приехавшие из Украины, рады, что они в России, им нравится здесь, они избавлены от ужасов политического и идеологического кризиса в родной стране.

Второе направление применения политических технологий – работа с занятыми в России украинцами. Сформировать позитивное отношение работающих в России граждан Украины – первоочередная задача. Данную технологию можно охарактеризовать как «использование медиаторов».

---

²²³ Электронный ресурс: <http://odivizion.ru/blogger-novosti-ob-ukraine/>(дата обращения: 24.12.2014)

²²⁴ Электронный ресурс: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/(дата обращения: 24.12.2014)

Таким образом, посредством формирования у занятых в России украинцев определенной позиции по отношению к роли России в урегулировании кризиса, можно впоследствии заниматься управлением слухами – будет происходить распространение необходимой информации через личные контакты занятых – их знакомым, родственникам и так далее.

Украинцы, работающие в России, - серьезная прослойка людей, чьи интересы нельзя не учитывать в политической борьбе. Москва поддерживает их: Киев в своей политике должен учитывать тот факт, что в России работают 6 млн украинцев, заявил секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев. Эти люди, по его словам, заработанные деньги отправляют на родину, где работу с достойным заработком найти сложнее, чем в России, сообщает РИА Новости. Если эти 6 млн человек вернуться обратно, то безработица на Украине «будет считаться в другом измерении», отметил Патрушев²²⁵. В то же время Киев мало учитывает интересы этих граждан: «Правительство Украины рассматривает возможность введения дополнительного налога на доходы физических лиц, осуществляющих трудовую деятельность в иностранных государствах, сообщает ukraine.ru.

Предлагается установить ставку налога на уровне 500 долларов в месяц для тех, кто работает в России и от 200 до 700 долларов для работающих в странах ЕС, в зависимости от государства.

Налог будет взиматься с тех, кто не сумеет документально подтвердить своё присутствие на Украине в случае, если фискальное ведомство получит информацию о возможном отсутствии лица более 2-х месяцев по месту его постоянного проживания.

Ориентировочно, новый налог пополнит бюджет на сумму не менее 15 млрд долларов, а по некоторым оценкам — до 30 млрд долларов в год. По словам премьер-министра Украины Арсения Яценюка, «совершенно

---

²²⁵ В Москве напомнили Киеву, сколько украинцев работает в России // Электронный ресурс <http://russian.rt.com/article/37337>

недопустимо, чтобы такие суммы проходили мимо нас и оставались вне контроля»²²⁶.

Третье направление политических технологий – поддержка международных организаций, направленных на борьбу с экстремистской деятельностью. Очевидно, что сейчас, как никогда раньше, необходимо противодействовать распространению националистической идеологии и любому проявлению национализма как такового. Так что реальное подключение международной общественности к решению проблемы разжигания розни по национальному признаку на Украине представляется обязательным. Таким образом, содействие негосударственных акторов, которые в 21 веке наряду с государственными образованиями играют огромную роль в формировании общественного мнения, может существенно облегчить России задачу использования политических технологий для разрешения украинского кризиса.

Итак, суммируя вышесказанное, можно отметить следующую специфику освещения военного и идеологического кризиса на Украине в 2013-2014 годах: провалы модели государственного регулирования и политического менеджмента, в силу нерациональной политики действующей власти, не учитывающей политические риски, раскол населения по территориальному, языковому и этническим признакам и вытекающая из него усиливающаяся идеологическая поляризация в общественном сознании. При решении поставленных в ходе работы задач были получены следующие результаты:

1) В результате изучения концептуальных подходов к понятию идеологический кризис удалось определить его следующие признаки: отсутствие системности в действиях власти, непоследовательность ее действий и идеологических призывов, плохо функционирующее гражданское

---

²²⁶ Папин В. Киев хочет ввести налог для работающих в РФ украинцев — 500 долларов в месяц // Электронный ресурс <http://novorus.info/news/economy/30663-kiev-hochet-vvesti-nalog-dlya-rabotayuschih-v-rf-ukraincev-500-dollarov-v-mesyac.html>

общество, отсутствие реализации долгосрочных целей и задач. Признаки идеологического кризиса выделяются исследователями на основании анализа ряда социальных потрясений и революций, в том числе революции в России в 1917 г.

2) Ситуация на Украине была рассмотрена с точки зрения системного подхода, позволившего определить ее как кризис всех сфер общества, включая идеологический. Как российские, так и украинские СМИ конкретными примерами подтверждают наличие признаков идеологического кризиса в Украине.

3) В ходе анализа было определено, что стратегия России в сфере урегулирования политического и идеологического кризиса на Украине должна опираться на принципы невмешательства во внутригосударственные дела Украины, мирного урегулирования, должна быть основана на взаимном интересе всех акторов (принцип равного диалога сторон). Россия позиционирует себя как дружественную страну, исповедует принцип невмешательства, при этом подчеркивая, что не допустит гуманитарной катастрофы.

4) Исследование механизма урегулирования кризиса на Украине позволило обнаружить относительно широкое поле использования технологий политического менеджмента (социальные сети, блоги, Интернет, медиаторы, международные организации, противодействующие распространению экстремизма). Использование возможностей блогосферы и работа с украинскими гражданами, проживающими в России и работающими на ее территории, позволяет исподволь формировать положительное мнение о РФ.

Коннотативная лексика используется в создании квазисинонимов. Квазисинонимическая ситуация – выстраивание в один ряд слов, сближающихся по смыслу только в рамках определенного контекста. Так, объединение современными СМИ в один ряд слов *все эти фашисты*,

коммунисты, националисты способствует «иррадиации» (распространению) негативного смысла на слово, ранее положительно окрашенное.

Это очень тонкий и удобный для журналиста способ выражения собственной позиции. Например, слово «разведчик» не является языковым синонимом ни к слову «наймит», ни к слову «тайный соглядатай» и, в отличие от последних, имеет нейтральную стилистическую окраску.

Квазисинонимическая ситуация в современной публицистике не только помогает «внедрению» в массовое сознание заданных оценок, но и является способом избежать уголовного наказания за нанесенное журналистом оскорбление, так как квазисинонимы – это не обценная лексика и не прямо высказанная оскорбительная номинация.

Так, например, в статье «Русская статья Украины и России», посвященной взаимоотношениям двух государств и размещенной на портале «Русский репортер» 21 декабря 2011 года, использована как коннотативная лексика, так и квазисинонимия:

*В 2008-ом году оранжевая юстиция осудила на три года координатора Народного Фронта «Севастополь-Крым-Россия» Валерия Подъячего и его соратника Семена Клюева. Режим усмотрел крамолу в таких словах коммюнике, выпущенного подсудимыми на пресс-конференции в Симферополе 21 января 2008 года...*²²⁷

В статье точка зрения автора проявляется в использовании таких эпитетов, как «оранжевая юстиция» - слово «оранжевый» применялось к революции, однако использование этого выражения в сочетании с «юстицией» является открытием автора данной статьи. Словосочетание «усмотрел крамолу» подразумевает, что крамолы как таковой не было – ее всего лишь «усмотрели».

---

²²⁷ «Русская статья» Украины и России // <http://www.freetavrida.org/?p=169#more-169> // «Русский РепортерЪ» // Электронный ресурс <http://mublog.ru/rusreport/publitsistika/russkaya-statya-ukrainy-i-rossii.html>

Те же приемы формирования оценки использованы и в статье «Российско-украинские отношения – от ситуативной прагматики к полноценной стратегии», опубликованной 28 сентября 2011 года в газете «Завтра»:

История российско-украинских «газовых отношений» в «незалежную» эпоху изобилует множеством скандалов, связанных с непрозрачными (и глубоко коррупционными) системами посредничества и перекупок российского, туркменского и т.д. газа «как бы независимыми» трейдерами. Накал противостояния доходил до знаменитых «газовых войн» и прекращения транзита российского газа через Украину для европейских потребителей²²⁸.

Научный анализ взаимоотношений двух государств постоянно перебивается абзацами, в которых ярко проявляет себя авторская точка зрения:

Как российские, так и украинские элиты на заре постсоветской независимости были воодушевлены целью быстрого вхождения в «цивилизованный мир Европы». И неустово пропагандировали эту цель собственному населению – и как историческую неизбежность, и как гарантии «вот-вот наступающей» богатой и счастливой жизни²²⁹.

Использование кавычек и эпитетов наталкивает читающего на мысль, что трейдеры отнюдь не являются независимыми, а богатая и счастливая жизнь наступит неизвестно когда, а не «вот-вот». Среди рассмотренных статей доля тропов и фигур речи невелика, так как статьи, как правило, являются экономическими и политическими обзорами, претендующими на беспристрастность. Тем интереснее проанализировать статью «Русская статья Украины и России», в которой автор даже не скрывает своих эмоций:

---

²²⁸ Российско-украинские отношения – от ситуативной прагматики к полноценной стратегии // Завтра, 28 сентября 2011 года

²²⁹ Там же.

Ничего другого Киев от ЕС не получит. Его вечно будут держать в прихожей Евросоюза, давая туманные обещания о полном членстве и запрещая любое движение за пределы дозволенных контактов с Российской Федерацией. Предстоящий в понедельник 19 декабря саммит ЕС-Украина будет, по всей вероятности, очередным мыльным пузырем с пропагандной риторикой о европейских ценностях, которым якобы верна независимая держава²³⁰.

Помимо экспрессивных эпитетов, использованных в данном тексте, автор прибегает к олицетворению, превращая Киев в некое подобие человека, который вынужден ждать в прихожей и пр. Олицетворение вообще является привычным приемом подобных статей: «Россия и Украина не сходятся в цене» и пр., то есть государства воспринимаются как своеобразные автономные единицы, которые могут ругаться, мириться и пр.

Троп использован и в заглавии статьи в газете «Коммерсантъ» от 20 февраля 2012:

Процентные отношения

Россия предложила Украине возобновить замороженные с середины января переговоры о снижении цены газа. Москва пошла на этот шаг после того, как скидок — в среднем на 10% — добились европейские компании. По данным «Ъ», для Украины речь идет о тех же 10% и лишь при условии закупки всего законтрактованного ранее объема топлива²³¹.

Отношения между странами, безусловно, не могут быть процентными, - это перенос клишированного выражения «в процентном отношении» в сферу взаимоотношений двух государств.

Фигуры диалогизма, позволяющие «оживить» текст, сделать его более эмоциональным, употребляются, как правило, в тех статьях, где явно видна

²³⁰ «Русская статья» Украины и России // <http://www.freetavrida.org/?p=169#more-169> // «Русский РепортерЪ» // Электронный ресурс <http://mublog.ru/rusreport/publitsistika/russkaya-statya-ukrainy-i-rossii.html>

²³¹ Гавриш О. Процентные отношения // Коммерсантъ-Россия, 20 февраля 2012 года

точка зрения автора, где журналист не старается создать объективное описание картины, а наоборот, чрезвычайно экспрессивен и тенденциозен:

Например, в статье «Россия атаковала Украину», опубликованной в украинском «Коммерсанте» 15 июля 2011, используются эмоциональные риторические восклицания, риторические вопросы, - статья даже обрывается вопросом:

Однако разве же можно считать вышеописанные действия Москвы дружескими шагами по отношению к Киеву? Этот вопрос, конечно, риторический.

Теперь остается лишь ожидать результатов предстоящей встречи двух президентов. И гадать, найдется ли у украинской стороны какая-то козырная карта, которая позволит вдохновить Кремль на прекращение торговой войны и удешевление газа. Или Янукович после встречи со своим российским коллегой таки признает, что $3 + 1 = 4$?

И тогда прощай, Европа?..²³²

Отметим также использование парцелляции в начале данной статьи и использование коннотативной лексики, еще более способствующее формированию определенной оценки ситуации.

Конечно же, все вышеописанное – это война! Торговая война, с политическим подтекстом. Между Россией и Украиной. Точнее, атакует сейчас пока только Россия. Предельно ясны и цели Москвы – добиться вступления Украины в Таможенный союз²³³.

В статье «Новая российская империя», опубликованной 17 апреля 2012 года в украинской газете «КоммерсантЪ», использована этимологическая фигура: повторение того или иного морфологического элемента в речи.

Президент Белоруссии Александр Лукашенко хоть и продолжает сильно зависеть от России, однако это не уменьшает его энтузиазма по продвижению в рамках Евразийского союза таких структур, которые бы

²³² Россия атаковала Украину // КоммерсантЪ-Украина, 15 июля 2011 года

²³³ Там же.

жестко защищали национальный суверенитет. (И ему, и другим сомневающимся евразийским лидерам евроскептики из соседнего Евросоюза предоставили массу на то причин)²³⁴.

М.М. Бахтин писал, что «наша жизненно-практическая речь полна чужих слов: с одними мы совершенно сливаем свой голос, забывая, чьи они, другими мы подкрепляем свои слова, воспринимая их как авторитетные для нас, третьи, наконец, мы населяем своими собственными чуждыми или враждебными им устремлениями»²³⁵.

Если в первых двух случаях, указанных ученым, цитаты и являются собственно цитатами, то в третьем случае мы имеем дело с квазицитатами, т.е. подобиями цитат, в которых присутствует известная доля достоверности, но общий смысл трансформирован под углом зрения интерпретирующего события журналиста, а не собственно автора высказывания.

Таким образом, «вырванные» из контекста цитаты позволяют манипулировать общественным сознанием, так как в них может не быть правды, но всегда есть правдоподобие. Журналисты сокращают цитаты, интерпретируют их, расширяют с помощью журналистского комментария, пересказывают в соответствии со своим коммуникативным намерением.

Например, в статье «Флот в обмен на сыр», опубликованной в газете «Коммерсантъ» 15 февраля 2012 года, с помощью цитат формируется негативная оценка действий Роспотребнадзора, а слово «якобы» ставит под сомнение достоверность используемой информации:

Не смогли министры заключить перемирие и в начавшейся неделю назад сырной войне. Еще 7 февраля Роспотребнадзор запретил поставки сыра трем крупнейшим украинским сыроваренным предприятиям — в их продукции якобы выявлено большое количество пальмового масла. Впрочем, по словам источника «Ъ» в правительстве Украины, действия РФ в Киеве

²³⁴ Гвоздев Н. Новая российская империя // Коммерсантъ-Украина, 17 апреля 2012

²³⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 67.

расценили как «меры давления на власти Украины с целью принуждения ее к вступлению в Таможенный союз»²³⁶.

Тот же прием используется и в статье «Российско-украинские отношения – от ситуативной прагматики к полноценной стратегии», опубликованной 28 сентября 2011 года в газете «Завтра»:

Нынешнее развитие отношений между Россией и Украиной уже называют «конфронтационным пикированием». Взаимные обвинения в недружественности экономической, информационной, дипломатической и т.д. политики соседа – нарастают. Градус конфликтности между странами приближает ситуацию к «точке невозврата», к окончательному разрыву – экономическому и политическому. Прошедшие в Москве 24 сентября переговоры Виктора Януковича с Дмитрием Медведевым и Владимиром Путиным хотя и привели к обнадеживающим заявлениям сторон о перспективах разрешения «газового спора», решающего позитивного перелома в отношениях пока не принесли²³⁷.

В тексте нет указания ни на то, кому принадлежат данные термины, кто называет развитие отношений «конфронтационным пикированием». Однако благодаря научному стилю статьи ссылки на источник выглядят крайне достоверными.

В статье «У Украины совсем отбирают транзитный газ» от 24 февраля 2012 в газете «КоммерсантЪ» также используются цитаты:

Российские чиновники, участвовавшие в подготовке документа, неофициально говорили «Ъ», что «это никакой не контракт, а лишь приглашение Украины к дальнейшему диалогу», а украинская сторона, в свою очередь, говорила «Ъ», что в документе «даже обсуждать нечего», поскольку он «абсолютно пустой»²³⁸.

²³⁶ Черненко Е. Флот в обмен на сыр // КоммерсантЪ-Россия, 15 февраля 2012 года

²³⁷ Российско-украинские отношения – от ситуативной прагматики к полноценной стратегии // Завтра, 28 сентября 2011 года

²³⁸ У Украины совсем отбирают транзитный газ // КоммерсантЪ-Украина, 24 февраля 2012 года

Следует отметить, что цитаты вообще являются ведущим приемом формирования оценки в проанализированных статьях. Практически каждая статья на 50%, а то и более, состоит из высказываний каких-либо официальных лиц. Например, в уже упоминавшейся статье «Процентные отношения»:

Директор Института энергетических исследований Дмитрий Марунич считает, что, делая заведомо неинтересное для Украины предложение, «Газпром» хочет предупредить возможное вмешательство в переговоры Еврокомиссии. «Украина пытается привлечь к переговорам третью сторону, показывая, что Россия категорически не согласна создавать равные условия для европейских потребителей и для «Нафтогаза». Своим предложением «Газпром» пытается продемонстрировать, что устанавливает для своих партнеров равные условия», - говорит господин Марунич²³⁹.

Сразу после этого в тексте статьи идет еще одна цитата:

В начале февраля Украина обратилась с просьбой к Евросоюзу оказать поддержку в газовом споре с Россией. Энергокомиссар Еврокомиссии Гюнтер Эттингер в ответ лишь заявил, что Евросоюзу стоит управлять газотранспортной системой вместе с Украиной и Россией²⁴⁰.

Ссылка на источник информации – это часть того мира, который формируется средствами газетного текста. «В корреспонденции образ мира и его отражение в мире знаний формируется на четырех уровнях, в четырех семантических мирах. Во-первых, это мир предметной семантики. Предметы и лица изображаются как элементы чувственно воспринимаемого мира. Во-вторых, это мир событийной семантики. То, что воспринимается чувствами, здесь подвергается обобщению, истолкованию. События, лица, участвующие в них, совершающие поступки, складывающиеся ситуации и положения дел

---

²³⁹ Гавриш О. Процентные отношения // Коммерсантъ-Россия, 20 февраля 2012 года

²⁴⁰ Там же.

предстают как элементы человеческого бытия. В-третьих, это мир фактообразующей семантики. Субъект речи имеет здесь дело с фактами, информацией. Это уже вторично обработанная информация о мире, имеющая более высокий уровень обобщения, очищенная от человеческих интересов, взглядов, истолкований, возведенная в ранг объективного, независимого факта. И, наконец, в-четвертых, образ мира может предстать через посредство категориального аппарата научной теории – высшая ступень обобщения знаний о мире»²⁴¹. Если опираться на эту классификацию, ссылка на источник информации находится в рамках фактообразующей семантики. В.И. Коньков выделяет в рамках этого семантического плана несколько речевых действий: констатация факта, информационное сообщение, отвлеченное рассуждение. По его мысли, фактообразующая семантика нивелирует образ оратора, придавая тексту вид максимальной объективности и беспристрастия.

Ссылка на источник информации в ряде случаев может быть отнесена к оценочному семантическому действию: «Оценке подвергается все, что необходимо человеку для материальной и духовной жизни, она всегда привязана к точке зрения того или иного конкретного или обобщенного субъекта»²⁴².

Прецедентные феномены бывают 4-х типов. Это прецедентная ситуация: «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означающим прецедентных ситуаций могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя»²⁴³. Прецедентный текст – «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов

²⁴¹ Коньков В.И. Речевая структура газетного текста. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. – С. 35.

²⁴² Коньков В.И. . Речевая структура газетного текста. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. – С. 118.

²⁴³ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М: Аспект Пресс, 2002. – С. 47.

которого не равна его смыслу»²⁴⁴. Прецедентное имя определяется как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени»²⁴⁵. Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое»²⁴⁶.

В проанализированных статьях прецедентные феномены встречаются не в тексте, а, например, в сопровождающей его иллюстрации. Так, статья «Русская статья» России и Украины» предваряется следующей иллюстрацией:

---

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М: Аспект Пресс, 2002. – С. 47.

Рис.1. Стилизованный коллаж

Использована картина Василия Верещагина «Двери Тамерлана», однако в дверях нарисован коллаж, намекающий на развитие международных отношений Украины. Это можно назвать отсылкой к прецедентному феномену – известной картине, которая ассоциируется с войной, великим завоевателем, - и в то же время с разрушениями и бедствиями.

Все статьи, посвященные российско-украинским отношениям в 2011-2014 гг., можно условно разделить на «научнообразные» и «тенденциозные». В «научнообразных» статьях чаще всего используется цитирование источника – так, например, этот прием постоянно используется в статьях из российской газеты «Коммерсантъ». В то же время украинская версия этой газеты отличается большим количеством фигур речи и тропов, которые формируют, к примеру, резко отрицательную оценку действий Российской Федерации. На коннотацию же чаще опираются авторы научнообразных статей, публикуемых

в газетах с ярко выраженной политической позицией, например, таких, как газета «Завтра».

К основным средствам формирования оценки следует отнести:

- 1) использование коннотативной лексики;
- 2) использование тропов и фигур речи;
- 3) использование цитат и отсылки к прецедентам.

В результате использования указанных средств формируется негативная оценка действий Украины – в российских СМИ – и действий России в украинских СМИ. Несмотря на декларированное в 2010 году потепление отношений двух государств, СМИ часто прибегают к словам и фразам, формирующим негативную оценку. Чаще всего эмоциональные высказывания встречаются в статьях на интернет-порталах, которые меньше подвержены цензуре и поэтому могут содержать даже чрезвычайно негативно окрашенные фразы и высказывания.

В конце 2010-х годов в поле освещения военной журналистики также попал конфликт в Сирии, участие в котором российских войск позиционировалось и позиционируется как дружеская помощь. На этом акцентировал внимание президент Сирии Башар Асад в 2013 году: ««Страны, которые стоят с нами на мировой арене, - это Россия и Китай, а на региональном уровне – это Иран. Но я могу сказать, что в мире идет позитивное изменение: некоторые страны, которые стояли радикально против нас, стали менять свои позиции, а другие уже восстанавливают отношения с Сирией. И есть страны, которые поддерживают нас не напрямую. Есть ряд государств, которые поддерживали террористов в Сирии в открытую, - это Катар и Турция»²⁴⁷.

Российские войска вступили в конфликт в 2015 году, и освещение боевых действий различными СМИ велось в условиях колоссального

---

²⁴⁷ Союзники Сирии. Электронный ресурс: <https://regnum.ru/news/1698846.html>

плюрализма точек зрения²⁴⁸. Сирийский конфликт рассматривается как часть более масштабного политического кризиса – так называемой «арабской весны», и широко освещается также в прессе: «объектом пристального внимания просирийской прессы являются:

1. Курдский вопрос (сообщается о столкновениях между курдами и ССА).

2. Деятельность политической и вооруженной оппозиции (особенно под пристальным вниманием находится стремление «временного правительства» Сирии заполучить место Сирии в международных организациях, вместе с тем подчеркивается их политическая несостоятельность).

3. Число уничтоженных боевиков и террористов.

4. Успехи сирийской армии.

5. Тема химического оружия.

6. Военно-политическая поддержка со стороны Ирана и России.

7. Официальная позиция США и мировых западных изданий в сирийском вопросе, а также необходимость оценки в рамках международного закона действий лиц и стран, причастных к террору в Сирии и незаконной продаже сирийской нефти»²⁴⁹.

Вехи семиотизации конфликта в Сирии в российских СМИ во многом схожи с освещением конфликта в Афганистане: Россия выступает как независимая сторона, гарантирующая мир и порядок в регионе. Так, в интервью министра иностранных дел Сергея Лаврова обозначены следующие ключевые моменты: «Кто должен находиться у власти в Сирии - решать самому народу. Мы защищаем не режим, а справедливость, суверенное право самих сирийцев на демократический выбор. Россия выступает за немедленное и скоординированное прекращение огня всеми сторонами при

---

²⁴⁸ Роль СМИ в Сирийском конфликте. Электронный ресурс: <http://www.belvpo.com/ru/32149.html>

²⁴⁹ Акопян А. Сирийский конфликт как феномен «Арабской весны». Режим доступа: <http://www.noravank.am/upload/pdf/4445.pdf>

беспристрастном международном мониторинге, за оказание гуманитарной помощи гражданскому населению, начало общесирийского диалога без предварительных условий. Наша цель – достижение мира, сохранение человеческих жизней, недопущение межконфессионального взрыва на Ближнем Востоке, поддержание стабильности и безопасности в непосредственной близости от наших границ. Альтернатива – разрушительная гражданская война с непредсказуемыми региональными последствиями»²⁵⁰.

Фото- и видеоработы российских журналистов подчеркивают разрушение всего живого в Сирии: снимаются и демонстрируются ряды трупов, полностью разрушенные города и пр. Макабрические картины смерти необходимы для того, чтобы тенденциозно подать информацию: война в Сирии смертоносна, для фоторепортажей намеренно подбираются наиболее отталкивающие и страшные картины. Российские СМИ в освещении сирийского конфликта используют, главным образом, изосемические конструкции и указывают на прямых акторов этой войны, например: «Обама обратился к Путину с просьбой оказать давление на власти Сирии»²⁵¹.

В имплицатуре освещения конфликта в Сирии актуализирована топика «холодной войны»: основным противником является США, подчеркивается бесчеловечный способ ведения этим государством войны. Российские войска на стороне мира и созидания: они помогают сохранять культурные ценности, эвакуировать мирное население, организуют концерты в разрушенных городах и пр.

Сирийский конфликт разворачивался и освещался при активном взаимодействии с социальными сетями и контентом «непрофессиональных журналистов». В то же время в период активных боевых действий еще не

---

²⁵⁰ Россия поддерживает не режим Асада. Электронный ресурс: <http://tass.ru/politika/507362>

²⁵¹ Обама обратился к Путину с просьбой оказать давление на власти Сирии. Электронный ресурс: <http://tass.ru/info/675474>

было эффекта «инфодемии», который оказал непосредственное влияние на специфику позиционирования и семиотизации конфликта в новейшее время.

Военная журналистика отличается специфическими способами введения в информационное поле новых объектов²⁵². Средства массовой информации в современном мире постоянно сталкиваются с задачей введения в информационное поле новых понятий и формирования комплекса оценки этих понятий в сознании аудитории. Информационное поле определяется как «разновидность информационного пространства, имеющую исторические, географические, политические, экономические, национальные и культурологические границы, фиксированный на каждый временной отрезок набор субъектов поля, которые участвуют в производстве, переработке, хранении и распространении массовой информации на численно большие и рассредоточенные в пределах названных границ массовые аудитории»²⁵³. Социально-политическим ресурсом информационного поля выступает массовая информация, а субъектом – средства массовой информации.

В современных реалиях регулярно возникают новые явления, относительно которых необходимо сориентировать аудиторию, показать, является ли данное явление отрицательным или положительным. Особенный научный и практический интерес представляет собой использование лингвистических средств формирования образа нового события в сфере военной журналистики: традиционно связанная с интересами государства, военная журналистика, как правило, использует инструментарий введения нового объекта в информационное поле в двух ракурсах: в мирное время и во время ведения боевых действий. Ведение боевых действий подразумевает

---

²⁵² Материал отсюда и до конца главы вошел в текст статьи Шуйская Ю.В., Цицинов А.Ю. – Лингвистические средства введения объекта в информационное поле на материале дискурса военных медиа // Филология: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 16 - 22. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.4.37905

²⁵³ Правдивец В.В., Ротман Д.Г., Русакевич В.В. Информационное поле республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие. – Минск, Зималетто, 2009. – С. 8.

освещение действий противника и своих войск, и в данном случае, как правило, не возникает задачи введения в информационное поле принципиально нового объекта: символический зонтик освещения военного конфликта не меняется со времен зарождения института военных корреспондентов.

В рамках данного исследования рассмотрим лингвистические средства, используемые в дискурсе военной журналистики в мирное время. В качестве примеров формирования положительного образа принципиально нового феномена рассмотрим два разноплановых объекта: спортивную армейскую игру «танковый биатлон», которая возникла 9 лет назад, и главный храм вооруженных сил Российской Федерации, построенный к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2020 г.

Танковый биатлон возник в информационном поле военной и гражданской журналистики как необычный, новый вид спорта. Первые соревнования в этом виде спорта с участием команд из других стран прошли в 2013 году, и их освещение в средствах массовой информации первоначально акцентировало неординарность события. Так, статья И. Петрова на информационном портале «РБК», написанная в дни проведения первых соревнований, изобилует имплицитными и эксплицитными отсылками к нетипичности, необычности комментируемого события. Заголовок статьи вкупе с лидом «Для тех, кто в танке. Зачем Шойгу придумал «танковый биатлон» и как в него играть» отсылает к традиционным заголовкам российской прессы, восходящим к византийской традиции подачи информации²⁵⁴. Использована отсылка к прецедентной фразе, при этом выставляющая феномен в иронично-негативном свете: иносказательно «быть в танке» означает «не понимать чего-то, не знать, быть не в курсе». Заголовок обыгрывает неизвестность, новизну обсуждаемого

---

²⁵⁴ Петров И. Для тех, кто в танке. Зачем Шойгу придумал «танковый биатлон» и как в него играть // Электронный ресурс <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/08/14/56c139479a7947299f72df60>

феномена: «в танке» не только участвующие в играх спортсмены, но, в первую очередь, читатели материала, которые узнают о существовании нового вида спорта и нового соревнования.

Далее по тексту подчеркивается новизна и неординарность мероприятия: «Подмосковный полигон Алабино заполнили боевые танки Т-72Б необычно яркой окраски (красные, синие, желтые). ... «Танковый биатлон» — еще одна из идей, привнесенных в ранее неповоротливую армейскую машину Сергеем Шойгу. ... По словам организаторов, непривычная небоевая раскраска сделана для удобства зрителей»²⁵⁵. В пресуппозиции текста – посылка «такого никогда ранее не было», что подчеркивается многократными повторениями эпитетов «непривычный», «необычный» и их синонимов.

Разбор первых соревнований в журнале «Популярная механика» в сентябре 2013 года следует той же канве освещения события: использование в заголовке прецедентного высказывания и далее по тексту акцентирование необычности и неординарности происходящего: «Танковый биатлон: как это работает. «Броня крепка, и танки наши быстры». Чтобы и сегодня никто не усомнился в актуальности этих слов из песни, Министерство обороны РФ организовало два показательных мероприятия, демонстрирующих возможности современных российских танков и выучку боевых экипажей»²⁵⁶. В пресуппозиции данного текста – явление загадки, тайны, а само название «танковый биатлон» встраивается в семантическое поле «виды спорта» с акцентированием экзотики: «Словосочетание «танковый биатлон» все мы впервые услышали этим летом. Поначалу было ощущение, что есть в этом названии нечто несерьезное, что-то в духе пейнтбола или конного поло. Концепцию нового начинания российских военных пришлось разгадывать

---

²⁵⁵ Петров И. Для тех, кто в танке. Зачем Шойгу придумал «танковый биатлон» и как в него играть // Электронный ресурс <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/08/14/56c139479a7947299f72df60>

²⁵⁶ Макаров О. Танковый биатлон: как это работает // Электронный ресурс <https://www.popmech.ru/adrenalin/14758-dva-dnya-vmeste-s-tankami/>

прямо на месте – на полигоне в подмосковном Алабино»²⁵⁷. Далее в тексте, как и в предыдущем варианте, используются эпитеты «необычный», «нетипичный» и им подобные: «Зрелище, признаться, поразило своей необычной режиссурой. Все началось с того, что перед удивленными глазами гостей дважды пролетел ИЛ-76, распыливший в воздухе водяную взвесь, в которой тут же заиграла радуга. Продолжением этой радуги казались стоявшие на земле две четверки танков (основная и резервная), выкрашенных в красный, желтый, голубой и салатный цвета. Все это радужное многоцветье показалось явно нетипичным для мероприятий с участием военнослужащих Российских вооруженных сил»²⁵⁸.

Таким образом, ввод понятия «танковый биатлон» в информационное поле ознаменовался акцентированием необычности и в то же время привязкой «нового к старому»: в двух первых статьях о новом виде спорта использованы прецедентные высказывания, имеющие в составе слово «танк». Стратегия озаглавливания текста с использованием прецедентных высказываний, характерная для российских СМИ, не предполагает прямой связи использованного высказывания с дальнейшим содержанием текста. Как показывает Р.Ю. Анисимов²⁵⁹, подобные заголовки нуждаются в пояснении в лиде – первая фраза текста связывает его дальнейшее содержание с общей апперцепционной базой читателя и автора.

В дальнейшем соревнования по танковому биатлону стали проводиться регулярно, и их освещением стали заниматься специализированные военные СМИ, в частности – холдинг «Звезда». Конвергентное СМИ посвятило новому виду спорта отдельный раздел на сайте. Следует отметить, что на страницах «Звезды» танковый биатлон освещается уже как типичное и

---

²⁵⁷ Там же

²⁵⁸ Макаров О. Танковый биатлон: как это работает // Электронный ресурс <https://www.popmech.ru/adrenalin/14758-dva-dnya-vmeste-s-tankami/>

²⁵⁹ Anisimov R.Y. The newspaper headline in the digital reality: from “hook” to text surrogate // XXIII International Conference “Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research” named after professor L.N. Kogan. 19-21 March, 2020. – Yekaterinburg, 2020. – PP. 231- 235.

привычное явление: на протяжении 9 лет в соревнованиях традиционно побеждает российская команда, в победе которой уже нет никакой сенсации. Так, 4 сентября 2021 года, в день проведения финала соревнований, на сайте tvzvezda.ru друг друга последовательно сменяли следующие заголовки²⁶⁰:

Россия победила в финале «Танкового биатлона»

Российские военные показали лучший результат в «танковом биатлоне»: победные кадры

Объявлены результаты финала «танкового биатлона»

Механик-водитель российской сборной «танкового биатлона» раскрыл секрет победы

Дмитрий Булгаков вручил кубок победителям «танкового биатлона»

Начальник Генштаба ВС РФ вручил сборной России кубок победителей АрМИ-2021

«Китай наступал на пятки»: военные РФ поделились эмоциями после победы на «Танковом биатлоне»

Все заголовки представляют собой уже не отсылку к прецеденту, через которую в информационное поле вводится некая принципиально новая информация, а напротив, изосемическую конструкцию с подлежащим и сказуемым: «Россия победила», «военные показали», «механик раскрыл», «Дмитрий Булгаков вручил» и пр.

В последнем материале, опубликованном 4 сентября 2021, в 21-14, акцент сделан на позитивные характеристики события: «Эмоций масса, ощущения хорошие, чувствуешь себя победителем. Мы долго старались, долго трудились. У нас все получилось, все по плану. Были небольшие казусы, но ничего, мы с ними тоже справились», - сказал один из участников»²⁶¹. В пресуппозиции текста – уже не тайна или загадка, а известное, понятное и во многом предсказуемое событие. Если

²⁶⁰ Танковый биатлон // Электронный ресурс <https://tvzvezda.ru/news/tank-biathlon-2021/>

²⁶¹ Танковый биатлон // Электронный ресурс <https://tvzvezda.ru/news/tank-biathlon-2021/>

рассматривать это высказывание в отрыве от контекста, оно могло бы относиться к любому виду деятельности: фраза участника не содержит никакой конкретной информации. Освещение события, таким образом, двигалось от введения «нового через старое», то есть через отсылку к прецедентному феномену, к нейтральным конструкциям с преобладанием положительных эпитетов, акциональных конструкций.

Пример освещения события, по отношению к которому шутки с использованием прецедентных феноменов, неуместны, - это введение в информационное поле концепта главного храма вооруженных сил. Храм был задуман в 2018 году, и первые официальные сообщения о нем характеризовались теми чертами, которые выше выявлены в освещении танкового биатлона как уже известного явления: использование изосемических синтаксических конструкций, наличие конкретных субъектов действия. Так, первое упоминание о намерении построить храм содержит отсылку к авторитету и семиотизацию задуманного проекта в положительном ключе: «Министр обороны Российской Федерации генерал армии Сергей Шойгу первым внёс пожертвование из личных средств на строительство главного храма Вооруженных Сил.

4 сентября в ходе селекторного совещания с участием руководящего состава Вооруженных Сил глава военного ведомства объявил о принятом с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла решении по созданию главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации в честь Вознесения Христова»²⁶².

В данном тексте наблюдаются конструкции с использованием конкретного субъекта и глагола в активном залоге: «министр внес», «глава военного ведомства объявил». В дальнейшем постройка храма освещалась с

---

²⁶² Министр обороны РФ первым внёс пожертвование на строительство Главного храма ВС РФ // Электронный ресурс https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12194460@egNews

упоминанием сумм пожертвований, конкретных результатов: все больше денег было собрано, все больше частей храма возведено.

В обоих случаях вдохновителем новых событий – и соревнований, и постройки храма – является непосредственно министр обороны, отсылка к решению которого эксплицитно упоминается журналистами. Если целевой аудиторией текстов являются, в первую очередь, сами военнослужащие, то обращение к высшему авторитету – старшему по званию, министру обороны государства – подразумевает отсылку к действующей иерархии чинов. Новый объект вводится в информационное поле как часть приказа, который принято не обсуждать, а исполнять.

При этом в текстах, посвященных храму, присутствует отсылка к прецедентам, выраженная не в форме шутки или каламбура (как в освещении танкового биатлона), а как дань памяти погибшим в Великой Отечественной войне: в публикациях разъясняется символика конструкции храма. «центральный барабан храма диаметром 19,45 метра повторяет год окончания Великой Отечественной войны. На территории комплекса будет расположена галерея памяти длиной 1418 шагов – по количеству дней и ночей войны, в которой с помощью технологии микрофотографии поместят 33 млн фотографий участников войны.

Также планируется, что высота звонницы составит 75 метров – в честь годовщины Победы, к которой планируется возведение храма, высота малых куполов – 14 метров 18 сантиметров»²⁶³.

Семиотизация через отсылку к событиям Великой Отечественной войны указывает на своеобразно восполнение исторического пробела. Священники принимали участие в боевых действиях тайно, многие из них продолжали свое служение вопреки позиции государства: «в те советские антирелигиозные времена зачастую священники, дьяконы выполняли свои

---

²⁶³ Макет Главного храма Вооружённых Сил РФ представили на выставке «Современная русская церковная архитектура» в Венеции // Электронный ресурс https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12204912@egNews

церковные обязанности фактически нелегально. Тем более если волею случая такой человек оказывался призванным в ряды Вооруженных сил. Ну а руководству Красной Армии не было никакого идеологического резона афишировать участие в борьбе с гитлеровцами лиц духовного звания. В итоге мы сейчас имеем лишь очень разрозненные сведения о подвигах, совершенных на фронте и на оккупированной территории лицами духовного звания»²⁶⁴. Само же по себе появление военного храма, военного священника не является чем-то беспрецедентным: в армии Российской империи служили священники, причем различных конфессий, на поле боя возводились временные передвижные храмы²⁶⁵.

Таким образом, стратегия введения нового объекта в информационное поле в дискурсе военной журналистики включает в себя, во-первых, обращение к общей апперцепционной базе, к фонду знаний, которым обладает читатель. В каких-то случаях обращение идет через ближайшее известное понятие (принципиально новый вид спорта с участием танковых экипажей вводится через отсылку к прецедентным текстам со словом «танк»), в каких-то – семиотизация явления опирается на сумму знаний об истории государства. Далее, когда объект становится уже известным и начинает приобретать в инфополе устойчивые характеристики, журналисты переходят к типовым способам выстраивания оценки через положительные эпитеты. Примечательным для дискурса военной журналистики является широкое использование активных распространенных конструкций и отсутствие метафоризации объекта. Исследования, посвященные публицистическому стилю²⁶⁶, выделяют именно метафору как основной способ формирования оценки объекта или явления, однако специфика

²⁶⁴ Добровольский А. Неизвестные факты о священниках на войне: «Предал полиция анафеме» // Электронный ресурс <https://www.mk.ru/social/2021/05/07/neizvestnyue-fakty-o-svyashhennikakh-na-voyne-predal-policaaya-anafeme.html>

²⁶⁵ Семенова Г.В., Тутова А.М. Военное духовенство в годы Великой войны // Электронный ресурс <https://tzar.ru/objects/museumgreatwar/clergy>

²⁶⁶ Клушина Н. И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь, 1996. №5. – С. 36-42.

коммуникативной ситуации и целевой аудитории предопределяет использование слов в прямом значении.

3.2. Медиаполе инфодемии и новые способы освещения военного конфликта

События и технологии, описываемые в настоящем параграфе, нуждаются в подробном анализе спустя годы и десятилетия. Исследователь, пребывающий «в моменте», зачастую не имеет объективных данных и не видит полноты картины. Данный параграф представляет собой попытку систематизации актуальных способов и методов освещения военного конфликта 2022 года по состоянию на конец марта 2022 года.

По нашему мнению, ситуация, сложившаяся в современной военной журналистике, во многих отношениях связана с наследием гражданской журналистики, и, прежде всего, пандемией коронавирусной инфекции. Решающим фактором стал продолжительный период самоизоляции, режим жесткости и длительность которой варьировались в разных государствах, однако момент разрыва социальных связей и нарушения привычного ритма жизни присутствовали практически везде. Не преувеличивая, можно сказать, что среди населения Земли практически отсутствуют люди, в жизни которых в 2020 году не произошло никаких изменений.

Долгая изоляция спровоцировала, среди прочего, экстенсивный рост любительского контента в Интернете: множество профессий перешли в онлайн, и даже тем, кто ранее не умел и не хотел работать с видеоконтентом, пришлось этому учиться. Учителя снимали видеоуроки, ученики – выполнение задания, многочисленные представители разных профессий – обучающие инструкции и пр.

Инструментом для генерации контента и его распространения стала платформа TikTok, начало широкого распространения которой совпало с началом пандемии. Социальная сеть Tik Tok стала чрезвычайно популярной

в 2020 году, когда впервые был отмечен рост количества скачиваний соответствующего мобильного приложения. Взрывной рост популярности этой социальной сети начался в январе 2020: по данным исследования компании Sensor Tower, в декабре 2019 по количеству скачиваний лидировало мобильное приложение Facebook, а в январе 2020 – Tik Tok²⁶⁷.

При нарастающей популярности социальной сети Tik Tok, ежемесячном приросте нескольких сотен миллионов аккаунтов²⁶⁸ и совокупном просмотре нескольких миллиардов роликов в месяц по данным 2019 года²⁶⁹ научные исследования этой сети на сегодняшний день единичны. Т.Л. Каминская, анализируя Tik Tok в ряду других новейших социальных сетей и медиаплатформ, отмечает медийную природу этой платформы, приравнивающую ее контент к полноценному СМИ: «возможность каждому быть медиа проявилась особенно явно при внедрении во всем мире в последнюю пятилетку медийных платформ («Яндекс. Дзен», Tik Tok и подобных), которые вовлекли в качестве авторов и потребителей десятки миллионов людей за считанные годы»²⁷⁰. И.И. Епишкин и его соавторы, ставшие первыми исследователями феномена Tik Tok в России, указывают на ключевой источник популярности этой социальной сети – автоматически подбираемую и репрезентируемую ленту рекомендаций: «Ключевым источником трафика внутри социальной сети является раздел «Рекомендации», в котором платформа показывает пользователям отбираемый специальными алгоритмами контент. Судя по реакции пользователей в комментариях и большом количестве роликов, принцип

---

²⁶⁷ Sensor Tower Blog Top Social Media Apps Worldwide for January 2020 by Downloads Электронный ресурс: <https://sensortower.com/blog/top-social-media-apps-worldwide-january-2020>

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Епишкин И.И., Искакова Е.Б., Лаврик А.А. Анализ интересов и предпочтений российской аудитории социальной сети Tik Tok // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 4. 2019. С. 63.

²⁷⁰ Каминская Т.Л. «Фактор адресата» в современной медийной ситуации. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 109.

попадания контента в данный раздел является непредсказуемым»²⁷¹. В студенческих исследованиях Tik Tok, предпринятых Д.А. Богомоловой²⁷² и Е.А. Федоровой²⁷³, отмечается колоссальный рекламный и маркетинговый потенциал Tik Tok как платформы.

События января 2021 года продемонстрировали, что платформа Tik Tok имеет также ресурс политического влияния. Н. Зотова отмечает стремительную политизацию аудитории Tik Tok, также связывая этот феномен с системой рекомендаций: чем больше политических видео пользователи размещают в сети, тем больше шансов увидеть такие видео даже у тех, кто не увлечен политикой²⁷⁴. Схожие суждения высказывает А. Прокопенко²⁷⁵, называющий Tik Tok «рупором молодежи».

Рассмотрим риторические техники воздействия на аудиторию Tik Tok, которые, наряду с системой рекомендаций, привели к возникновению масштабного социального отклика не только в социальных сетях, но и в реальной жизни. Конфликт 2022 года – первый вооруженный конфликт, массово освещаемый блогерами-любителями в TikTok. Как отмечают практически все исследователи феномена Tik Tok, основным фактором роста популярности платформы является уникальная система выдачи контента. В других популярных социальных сетях пользователю необходимо было добавлять друзей, вступать в сообщества, чтобы видеть контент: содержание

---

²⁷¹ Епишкин И.И., Исакова Е.Б., Лаврик А.А. Анализ интересов и предпочтений российской аудитории социальной сети Tik Tok // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 4. 2019. С. 63.

²⁷² Богомолова Д.А. Социальная сеть Tik Tok как элемент интегрированных маркетинговых коммуникаций // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4. С. 572 – 576.

²⁷³ Федорова Е.А. Tik Tok как новая медиаплатформа. // XII Всероссийский форум по связям с общественностью в сфере кино и телевидения «PRКИТ-2019». Материалы студенческой научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2020. С. 175 – 178.

²⁷⁴ Зотова Н. «Каждое третье видео - про «дворец Путина». Как «ТикТок» захлестнула протестная волна // Электронный ресурс: <https://www.bbc.com/russian/features-55757215>

²⁷⁵ Прокопенко А. Соцсеть TikTok в России: рупор молодежи? (29.01.2021) // Электронный ресурс: <https://www.dw.com/ru/соцсеть-tiktok-в-россии-рупор-молодежи-29012021/av-56387517>

изначально определялось его предпочтениями. Tik Tok предъявляет новому пользователю видеоролики, которые оказались наиболее популярными у других пользователей, а затем алгоритм подстраивается под предпочтения, ориентируясь не только на лайки и репосты, но и на время просмотра видео: чем больше пользователей посмотрели видеоролик до конца, тем выше его популярность.

В результате пользователь получает хаотичную ленту видео, в которой в случайном порядке появляются видео с развлекательным контентом, любительская съемка домашних питомцев и пр. и наряду с этим – политические призывы. Большинство роликов Tik Tok не имеют какого-либо риторического пафоса: их создатели никого ни к чему не призывают, а просто производят развлекательный контент, цель которого – повысить их популярность. В то же время растет популярность видеороликов, которые можно условно назвать «риторическими»: пользователи эксплицитно обозначают свое недовольство политической ситуацией в стране, призывают предпринять какие-либо действия и пр. Видео снимают участники боя, солдаты (несмотря на запрет использования социальных сетей действующими военнослужащими во время выполнения боевой задачи), мирные жители, очевидцы. Вооруженный конфликт отличается затяжными боями в городской среде, при обширном присутствии гражданского населения, и его освещение доступно практически любому блогеру-любителю.

Рассмотрим композицию риторических видеороликов платформы Tik Tok. Риторическими предлагается считать видеоролики, которые не содержат в себе развлекательной составляющей и включают выраженный устно либо письменно (с помощью надписей, помещаемых на экране поверх видеоряда, хэштегов, описания видео) призыв предпринять нечто, доступное аудитории. В качестве материала выбраны ролики по теме, размещенные в январе 2021, касающиеся политического контента.

Особенность устных и письменных высказываний на платформе Tik Tok – в сверхкратком формате видео. В первоначальной версии приложение допускало видео длиной до 1 минуты²⁷⁶, версия 2021-2022 года позволяет добавлять видео длиной до 3 минут. Однако наиболее популярными являются краткие ролики длиной 10-15 секунд, составляющие основу ленты рекомендаций (в том числе и по той причине, что такой короткий ролик до конца досматривает большинство пользователей). В такой короткий промежуток времени оратор успевает сказать всего несколько фраз, и композиция его выступления сокращается до диады «логос-пафос» (то есть он сразу переходит к обоснованию призыва и непосредственно к призыву), а этос подразумевается имплицитно: само появление видеоролика в Tik Tok предполагает идентификацию оратора как «своего», заслуживающего доверие аудитории.

Краткий видеоролик (до 20 секунд) на платформе Tik Tok имеет значительно больше шансов быть просмотренным пользователями в силу специфики выдачи контента. За 15-20 секунд внятно изложить развернутую риторическую аргументацию невозможно: оратор успеет в лучшем случае предъявить один аргумент. Анализ 867 риторических роликов, размещенных пользователями в декабре 2020 – январе 2021 года, найденных в выдаче рекомендаций ленты и по хэштегу #политика, показал, что композиция сверхкратких выступлений имеет некоторые общие черты, позволяющие проследить генеалогию риторической структуры видеороликов Tik Tok, которая восходит к восьмичастной схеме Квинтилиана²⁷⁷, урезанной и адаптированной для нужд Tik Tok.

В соответствии с оригинальной задумкой схема Марка Фабия Квинтилиана включала в себя развернутое формирование этоса, логоса и

---

²⁷⁶ Епишкин И.И., Исакова Е.Б., Лаврик А.А. Анализ интересов и предпочтений российской аудитории социальной сети Tik Tok // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 4. 2019. С. 63.

²⁷⁷ Шуйская Ю.В. Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней. // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А. С. 302.

завершающего выступление пафоса. Первая часть выступления, обращение, подразумевала, что оратор не просто приветствует аудиторию, но обозначает свое этическое право на речь (за исключением тех случаев, когда слушатели уже знакомы с оратором): статус или объем знаний, позволяющий ему выступать. Далее, во второй части, которую Квинтилиан называл «именование темы», предполагается обозначение темы в общем виде – не эксплицитный призыв, но общее обозначение направления развертывания информации.

Основными способами воздействия на аудиторию в схеме Квинтилиана были части с третьей по шестую: повествование, описание, доказательство и опровержение. Как показывает Ю.В. Шуйская²⁷⁸, эти четыре части предполагали хронологическое развитие темы: оратор описывал историю вопроса (повествование), переходил к фиксации ситуации в настоящем времени (описание), затем обозначал перспективы на будущее (доказательство) и отвечал потенциальным оппонентам (опровержение). Хотя эксплицитный призыв что-либо предпринять содержался лишь в седьмой части (воззвание), фактически части схемы Квинтилиана с третьей по шестую готовили слушателя к принятию побуждающего призыва и составляли основное содержание речи. Завершалось выступление заключением – краткой рекапитуляцией с повтором основных тезисов.

Схема Квинтилиана была основана на проработке римским ученым опыта выступлений признанных ораторов Древней Греции и Древнего Рима и была рассчитана на многочасовые выступления. Популярность труда Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений» привела к включению восьмичастной схемы в стандартный курс изучения риторического мастерства в античной, а затем и в средневековой традиции. В качестве рекомендуемой структуры построения развернутого высказывания схема Квинтилиана существует уже две тысячи лет, воспроизводясь в риториках разных эпох. Эта схема присутствует в качестве

---

²⁷⁸ Там же, с.309.

рекомендательной в современных учебниках²⁷⁹, однако ее частичное использование современными авторами видеороликов в Tik Tok объясняется, по нашему мнению, не присутствием схемы Квинтилиана в учебниках и руководствах Пользователи Тик Ток вряд ли читают учебники в поисках риторических рекомендаций.

По нашему мнению, эта схема воспринимается имплицитно: многие известные выступления, программные речи политиков и общественных деятелей построены по ней, в связи с тем, что человек, получающий образование в школах и вузах Европы и США, практически не представляет себе иного способа развертки темы. Разработанная Квинтилианом техника построения выступления усваивается через образцы: так, например, книга С.С. Монтефиоре «Речи, которые изменили мир», содержит 100 значимых для современного общества выступлений, большинство из которых построены по полной либо лишенной какой-либо из композиционных частей схеме Квинтилиана²⁸⁰. Также К.Ф. Герейханова и Ю.В. Шуйская отмечают, что схема Квинтилиана лежит в основе современной практики написания и верификации студенческих и аспирантских научных работ²⁸¹ – следовательно, человек, получающий или имеющий высшее образование, также с ней косвенно знаком. Классическая схема воспринята современным пользователем и активным создателем контента как культурный код, который, по определению И.В. Кирии и А.А. Новиковой, становится основным элементом интерпретации контента современных медиа: «Кодирование и (или) декодирование как модель, таким образом, предполагает, что кодом является отнюдь не язык (как полагали ранние примитивные линейные модели коммуникации), а культура, воплощаемая в сложной системе правил и значений социальных процессов,

---

²⁷⁹ Волков А.А. Курс русской риторики. М.: Русская панорама, 2013. 416 с. Михальская А.К. Риторика. М.: ИНФРА-М, 2019. 480 с.

²⁸⁰ Montefiore S.S. *Speeches that changed the world*. Cambridge: Cambridge Editorial Partnership, 2010. 224 p.

²⁸¹ Герейханова К.Ф., Шуйская Ю.В. Трансформация схемы верификации научного знания в современной научной периодике. // Казанская наука. 2020. № 12. С. 42.

интерпретируемых людьми в зависимости от их повседневной жизни»²⁸². Не зная непосредственно самой схемы Квинтилиана, современный юноша или подросток опосредованно воспринимает ее за счет глубокой интегрированности схемы в европейскую культуру и практику речевого воздействия.

Анализ 867 видеороликов, размещенных в русскоязычном сегменте Tik Tok в течение декабря 2020 – января 2021, длительностью до 20 секунд, выбранных из ленты рекомендаций, а также по хэштегу #политика, и условно соответствующих описанному выше критерию «риторических», показал следующее. Выступающие интуитивно либо намеренно komponуют свои выступления по принципу «одна из частей середины схемы Квинтилиана + воззвание»: то есть из полной аргументативной развертки, задуманной как всестороннее описание проблемы, готовящее почву для изменения точки зрения аудитории, выбирается один из элементов, наиболее близкий выступающему либо наиболее соответствующий выбранной теме. Так, 111 роликов построены по схеме «повествование + воззвание», 302 – по схеме «описание + воззвание», 260 – по схеме «аргумент + воззвание» и 194 – по схеме «опровержение + воззвание». Рассмотрим далее наиболее показательные примеры каждого типа.

Вариант «повествование + воззвание» подразумевает описание истории вопроса – по Квинтилиану, погружение в историю может быть как достаточно глубоким (вплоть до древнейших времен), так и весьма поверхностным, главное в данном случае – именно развертывание хронологической последовательности. К этой модели воздействия прибегает, например, пользователь @nicheboka²⁸³ в ролике от 26.01.2021 – он с помощью нарезки кадров демонстрирует историю протестных выступлений в России XXI века. Данная хронологическая последовательность используется

---

²⁸² Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 357.

²⁸³ Ничебока // Электронный ресурс: <https://www.tiktok.com/@nicheboka>

как аргумент для призыва к участию в протестных выступлениях и митингах.

Использование повествования как способа убеждения в исходной схеме Квинтилиана задумывалось как постепенный переход от прошлого к настоящему: для слушателя граница между частью «повествование» и частью «описание» должна была быть незаметной. Построение повествования и подача фактов подразумевали подготовку аудитории к принятию соответствующего решения: излагались только те факты, которые поддерживают позицию оратора. Пользователи Tik Tok, прибегающие к этой композиции, следуют указанному принципу – краткий формат популярных видео не дает им возможности изложить разные точки зрения и уделить внимание всем известным фактам.

Описание положения дел в настоящее время, сопровождающееся воззванием – призывом что-либо делать – является наиболее популярным вариантом композиции. Более трети из общего объема проанализированных кратких видео основаны именно на таком варианте воздействия на аудиторию. Описание сопровождается кадрами-иллюстрациями: так, например, пользователь @nazorka²⁸⁴ 23 января 2021 выкладывает кадры с улиц г. Краснодара, сопровождая их своими комментариями вида «вот стоят машины», то есть, фактически, констатируя наличие/отсутствие в поле зрения каких-либо объектов. В схеме Квинтилиана описание предполагалось как подталкивающее к принятию решения: оратор должен был в этой части выступления сформировать у аудитории ощущение неудовлетворенности, показать, что ситуация в настоящее время не идеальна и нуждается в каких-либо срочных действиях. В указанном видео пользователь фактически формирует восприятие ситуации за счет своего комментирования: не демонстрируя никаких кадров активных действий, он говорит «сейчас начнется жесть», тем самым моделируя восприятие аудитории – он

---

²⁸⁴ Nazorka // Электронный песчур: <https://www.tiktok.com/@nazorka>

присутствует на месте событий, а его зрители нет, и они могут видеть ситуацию только его глазами.

Часть схемы Квинтилиана, именуемая «доказательство», подразумевала развертывание различных аргументативных моделей – аргумента к причине, к цели, к субъекту и т.п. Квинтилиан предполагал, что оратор производит отбор аргументов из выработанного им корпуса, опираясь на известные ему данные о количестве слушателей, их возрасте, поле, социальном статусе и т.д. Подготовка аргументов к выступлению уже в Средние века была сведена к разработке только той аргументации, которая будет включена непосредственно в само выступление²⁸⁵: полной разработки по системе топосов с последующим отбором не проводилось. Пользователи Tik Tok, как правило, прибегают к аргументации с помощью частного примера, используя в качестве подкрепления своей позиции единичный случай. Так, например, пользователь maks1m0ff²⁸⁶ 19 января 2021 года размещает видео, представляющее собой «пример в примере»: на фоне его лица демонстрируется снимок текста с Instagram, где анонимный пользователь рассказывает историю о своей поездке в такси.

Опровержение задумывалось Квинтилианом как наиболее драматичная часть выступления: прослушавшим большую часть речи и уже утомленным слушателям предлагается проследить за борьбой с оппонентом. По замыслу Квинтилиана, триумфальное развенчание доводов противника должно было окончательно укрепить аудиторию в ее верности позиции оратора.

Модели опровержения, используемые пользователями Tik Tok, в основном подразумевают апелляцию к некоему условному противнику – абстрактному множеству людей, которые не поддерживают политическую позицию оратора. Так, например, пользователь maybechrise²⁸⁷ 2 декабря 2020 выкладывает видео, в котором на фоне музыкального сопровождения

---

²⁸⁵ Шуйская Ю.В. Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней. // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А. С. 309.

²⁸⁶ Maks1m0ff // Электронный ресурс: <https://www.tiktok.com/@maks1m0ff>

²⁸⁷ Каменская К. // Электронный ресурс: <https://www.tiktok.com/@maybechrise>

демонстрируется статистика: сколько школ, больниц и т.д. было в России в 2000 году и стало в 2020. Эта статистика показывает существенное уменьшение количества школ и больниц за 20 лет и подается как ответ условным «многим россиянам», считающим, что их жизнь улучшилась. Следует отметить, что в комментариях мало кто апеллирует к верификации указанной статистики, пользователи в основном сочувствуют и поддерживают блогера, имплицитно соглашаясь с ее опровержением позиции «многих людей».

Таким образом, в риторических видеороликах платформы Tik Tok прослеживается применение композиционных и структурных моделей античной риторики. В соответствии с новыми требованиями аудитории и формата, классическая схема разбита на части, и выступающие прибегают к ее использованию бессознательно, ориентируясь на известные им образцы красноречия.

Рост популярности платформы Tik Tok в мире и в российском сегменте интернета представляет собой интересный социальный феномен, нуждающийся в глубоком изучении. Еще больший интерес представляет эволюция российского Tik Tok – от развлекательной социальной сети к реальной воздействующей силе. Технические особенности платформы позволяют любому зарегистрированному пользователю снимать и выкладывать видеоролики, причем наибольшей популярностью пользуются максимально короткие ролики, длительностью до 20 секунд. Формат Tik Tok становится основным средством усвоения информации и узнавания новостей, в особенности для аудитории молодежи и подростков. По широте охвата и скорости распространения информации Tik Tok уже сегодня может быть приравнен к широкоэмитальным средствам массовой информации, и количество его пользователей постоянно растет.

Анализ риторического контента российского Tik Tok показал, что пользователи применяют технологии воздействия на аудиторию, восходящие к риторическим техникам античности. В частности, в древнеримской

риторике была разработана схема Квинтилиана, задуманная как исчерпывающее развертывание аргументации по заданной теме. Целью использования этой схемы было присоединение аудитории к точке зрения оратора. Схема Квинтилиана представляла собой целостную композицию, ориентированную на хронологическое развитие темы и включала в себя восемь частей – четыре кратких вспомогательных (обращение, именование темы, воззвание и заключение) и четыре основных, воздействующих на аудиторию – повествование, описание, доказательство и опровержение.

Современные ораторы, использующие в качестве трибуны Tik Tok, используют сокращенную версию схемы Квинтилиана – соединяют одну из основных частей с вспомогательной – воззванием, представляющим собой непосредственный призыв к аудитории предпринять что-либо. Реальный эффект таких выступлений выходит за пределы онлайн-платформ – пользователи выражают свое одобрение не только лайками, репостами и комментариями, но и действиями.

Видеоролики на остросоциальную тематику представляют собой не более 1% от общего количества ежедневно выкладываемых и просматриваемых пользователями видео. Однако тенденция использования Tik Tok в качестве политической силы возрастает, и наиболее восприимчивыми к социально ориентированному контенту оказываются подростки и молодые люди.

События февраля-марта 2022 года широко освещались в социальных сетях и в том числе на платформе Tiktok. Явление «информационного шторма», наблюдавшегося в первые дни специальной операции – многочисленные видео, фото, комментарии и текстовые посты, зачастую с непроверенной информацией наводнили социальные сети. Показательной является, например, новость от 27 февраля 2022 года: «Сербский ветеран Владан Миличевич провел «небольшой социологический эксперимент»: он опубликовал без подписи фото бомбардировок Югославии силами НАТО 1999 года на сайтах США, Великобритании и Австралии и призвал

пользователей Сети осудить случившееся. Как рассказал Миличевич в воскресенье в интервью ТАСС, его публикации собрали тысячи лайков и сотни гневных комментариев. После этого серб сообщил аудитории, что фотографии - свидетельства агрессии Запада против Сербии.

«Я разместил фотографии бомбардировок [Югославии] и нигде не указал, откуда они. А они, конечно, подумали, что это с Украины, и пошли комментарии и осуждения. Только после этого я поблагодарил и написал, что это за фото на самом деле. Это было около 3 часов ночи, а утром, когда я попытался проверить, у меня уже не было доступа, меня или заблокировали, или стерли», - рассказал Владан²⁸⁸. «Небольшой социологический эксперимент» в масштабе проходил по всем социальным сетям России и мира: поток непроверенной информации создавал «инфодемию», в которой обычный пользователь с трудом мог ориентироваться.

Решение о блокировке и приостановке ряда социальных сетей в России не переломило ситуацию: фактически, только самые технически не продвинутые пользователи лишились возможности выкладывать и воспринимать информацию, для остальных же информационный поток остался прежним, и лишь сам процесс подключения к нему оказался связан с определенными трудностями.

Фактически, информационное пространство впало в состояние «войны всех против всех», описанное философом Томасом Гоббсом. Техника экстенсивной генерации контента, отработанная обществом во время пандемии и самоизоляции, оказалась ключевым фактором информационного шторма: множились и продолжают множиться видеоролики, которые зачастую распространяются обычными пользователями, бессистемно и без отчетливых злых намерений.

Выбранная в указанной ситуации стратегия официальной, государственной военной журналистики по состоянию на конец марта 2022

---

²⁸⁸ Сербский ветеран опубликовал фото натовских бомбежек Югославии, а их приняли за украинские // Электронный ресурс <https://tass.ru/obschestvo/13884783>

года остается, в сущности, на уровне широкомасштабного освещения по образцу Великой Отечественной войны. По умолчанию предполагается, что информация о специальной военной операции интересует население и должна быть ему известна. Программа телепередач ряда телеканалов подверглась существенным изменениям: практически все время эфира отдано новостным и аналитическим программам, которые ранее чередовались с развлекательным контентом, а с конца февраля 2022 года вытеснили его. Информирование в регулярных выпусках новостей (длительность которых существенно увеличилась по сравнению, например, с январем 2022) сопровождается семиотизацией в аналитических программах, с использованием мнений приглашенных экспертов в области политики и военного дела.

Потоковое вещание телевидения обеспечивает семиотизацию понимания военного конфликта для той категории зрителей, которая привыкла получать информацию именно с телеэкрана. Те, кто предпочитает привлекать диверсифицированные источники информации, в настоящее время находятся в сфере влияния различных «символических зонтиков», которые зачастую диаметрально противоположны друг другу. Одни и те же фото и видео интерпретируются разными профессиональными и любительскими средствами массовой информации по-разному. Разобраться в сути происходящего и принять четкую позицию в этой ситуации чрезвычайно непросто.

По нашим наблюдениям, в большинстве случаев военные корреспонденты оперируют эпитетами как средством формирования оценки, например (выделено полужирным – А.Ц.):

«Калибры», «Кинжалы», «Краснополь» - **высокоточное** оружие, в том числе и **уникальное**, ювелирно решает боевые задачи. Оно стало залогом успеха спецоперации на Украине. Это признают военные эксперты и политики по обе стороны фронта.

Комплексы «Искандер-М» стоят на вооружении ВС России более 15 лет. И в спецоперации на Украине нашли свое применение по предназначению, выражаясь военным языком. Бить по целям способны с точностью до двух метров. Это обеспечивает **максимальные** потери среди противника и **минимальные** среди мирного населения.

На боевых позициях, в условиях столкновения с реальным противником, оперативно-тактические комплексы подтверждают свою уникальность. **Высочайшая** точность стрельбы дополняется маневренностью и скоростью развертывания»²⁸⁹.

Отчетливой чертой актуальных текстов также является анимализация техники: текст построен так, будто в боевых действиях принимают участие только машины и механизмы:

«Расчеты российских зенитных ракетных комплексов «Панцирь-С1» позаботились о том, чтобы для украинских беспилотников небо было закрыто. У самой границы локатор захватил неопознанную цель – за доли секунды огневая установка приземлила непрошеного гостя, украинский беспилотник UJ-22 Airborne.

«Панцири» с самого начала специальной операции принимают активное участие в прикрытии российских важных объектов, в том числе оперативных аэродромов, откуда работает армейская авиация. Эти зенитные системы идеально подходят для защиты от вражеских беспилотников – зенитные автоматы и ракетное вооружение не оставляют дронам ни единого шанса»²⁹⁰.

Акторами в тексте являются не люди, а техника: зенитные комплексы заботятся, локатор захватывает, «Панцирь» участвует в войне и не оставляет дронам ни единого шанса. В целом, в подаче новостей российскими СМИ

---

²⁸⁹ Никулин В. С точностью до двух метров: как работают знаменитые «Искандеры» ВС РФ в ходе спецоперации на Украине // Электронный ресурс <https://tvzvezda.ru/news/2022330044-LHoXP.html>

²⁹⁰ Исаев К. «Панцирь» на чеку: опубликованы кадры уничтожения украинского беспилотника UJ-22 Airborne // Электронный ресурс <https://tvzvezda.ru/news/20223301037-yqEho.html>

присутствует акцент на двух семиотически важных моментах: единичные случаи героизма военных, широко освещаемые по телевидению и в Интернете, и беспримерная эффективность новейшего оружия.

Следует отдельно отметить символы спецоперации – латинские буквы “Z” и “V”, которые буквально с первых дней ведения боевых действий стали узнаваемыми знаками российских войск, а впоследствии и всех, кто поддерживает в конфликте Россию. Машины, здания, одежда украшаются соответствующими символами. По официальной версии Министерства обороны, «буква Z означает «За победу», а литера V — «Сила в правде» и «Задача будет выполнена»²⁹¹. Выбор символов следует признать удачным с графической точки зрения: они состоят из прямых линий, их легко нанести на любую поверхность и можно при необходимости быстро изобразить. Кроме того, Z ассоциируется со знаком героя фильма «Зорро», который наносил соответствующий символ после совершения подвигов на стену или другую поверхность, а “V” – со знаком “Victory”, «победа», который был широко распространен после Второй мировой войны. Символы хорошо видны издали, легко читаются, позволяют в боевых условиях отличить технику противника от техники своих сторонников. Их использование широко растиражировано в плакатах Министерства Обороны, распространяемых среди военных, солдат-срочников и курсантов военных учебных заведений.

Семиотизация военного конфликта на конец марта 2022 года осуществляется с помощью, в основном, профессиональных СМИ с использованием возможностей конвергентного контента: видео, фото и текстов, призванных сформировать понимание специальной военной операции. Предпринимаются попытки урегулировать поток любительского контента, в том числе на законодательном уровне.

---

²⁹¹ В Минобороны РФ раскрыли смысл латинских букв на российской военной технике // Электронный ресурс <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/03/03/17372431.shtml>

Выводы по главе III

В XXI веке журналистика вообще и военная журналистика в частности вступила в эпоху новых технических возможностей и условий взаимодействия с аудиторией. Значимым отличием новейшей эпохи от предыдущих является наличие массового любительского контента в социальных сетях и формирование конвергентных средств массовой информации.

Военная журналистика успешно освоила возможности конвергенции, формируя мультимедийный контент: появились специализированные сайты военных СМИ, на которых размещаются видеофрагменты и фотографии в рамках допустимой к распространению в открытом доступе информации. До 2022 года военными СМИ освещались, главным образом, вопросы техники вооружения и международной политики, и основными средствами формирования символического зонтика были обширные отсылки к имплицатуре, свойственной поколению 1960-х – 1970-х годов рождения. Присутствовали отсылки к «холодной войне», обмен намеками и широко тиражируемые шутки глав государств и высших военных чинов. В целом, журналистика первых десятилетий XXI столетия была в большей степени «мирной». Освещение боевых действий в Южной Осетии 2008 года и в Сирии в конце 2010-х годов продолжало намеченные выше векторы: обширную имплицатуру дискурса и использование средств конвергентной журналистики. Интересен факт перехода к изосемическим конструкциям от неизосемических: открытое противостояние двух государств сопровождается активными конструкциями и использованием акциональных глаголов.

События февраля-марта 2022 года поставили перед военной журналистикой принципиально новые задачи и вызовы. В условиях колоссального «информационного шторма», переизбытка информации как от зарубежных средств массовой информации, так и от пользователей социальных сетей, военная журналистика должна генерировать «неоправду»

- наметить вектор семиотизации военного конфликта для потребителей контента средств массовой информации. В актуальном состоянии военной журналистики задача создания неоправды не полностью реализована. Можно сказать, что СМИ пока еще используют прежние методы в принципиально новых условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная журналистика в России – исторически первый тип журналистики и импульс для развития прессы вообще. На протяжении всей более чем 300-летней истории военной журналистики освещение боевых действий было авангардом масс-медиа: именно на передовой военного конфликта отрабатывались и получали апробацию методы информирования населения о текущих событиях.

Организация военной журналистики неразрывно связана с образом власти в государстве. Любой военный конфликт, в котором Россия прямо или косвенно участвовала, оценивался населением через призму решений главы государства. Военные успехи и победы воспринимались как главный признак верного курса и правильного направления развития страны, неудачи и поражения, как правило, непосредственно отражались на восприятии образа правителя.

Военная журналистика получает стимул к развитию во время ведения государством масштабных боевых действий. История военной прессы представляет собой чередование периодов «войны» и «мира». Во время ведения войны основной посыл, который присутствует в пресуппозиции всех материалов военного журналиста – граждане должны быть информированы о ходе боевых действий. По умолчанию предполагается, что не участвующий непосредственно в конфликте гражданин страны, где бы он ни находился, должен обладать четкой информацией о том, что происходит на передовой. Еще больше в этом нуждаются сами участники боевых действий, которые, как правило, видят только конкретный участок фронта и не имеют информации о происходящем в целом.

Войны XVIII – начала XIX столетия не знали института военных корреспондентов: первые шаги по целенаправленной организации освещения специально командированными на фронт людьми были предприняты в ходе Крымской войны. До этого информация о боевых действиях публиковалась

со слов очевидцев – непрофессиональных журналистов, излагающих свои непосредственные впечатления и зарисовки с поля боя и из жизни солдат и офицеров. Семиотизацию полученной информации брали на себя военные эксперты и аналитики, а также публицисты. Так, например, в годы Отечественной войны 1812 года впервые был сформулирован концепт «священной войны»: Наполеон воспринимался как Зверь Апокалипсиса, а конфликту с ним была придана отчетливая религиозная окраска. Результат войны, соответственно, был воспринят как победа сил добра над силами зла, а продолжение боевых действий за пределами Российской империи способствовало формированию концепции «Россия – жандарм Европы», то есть действия русских войск позиционировались как наведение порядка и установление мира.

Военная журналистика всегда существовала в условиях жесткой цензуры. Публикации редактировались и проверялись по объективным причинам: информация публикуется в открытом доступе, и неприятель не должен узнать от корреспондентов особенности вооружения и дислокацию войск. Стремление максимально скрыть информацию привело к неудачам военных корреспондентов на Первой Мировой войне: система аккредитации была чрезвычайно сложна, корреспонденты ограничены в своих передвижениях, и в итоге информационная война, сопровождающая непосредственный боевой конфликт, была проиграна. В дальнейшем эту закономерность можно проследить на примере всех военных конфликтов: победе или поражению в боевых действиях как таковых предшествует, соответственно, победа или поражение в информационной войне.

Гражданская война на сегодняшний день была единственным конфликтом, охватившим всю территорию России. В ходе боевых действий была развернута масштабная система фронтовой прессы, а также массивное освещение движений войск в прессе. В первые годы существования нового государства действовало колоссальное количество газет, зачастую – локального распространения, и семиотизация действий

Красной и Белой Армии была нецентрализованной, но масштабной. Пресса Белой Армии первоначально не уступала Красной по количеству изданий и широте охвата читателей, но по мере перелома хода войны многие средства массовой информации издания переставали функционировать. Многие газеты Белого движения продолжили свое существование в качестве изданий диаспор эмигрантов за рубежом, а газеты Красной Армии заложили основы централизованной системы советской прессы.

Наиболее масштабное и систематизированное освещение боевых действий было развернуто в годы Великой Отечественной войны: к фронтовым изданиям и центральной печати добавились ежедневные радиосводки. В условиях внешней агрессии был актуализирован концепт «священной войны», и его религиозная составляющая стала частью имплицатуры текстов военных корреспондентов и аналитиков. Так, опубликованный 24 июня 1941 года текст песни «Священная война», ее исполнение перед отправкой войск на фронт, а по мере продвижения захватчиков на восток – ежедневное исполнение песни по радио, наметили четкие вехи семиотизации военного конфликта: тяжесть, беспрецедентный подвиг и неременная победа.

Годы Великой Отечественной войны в определенном отношении следует назвать эталоном освещения боевых действий. По всей территории, где шли бои, была развернута сеть фронтовых изданий, на передовой присутствовали корреспонденты, фотографы и кинооператоры, фиксирующие происходящее. Кадры хроники и фото вплоть до наших дней считаются классическими образцами военной журналистики.

Отличительной особенностью текстовой составляющей журналистики Великой Отечественной войны следует признать изменение вектора имплицатуры: не образа врага, но сути самого конфликта, позиционировавшегося через призму борьбы тьмы и света.

В дальнейшем период «холодной войны» характеризовался свертыванием системы военной журналистики и фронтовой прессы: в

армейской прессе имплицитно присутствовал дискурс противопоставления двух держав, который проходит через освещение всех конфликтов за пределами границ СССР и России. Семиотизация внешних территориальных конфликтов строится как противопоставление строго соблюдающей закон и настаивающей на порядке России – другим державам, которые полностью нарушают и попирают не только правовые, но и моральные нормы.

Условно векторы семиотизации конфликтов можно разделить на вектор «отечественной войны», боевые действия в которой считаются достоянием широкой общественности и подлежат регулярному освещению, причем в имплицатуре такого дискурса – концепт «священной войны», противостояния «силам тьмы»; и вектор «наведения порядка», восходящий к геополитическому восприятию России как державы, имеющей право оказывать помощь другим государствам в гражданской войне и в условиях внешней агрессии. Интересно, что оба вектора зародились в ходе освещения войны 1812 года и были чрезвычайно подробно развиты в ходе Великой Отечественной войны.

Конфликты второй половины XX столетия – в частности, боевые действия в Афганистане и в Чечне – освещались в прессе 1980-1990-х годов при плюрализме точек зрения, что приводило к формированию негативного восприятия действий российских войск, а через них – власти в государстве. В освещении конфликта в Афганистане сыграло свою роль первоначальное замалчивание конфликта, которое привело к утрате доверия к власти и ее легитимности в целом. При освещении конфликта в Чечне средства массовой информации часто обращались к образам военачальников Российской Федерации, освещая их действия (в том числе не связанные непосредственно с чеченским конфликтом) в негативном ключе.

Первые десятилетия нового века характеризовались реставрацией системы военной журналистики – пусть не в том объеме, в котором она была развернута ранее, однако по сравнению с 1990-ми годами был достигнут значительный успех. Появились специализированные телеканалы и сайты,

журналы и газеты, старающиеся идти в ногу со временем и воплощать стратегию конвергентных СМИ. Это позволяло задействовать больше средств в ходе освещения военного конфликта в Сирии, в котором принимали участие российские войска.

Новые вызовы, с которыми военная журналистика столкнулась в 2022 году, непосредственно связаны с предшествовавшей пандемией коронавирусной инфекции, существенно изменившей ситуацию в средствах массовой информации, на рынке труда и в восприятии контента СМИ. Освещение распространения инфекции и сопутствующих событий – локдауна, введения QR-кодов, прививочной кампании и т.д. – продемонстрировали явление «информационного шторма». На потребителя контента масс-медиа обрушивалось колоссальное количество противоречивой и несогласованной информации, на смену противопоставлению двух точек зрения «за» и «против» пришло массированное нагнетание информационного потока, в большинстве случаев генерируемого и распространяемого обычными пользователями. На протяжении 2020-2021 гг. основным информационным поводом этого потока была коронавирусная инфекция, а в 2022 году в условиях инфодемии начала работать военная журналистика при освещении реальных боевых действий.

Эффект «усталости от информации» подрывает доверие к любым сообщениям – желание знать информацию сменяется фрустрацией и апатией. На конец марта 2022 переломить воздействие «информационного шторма» силами профессиональной журналистики не удастся: задействованы все мощности конвергентных средств массовой информации и оба упомянутых выше вектора освещения конфликта. Боевые действия февраля-марта 2022 семиотизируются и как помощь другим государствам, и как ведение «отечественной войны». Впервые со времен Великой Отечественной войны значительная часть эфира и пространства в СМИ занята сводками с поля боя и их скрупулезным анализом в диалоге экспертов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Источники**

1. Акопян А. Сирийский конфликт как феномен «Арабской весны». Режим доступа: <http://www.noravank.am/upload/pdf/4445.pdf>. Дата обращения: 25.12.2019.
2. Артамонов А.Г. «Калашников» был и остаётся лучшим автоматом в мире // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2019881741-NEz9u.html>. Дата обращения 24.10.2019.
3. Бочкарев В.С., Комольцев В.Л. Российская буря в горах. Анализ опыта боевых действий в Чечне и предварительные выводы // Независимое военное обозрение // Электронный ресурс https://nvo.ng.ru/wars/2000-02-25/1_mountstorm.html. Дата обращения 20.04.2019.
4. В Кремле выступили за федерализацию Украины // Электронный ресурс: http://zn.ua/POLITICS/v-kremle-vystupili-za-federalizaciyu-ukrainy-138206_.html. Дата обращения: 24.12.2014.
5. В Минобороны РФ раскрыли смысл латинских букв на российской военной технике // Электронный ресурс <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/03/03/17372431.shtml>. Дата обращения 05.03.2022.
6. В Москве напомнили Киеву, сколько украинцев работает в России // Электронный ресурс <http://russian.rt.com/article/37337> Дата обращения [05.03.2022](http://russian.rt.com/article/37337).
7. Гавриш О. Процентные отношения // Коммерсантъ-Россия. 20 февраля 2012.
8. Гвоздев Н. Новая российская империя // Коммерсантъ-Украина. 17 апреля 2012.
9. Еженедельник «Звезда» в «Яндекс.Дзен» // Электронный ресурс <zen.yandex.ru/zvezdaweekly>. Дата обращения 13.09.2019.

10. Захарович Ю. [Чечня и Россия: общества и государства](http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus13_1.htm) // Электронный ресурс: http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus13_1.htm. Дата обращения 24.05.2018.
11. Зотова Н. «Каждое третье видео - про «дворец Путина». Как «ТикТок» захлестнула протестная волна // Электронный ресурс: <https://www.bbc.com/russian/features-55757215>.
12. Исаев К. «Панцирь» на чеку: опубликованы кадры уничтожения украинского беспилотника UJ-22 Airborne // Электронный ресурс <https://tvzvezda.ru/news/20223301037-yqEho.html>.
13. Как бы вы оценили, насколько успешно российская армия в целом справляется с кризисом в Чечне: опрос/ВЦИОМ. - 1995.
14. Каменская К. // Электронный ресурс: <https://www.tiktok.com/@maybechrise>
15. Комсомольская правда. Вып. №19. 6 мая1981.
16. Комсомольская правда. Вып. №5. 12 февраля1982.
17. Кому выгодно продолжение войны в Чечне?, 13 ноября 2002 г. // Иамикъ // <http://www.iamik.ru/shownews.php?id=4272>. Дата обращения 27.11.2003, сохранено в личном архиве. Частично воспроизводится на ресурсе <https://flb.ru/infoprint/14502.html>.
18. Красная звезда. – 1992. 9 мая. - С. 2.
19. «Кто как обзывается – тот так и называется». Путин прокомментировал слова Байдена // Электронный ресурс: <https://tass.ru/politika/10936065>
[Дата обращения 10.09.2019.](https://tass.ru/politika/10936065)
20. Линдемманн И. «Байден даже не смог бы забраться в машину»: китайцы восхитились ловкостью Путина при управлении вездеходом в тайге // Электронный ресурс: <https://tvzvezda.ru/news/20213241615-Qz0R0.html>
[Дата обращения 10.09.2019.](https://tvzvezda.ru/news/20213241615-Qz0R0.html)
21. Лукин М. О войне в Чечне // Советская Россия, 22 декабря 1994. Сохранено в личном архиве.

22. Мембранов Б. Шакалы в волчьем логове // Посев. Вып. 45-14. 15 февраля 1982.
23. Минобороны делает выводы. Часть первая // Электронный ресурс: http://www.grani.ru/chechnya_mil/facts/lessons1. Дата обращения 27.11.2003.
24. Михайлов С. Правда о войне в Чечне // Электронный ресурс www.bestfor.ru. Дата обращения 27.11.2003. Сохранено в личном архиве.
25. Никулин В. С точностью до двух метров: как работают знаменитые «Искандеры» ВС РФ в ходе спецоперации на Украине // Электронный ресурс <https://tvzvezda.ru/news/2022330044-LHoXP.html>.
26. Ничебока // Электронный ресурс: <https://www.tiktok.com/@nicheboka>
27. Новодворская В.И. Война в Чечне – личное дело Владимира Путина?, заявление от 13 июня 2002 г. // Электронный ресурс <https://www.ds.ru/arch/a2002/061302n.htm>.
28. Обама обратился к Путину с просьбой оказать давление на власти Сирии. Электронный ресурс: <http://tass.ru/info/675474> Дата обращения 12.08.2021.
29. Огонек. Вып. № 11. 13 января 1981.
30. Огонек, Вып. № 36. 13 февраля 1982.
31. Одноколенко О.Г. Дмитрий Евстафьев: «Стремление догнать и перегнать Америку по объёмам потребления не может быть русской идеей» // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/201910221223-ANJN9.html>. Дата обращения 31.10.2019.
32. Панченко Л. За что убили военкорра «МК» Дмитрия Холодова // Электронный ресурс <https://www.mk.ru/social/2014/10/16/za-chno-ubili-voenkorra-mk-dmitriya-kholodova.html>. Дата обращения 28.08.2021.
33. Папин В. Киев хочет ввести налог для работающих в РФ украинцев — 500 долларов в месяц // Электронный ресурс

- <http://novorus.info/news/economy/30663-kiev-hochet-vvesti-nalog-dlya-rabotayuschih-v-rf-ukraincev-500-dollarov-v-mesyac.html>
34. Поляков Ю. Сто дней до приказа. М.: АСТ, 2018. 640 с.
  35. Посев. Вып. № 22-13. 2 ноября 1981.
  36. Правда. Вып. №11. 13 января 1980.
  37. Правда. Вып. № 33. 12 июня 1981.
  38. Правда. Вып. № 37. 31 декабря 1979.
  39. Российско-украинские отношения – от ситуативной прагматики к полноценной стратегии // Завтра. 28 сентября 2011.
  40. Россия атаковала Украину // Коммерсантъ-Украина. 15 июля 2011.
  41. Россия поддерживает не режим Асада. Электронный ресурс: <http://tass.ru/politika/507362>. Дата обращения 15.08.2021.
  42. «Русская статья» Украины и России // <http://www.freetavrida.org/?p=169#more-169> // «Русский РепортерЪ» // Электронный ресурс <http://mublog.ru/rusreport/publitsistika/russkaya-statya-ukrainy-i-rossii.html>. Дата обращения 12.08.2021.
  43. Сборник нормативных несекретных приказов МО РФ за 1996 г. М, 1997.
  44. Селиверстова И., Две верных подруги – любовь и разлука. Стоит ли брать семью в долгосрочные зарубежные командировки // Электронный ресурс: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/20199181439-Iygf.html>. Дата обращения 21.12.2019.
  45. Селиверстова И., На кой нам бес этот стресс. Психологическую устойчивость можно развивать и укреплять // Электронный ресурс: <https://armystandard.ru/news/at-ease/t/201912171332-sgjcc.html>. Дата обращения 21.12.2019.
  46. Сербский ветеран опубликовал фото натовских бомбежек Югославии, а их приняли за украинские // Электронный ресурс <https://tass.ru/obshchestvo/13884783>. Дата обращения 19.03.2022.

47. Сирык В.В. Генерал-полковник Александр Лапин: «Мы готовы оперативно и в кратчайшие сроки развернуть группировки войск на любом угрожаемом нам направлении» // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20191016167-adAkO.html>. Дата обращения 31.10.2019.
48. Сирык В.В. Полковник Сергей Кожевников: «Верьте, наши вертолётчики - лучшие в мире» // Электронный ресурс <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20191025138-40vxh.html> Дата обращения. 31.10.2019.
49. Союзники Сирии. Электронный ресурс: <https://regnum.ru/news/1698846.html> Дата обращения 01.03.2022
50. Тодуа З. Чечня: свет в конце тоннеля // Аргументы и факты. 13 ноября 2002 // Электронный ресурс <https://archive.aif.ru/archive/1622360>. Дата обращения 05.03.2022.
51. У Украины совсем отбирают транзитный газ // Коммерсантъ-Украина. 24 февраля 2012.
52. фон Крейтор Н. Война в Чечне: маленький эпизод большого сценария, 23 сентября 1999 г. // сайт Геополитика войны в Чечне. Сохранено в личном архиве.
53. Фрунзовец. Вып. №14. 25 июня 1983.
54. Хронология взята с официального сайта Генштаба Минобороны // Электронный ресурс www.Chechnya.Genstab.ru.
55. Черненко Е. Флот в обмен на сыр // Коммерсантъ-Россия 15 февраля 2012.
56. Эксперты поддержали позицию президента РФ // Электронный ресурс: <http://gorchakovfund.ru/news/9231/> (дата обращения: 24.12.2014)
57. Электронный ресурс: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/. Дата обращения 24.12.2014.
58. Электронный ресурс: <http://odivizion.ru/blogger-novosti-ob-ukraine/>. Дата обращения 24.12.2014.

59. «Яндекс.Дзен» стал платформой для публикации контента // Электронный ресурс adindex.ru/news/media/2017/05/30/160030.phtml. Дата обращения 13.09.2019.
60. BBC NEWS. Вып. № 19-1981. 17 ноября 1983.
61. Maks1m0ff // Электронный ресурс: <https://www.tiktok.com/@maks1m0ff>. Дата обращения 20.02.2021.
62. Nazorka // Электронный ресурс: <https://www.tiktok.com/@nazorka>. Дата обращения 20.02.2021.
63. Добровольский А. Неизвестные факты о священниках на войне: «Предал полицаю анафеме» // Электронный ресурс <https://www.mk.ru/social/2021/05/07/neizvestnye-fakty-o-svyashhennikakh-na-voyne-predal-policaya-anafeme.html> Дата обращения 10.04.2022
64. Макаров О. Танковый биатлон: как это работает // Электронный ресурс <https://www.popmech.ru/adrenalin/14758-dva-dnya-vmeste-s-tankami/> Дата обращения 10.04.2022
65. Макет Главного храма Вооружённых Сил РФ представили на выставке «Современная русская церковная архитектура» в Венеции // Электронный ресурс https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12204912@egNews Дата обращения 10.04.2022
66. Министр обороны РФ первым внёс пожертвование на строительство Главного храма ВС РФ // Электронный ресурс https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12194460@egNews Дата обращения 10.04.2022
67. Петров И. Для тех, кто в танке. Зачем Шойгу придумал «танковый биатлон» и как в него играть // Электронный ресурс <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/08/14/56c139479a7947299f72df60> Дата обращения 10.04.2022
68. Семенова Г.В., Тутова А.М. Военное духовенство в годы Великой войны // Электронный ресурс <https://tzar.ru/objects/museumgreatwar/clergy> Дата обращения 10.04.2022
69. Танковый биатлон // Электронный ресурс <https://tvzvezda.ru/news/tank-biathlon-2021/> Дата обращения 10.04.2022

70. Авдони́на Н.С. Журналистика и политика вооруженного конфликта: сравнительный анализ американской и отечественной прессы. Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012. – 269 с.
71. Агапов В.Л. Официальная пресса Российской империи во время первой мировой войны (по материалам «Приамурских ведомостей») // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №3 (41). // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnaya-pressa-rossiyskoj-imperii-vo-vremya-pervoy-mirovoj-voyny-po-materialam-priamurskih-vedomostey>. Дата обращения 25.02.2020.
72. Алекс Сучжон-Ким Пан Укрощение цифровой обезьяны. – М.: АСТ, 2014. – 320 с.
73. Андрунас Е.Ч. Информационная элита: корпорации и рынок новостей. – М.: Издательство МГУ, 1995. – 506 с.
74. Антонов-Овсеенко А.А. Журналистика XXI. Новые СМИ и свобода слова. – М.: Фолио, 2017. – 267 с.
75. Антонов-Овсеенко А.А. О конкуренции информационных ресурсов мировой сети с классическими СМИ и «конце» эпохи Гутенберга // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». - № 1. – 2016. – С. 151 – 155.
76. Багдасарова С. Солдаты Культуры: русские писатели и художники на Первой мировой войне // Электронный ресурс <https://www.culture.ru/materials/102565/soldaty-kultury-russkie-pisateli-i-khudozhniki-na-pervoi-mirovoi-voine>. Дата обращения 25.03.2020.
77. Балашова Ю.Б. Альманах как иллюстрированный тип издания // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. Т. 157. кн. 4. – С. 20 – 27.
78. Балашова Ю.Б. Типологические особенности классического альманаха – «карманной книжки» // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 4. – С. 64 – 70.

79. Балашова Ю.Б. Эволюция и поэтика российского литературного альманаха как типа издания: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. – 438 с.
80. Барабаш Н.А. Телевидение и театр: игры постмодернизма. – М.: КомКнига, 2010. – 322 с.
81. Барышников П. Морфология технологической сказки: Интернет вещей и социальные дистанции // Социология власти. – Том 27, №1(2015) – С.37-54.
82. Барышникова Ю.Е. История формирования российской военной журналистики // Язык. Культура. Коммуникации. № 2. 2017. // Электронный ресурс <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/538/657>. Дата обращения 19.02.2022.
83. Барышникова Ю.Е. История формирования российской военной журналистики // Язык. Культура. Коммуникации. № 2. 2017. // Электронный ресурс <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/538/657>. Дата обращения 23.03.2022.
84. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
85. Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. – Москва: Издательство МГУ, 2004. – 309 с.
86. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук, 1952. – 572 с.
87. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова. – Москва: Прогресс, 2015. – С. 75 – 89.
88. Богомолова Д.А. Социальная сеть Tik Tok как элемент интегрированных маркетинговых коммуникаций // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4. С. 572 – 576.

89. Бормотова А.Р. Печать периода Великой Отечественной войны на территории Курской области. Дис. ... канд.ист.н. – Курск, 2010. – 230 с.
90. Бушев А.Б. Масс-медиа в интернет и межкультурная коммуникация // Политическая лингвистика, 2009. // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/mass-media-v-internet-i-mezhsivilizatsionnaya-kommunikatsiya>. Дата обращения 12.10.2021.
91. Военная энциклопедия. Т. 6. – СПб: Сынтин, 1911 – 1915. – 642 с.
92. Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Русская панорама, 2013. – 416с.
93. Волков А.А. Теория риторической аргументации. – М.: издательство Московского государственного университета, 2009. – 400 с.
94. Волковский Н.Л. Журналистика в информационных войнах: Исторические истоки и современные тенденции. – Дис. ... д.фил.н. – М., 2003. – 647 с.
95. Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 т. – М.: Военно-историческая библиотека, 2003. Т. 2. – 736 с.
96. Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества: Национальное своеобразие средств массовой информации Германии. – Москва: Изд-во МГУ, 2011. – 211 с.
97. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: МГУ, 2000. – 656 с.
98. Вырковский А.В. Деловые журналы России и США: прошлое и настоящее. – М.: МедиаМир, 2009. – 144 с.
99. Вышел первый петербургский номер газеты «Ведомости» // Электронный ресурс <https://www.prlib.ru/history/619259> Дата обращения 17.08.2021
100. Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа. Дис. ... канд.ист.н. – Казань, 2005. – 167 с.

101. Герейханова К.Ф., Шуйская Ю.В. Трансформация схемы верификации научного знания в современной научной периодике. // Казанская наука. 2020. № 12. – С. 41 – 43.
102. Головина Е.А. Практика интервью в работе журналиста. – М.: факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 1974. – 191 с.
103. Головченко Е.И. Функционирование средств массовой информации Воронежской области в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд.ист.н. – Воронеж, 2010. – 252 с.
104. Государство и власть. – М.: АСТрель, 2008. – 393 с.
105. Грабельников А.А. Война глазами фотожурналистов // Великая Победа глазами журналистов. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2019. С. 11-16.
106. Грабельников А.А., Грабельникова М.А. Визуальная коммуникация в период пандемии // Культура в фокусе научных парадигм. Донецкий национальный университет. 2021. С. 381-388. Грабельников А.А. Русская журналистика: история и современность / Монография. М.: РУДН, 2019.
107. Грабельников А.А., Грабельникова М.А. Образы войны и победы в советском военном фоторепортаже // Культура в фокусе научных парадигм. Донецкий национальный университет. 2020. С. 303-310.
108. Грабельников А.А. Средства массовой информации: аудиторный фактор // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. Сб. мат. научн. конф. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН). 2019. С. 80-85.
109. Грабельников А. А. Фотожурналистика Великой Отечественной войны // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. // Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotozhurnalistika-velikoy-otechestvennoy-voiny>. Дата обращения 28.03.2022.

110. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: Эксмо, 2004. – С. 60 – 67.
111. Гревцева А.А. Парадигмы постмодернистского стиля мышления // Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №5. – С. 374-375.
112. Гужва Д.Г. Их оружие – острое перо и зажигающее слово. Корпус военных корреспондентов в русской армии в годы Великой войны // Электронный ресурс <https://histrf.ru/read/articles/ikh-oruzhiie-ostroie-piero-i-zazhighaiushchieie-slovo-korpus-voiennykh-korriespondientov-v-russkoi-armii-v-ghody-vielikoi-voiny>. Дата обращения 19.08.2021.
113. Дебрэ Р. Введение в медиологию /Пер. С франц.Б.М. Скуратова.- М.:Праксис, 2010. – 368 с.
114. Дементьева К.В. Креолизованный медиатекст в новостных пабликах социальной сети Вконтакте // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность. Материалы V Международной научной конференции. Под редакцией А.А. Морозовой. 2020. С. 359-361.
115. Дулерайн Ю. Немецкая война (Нью-Йорк). Одна из главных проблем в американо-российских отношениях – война в Чечне. // Электронный ресурс <https://www.dw.com/ru/> Дата обращения 27.11.2003. Сохранено в личном архиве.
116. Егоршина Н.В. Дискурс эпидейктического выступления в военной журналистике // Казанская наука. 2019. № 9. С. 111 – 113.
117. Егоршина Н.В. Дискурсивы в политической деятельности (на материале текстов военной направленности) // Казанская наука, № 11, 2019. – С. 111 – 114.
118. Егоршина Н.В. Информация в дискурсе: вымысел и действительность (на материале текстов военной журналистики) // Mass-media. Действительность. Литература. Сборник статей. Под редакцией Е.Н. Брызгаловой, А.М. Бойникова; Тверской государственный

- университет, Кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью. Тверь, 2019. С. 137 – 141.
119. Егоршина Н.В. Эффективная реализация межкультурных коммуникативных целей в структуре языка (на материале текстов военной журналистики) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. 2019. С. 206-210.
120. Епишкин И.И., Искакова Е.Б., Лаврик А.А. Анализ интересов и предпочтений российской аудитории социальной сети Tik Tok // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. № 4. 2019. – С. 62 – 67.
121. Жирков Г.В. Одухотворенное слово. Журналистика Великой Отечественной войны. – СПб: СПбГУ, 2014. – 164 с.
122. Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков. Под ред. Г.В. Жиркова. – СПб: издательство СПбГУ, 2003. – 320 с.
123. Журналу «Военная мысль» - 100 лет // Электронный ресурс <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/117163/>. Дата обращения 23.08.2021.
124. Заголовки газет Великой Отечественной войны // Электронный ресурс: http://www.asfera.info/news/society/2014/05/07/zagolovki_gazet_velikoy_otchestvennoy_voyni_88749.html. Дата обращения 10.08.2021.
125. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа. 1973. 464 с. // Электронный ресурс <http://radischev.lit-info.ru/radischev/kritika/zapadov-istoriya-zhurnalistiki/vedomosti.htm>.
126. Зелинский С.А. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – С. 61 – 78.

127. Зубков А.А., Лисик Т.В. Постирония как современное явление в отечественном интернет-пространстве // Общество. Наука. Инновации (НПК-2020). Сборник статей XX Всероссийской научно-практической конференции. Киров, 2020. С. 247 – 253.
128. Иванова Р.А. Творческий поиск советской журналистики в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 6. – С. 19 – 28.
129. К 70-летию Победы Президентская библиотека оцифрует газету «Ленинградская правда» периода Великой Отечественной войны // Электронный ресурс: <https://www.prlib.ru/news/658931>.
130. Калмыков Н.П. Россия и США в XX веке // Новая и новейшая история. 2011. №3. – С. 122 – 129.
131. Калугин В.В. Древнерусская литература // Большая российская энциклопедия. // Электронный ресурс <https://bigenc.ru/text/5061392> Дата обращения 23.02.2021.
132. Каминская Т.Л. «Фактор адресата» в современной медийной ситуации. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. – С. 109 – 111.
133. Кандалов В.И. Рекламная деятельность Вооруженных Сил РФ и пути ее совершенствования. Дис.... канд. экон. наук. – М., 2003. – 210 с.
134. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
135. Керсновский А.А. Философия войны // Философия войны. Под общ. ред. А.Б. Григорьева. М.: Анкил-воин, 1995. – 214 с.
136. Киберпреступность и распространение дезинформации во время пандемии COVID-19 // Электронный ресурс <https://www.un.org/ru/coronavirus/un-tackling-%E2%80%98infodemic%E2%80%99-misinformation-and-cybercrime-covid-19>. Дата обращения 23.08.2021.

137. Кирия И.В. Телевидение и Интернет Франции на пути к информационному обществу. – Москва: Издательство МГУ, 2005. – 400с.
138. Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 423 с.
139. Клушина Н. И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь, 1996. №5. – С. 36-42.
140. Клюев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. – М.: ПРИОР, 2016. – 270 с.
141. Ключевский В.О. Курс русской истории. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 606 с.
142. Коновалов А. Юрий Левитан. Главный личный враг Гитлера // Электронный ресурс <https://xn--80achcepozjj4ac6j.xn--p1ai/articles/yuriy-levitan-glavnyu-lichnyu-vrag-gitlera>. Дата обращения 28.11.2021.
143. Коньков В.И. Речевая структура газетного текста. – Спб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. – 158 с.
144. Копцев А.Н. Печать – боевой помощник партии в мобилизации трудящихся на борьбу с фашизмом (1941-1945 гг.) (на материалах Карелии, Архангельской и Вологодской областей). Дис. ... канд.ист.н. – Архангельск, 1984. – 227 с.
145. Коротченко М. А. Образ автора в исторических повестях Смутного времени (на материале «Временника» Ивана Тимофеева) // Филологические науки. №2, 1998. – С.14 – 23.
146. Кортунов А. Политика: искусство неопределенности / Россия в глобальной политике. 2014. №.1 [Electronic Resources] // <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Politika-iskusstvo-neopredelennosti-16326>. Дата обращения 12.11.2021.
147. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М.: Политиздат, 1987. – 607 с.

148. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 284 с.
149. Кузьминский К. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. 1906. № 7. – С. 114 – 130.
150. Куприн А.И. Вас. Ив. Немирович-Данченко. Военный корреспондент // Электронный ресурс <http://kuprin-lit.ru/kuprin/public/danchenko-voennyj-korrespondent.htm>. Дата обращения 11.08.2021.
151. Ларина Н.А., Цицинов А.Ю. Специфика подачи материала в цифровой военной журналистике (на примере еженедельника «Звезда») // Казанская наука. 2019. № 9. – С. 36-38.
152. Левшин К.В. Организация военной печати в Советской России в годы Гражданской войны (на материалах газеты «Боевая правда», 1919–1920 гг.) // Общество. Коммуникация. Образование. 2015. № 1. – С. 83 – 91.
153. Лихтенштейн Е. Слово о науке. – М.: Знание, 1976. – 301 с.
154. Лобакова И.А. «Житие митрополита Филиппа». Соотношение Краткой и Пространных редакций Жития // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1997. – С. 270 – 280.
155. Лозицкий В.С. Партийно-советская печать Украины - активный помощник партии в мобилизации трудящихся республики на разгром немецко-фашистских захватчиков 1941-1945 гг. Дис. ... канд.ист.н. – Киев, 1983. – 204 с.
156. Лютов С.Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 11. – С. 5 – 10.
157. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: Искона, 1995. – 720 с.
158. Майкова Т.С. Военные «Юрналы» петровского времени (По материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. – С. 368 – 390.

159. Макеенко М.И. Радиовещание и телевидение США в новом столетии: структура, экономика, стратегии. – Москва: Издательство МГУ, 2010. – 210 с.
160. Маклюэн Г.М. Понимания медиа: Внешние расширения человека / пер.с англ. В. Николаева; Москва, Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 219 с.
161. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны: На материалах Дона, Кубани, Ставрополья. Дис. ... канд.ист.н. – Ставрополь, 2001. – 194 с.
162. Манахова А.В. Проблема допуска корреспондентов на Балканский театр русско-турецкой войны 1877–78 гг. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика // Электронный ресурс <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2018/3/problema-dopuska-korrespondentov-na-balkanskiy-teatr-russko-turetskoj-voyny-1877-78-gg/>. Дата обращения 12.08.2021.
163. Матвеева Ю.А. Эпизоды из истории издания «Литературной газеты» и альманаха «Подснежник» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. № 2. – С. 136-139.
164. Мерсье А. Война и средства массовой информации: постоянные и переменные величины // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. № 860. - С. 61 – 75.
165. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета. – Москва: Флинта; Наука, 2009. – 418 с.
166. Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII – XIX веков. – М.: Эксмо, 2006. – 784 с.
167. Михальская А.К. Риторика. – М.:ИНФРА-М, 2019. – 480 с.
168. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). – М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.

169. Музыкант В.Л., Барабаш В.В. Системность массовых коммуникаций: образы «свой – чужой» в инфодемии. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 368 с.
170. Муминова Е.М. Деятельность российских и иностранных корреспондентов на Балканах в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. // Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-rossiyskih-i-inostrannyh-korrespondentov-na-balkanah-v-gody-russko-turetskoy-voyny-1877-1878-gg>. Дата обращения 15.08.2021.
171. Мясников В. Лев Николаевич – самый первый русский фронтовой корреспондент // Электронный ресурс https://nvo.ng.ru/history/2010-12-10/12_tolstoy.html. Дата обращения 15.08.2021.
172. Немирович-Данченко В. И. Год войны: Дневник русского корреспондента 1877-1878: В 2 т. СПб.: Типография Лихачева и Суворина, 1878. Т. 1. 326 с. Немирович-Данченко В. И. Год войны: Дневник русского корреспондента 1877-1878: В 2 т. – СПб.: Типография Лихачева и Суворина, 1878. Т. 2. – 329 с.
173. Новикова А.А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2013. – 533 с.
174. О совершенствовании системы средств массовой информации МО РФ: Приказ министра обороны РФ №48 // Сборник нормативных несекретных приказов МО РФ за 1994 г.
175. О создании системы средств массовой информации МО РФ: Приказ министра обороны РФ №135 от 5 сентября 1992 г. // Текущий архив газеты Красная звезда. - Т.1, 1992. -С.376-382.
176. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. – М.: издательство МГУ, 1999. – 304 с.
177. Орлова В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. – Москва: РИП-холдинг, 2004. – 219 с.

178. Отечественная военная история в 3-х томах – М.: Институт военной истории МО РФ, 2003. – Т. 3. – 736 с.
179. Отечественная война и русское общество. Т. 5. – М.: Нестор-История, 2011. – 252 с.
180. Пезаровиус П.П. Краткая история газеты «Русский инвалид». – СПб: Военная типография, 1843. – 37 с.
181. Первые военные корреспонденты Крымской войны // Электронный ресурс <http://www.evpori.ru/pervye-voennye-korrespondenty-krymskoj-vojny.html> Дата обращения 12.08.2021
182. Политическая энциклопедия. Национальный общественно-научный фонд. – М.: Мысль, 2000. – 863 с.
183. Прокопенко А. Соцсеть TikTok в России: рупор молодежи? (29.01.2021) // Электронный ресурс: <https://www.dw.com/ru/соцсеть-tiktok-в-россии-рупор-молодежи-29012021/av-56387517>. Дата обращения 19.08.2021.
184. Правдивец В.В., Ротман Д.Г., Русакевич В.В. Информационное поле республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие. – Минск, Зималетто, 2009. – 184 с.
185. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет, 2017. – 511 с.
186. Роль СМИ в Сирийском конфликте. Электронный ресурс: <http://www.belvpo.com/ru/32149.html> Дата обращения 12.03.2022
187. Ромашкина Н. «Лейтенантская проза» - страшная исповедь на бумаге // Электронный ресурс <https://www.rewizor.ru/literature/reviews/leytenantskaya-proza-strashnaya-ispoved-na-bumage/> Дата обращения 16.01.2022.
188. Росляков А.В. Интернет вещей. – М., 2014. – 340 с.
189. Рублева Л.И. История отечественной журналистики XVIII – XIX веков. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2012. – 165 с.
190. Русская журналистика в документах: история надзора. / сост. О. Д. Минаева. М.: Аспект Пресс, 2003. – 397 с.

191. Саяхова Д.К., Тыщук Н.В. Российская печать в годы Первой Мировой войны // Электронный ресурс <https://scienceforum.ru/2016/article/2016023841>. Дата обращения 21.08.2021.
192. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 28. Действия Нижне-Дунайского отряда с 21 мая по 1 августа 1877 г. – СПб: Бережливость. 1900. – 283 с.
193. Семова Л.В. История отечественной фотожурналистики. Ч. II. Советская фотожурналистика 1920-1930-х гг. и Великой Отечественной войны. М.: МГУ, 2016.
194. СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ ВАСИЛЬЕ ИВАНОВИЧЕ ВСЕА РУСИ, КАКО ЪЗДИЛ ВО СВОЮ ОТЧИНУ НА ВОЛОК НА ЛАМЪСКИЙ[1] НА ОСЕНЬ ТЪШИТИСЯ, И КАК БОЛЪЗНЬ ЕМУ ТАМО СТАЛАСЯ, И МНИШЕСКИЙ ОБРАЗ ПРИЯЛ, И СЫНА СВОЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА НА ЦАРСТВО БЛАГОСЛОВИЛЬ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ, И О ПОГРЕБЕНИИ ЕГО // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – Т. 10. – С. 30 – 56.
195. Смирнова М.В. Деятельность органов пропаганды и агитации в тыловых районах Европейской части РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Дис. ... канд.ист.н. – М., 2010. – 209с.
196. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // Электронный ресурс <http://hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm>. Дата обращения 01.03.2022.
197. Срибная Т.А. Военно-патриотическая печатная пропаганда в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны. Дис. ... канд.ист.н. – Пятигорск, 2005. – 191 с.

198. Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП(б): Доклад на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 г. // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 6. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 234 – 260.
199. Теория X и теория Y Д. МакГрегора // Электронный ресурс <http://besonus.narod.ru/McGregor.htm>. Дата обращения 20.02.2022.
200. Титова Л.В. Неизданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 33. С. 343 – 363.
201. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – Москва: Аспект Пресс, 2004. – 191 с.
202. Федорова Е.А. Tik Tok как новая медиаплатформа. // XII Всероссийский форум по связям с общественностью в сфере кино и телевидения «PRКИТ-2019». Материалы студенческой научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2020. С. 175 – 178.
203. Федотова Л.В. Социология массовой коммуникации. Учебник для вузов. – Москва: Питер, 2003. – 311 с.
204. Филоненко М.И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны: на материалах Воронежской области. 1942-1943 гг. Дис. ... канд.ист.н. – Воронеж, 2006.
205. Цицинов А.Ю. Диалогические стратегии при дистантной межкультурной коммуникации на примере дискурса военной журналистики // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 30–31 октября 2019 г.). – М., Пенза, 2019. – С. 251 – 255.

206. Цицинов А.Ю. Использование универсальной композиционной схемы «этнос – логос – пафос» в текстах военной журналистики (на примере сетевого издания «Армейский стандарт») // Казанская наука. 2019. № 2. – С. 59 – 61.
207. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. ИмPLICITное соперничество двух держав: способы отражения в креолизованных текстах военной журналистики // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы X Международной научно-практической конференции. отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. Москва – Пенза, 2021. – С. 214 – 218.
208. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Интервью в дискурсивном аспекте в современной военной журналистике // Mass-media. Действительность. Литература. Сборник статей. Под редакцией Е.Н. Брызгаловой, А.М. Бойникова; Тверской государственный университет, Кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью. Тверь, 2019. – С. 161 – 166.
209. Шуйская Ю.В., Цицинов А.Ю. Лингвистические средства введения объекта в информационное поле на материале дискурса военных медиа // Филология: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 16 – 22.
210. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Синтаксическая изосемия и ее отсутствие в текстах военной журналистики // Казанская наука. 2019. № 2. – С. 62 – 64.
211. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Традиции построения протоимиджа «царя» на примере текстов о военных походах смутного времени // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 14. – С. 166 – 167.
212. Чанкаева Д.С. Печать Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – Ставрополь, 1999. – 248 с.

213. Чеклецов В.В. Чувство планеты (Интернет Вещей и следующая технологическая революция). – М.: Российский исследовательский центр по Интернету Вещей, 2013. – 130 с.
214. Чертков Л. Н., Чертков Л. Н. «Северные цветы» [1825—1831] // Краткая литературная энциклопедия — М.: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 6. – С. 715 – 716.
215. Шаклеина ТА. Внешняя политика США: консенсус между правительством и общественностью // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 11. – С. 54 – 68.
216. Шуйская Ю.В. Динамика риторической диспозиции от античности до наших дней. // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А. – С. 301 – 310.
217. Шуйская Ю.В. Композиция и структура речи. – М: издательство РУДН, 2015. – 219 с.
218. Шуйская Ю.В. Структура текста в интернет-формате (на примере интернет-версии журналов «9 месяцев» и «Мама и малыш») // Социально-гуманитарная серия научно-методического журнала «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс». – Пенза, 2014. – С. 381 – 384.
219. Шуйская Ю.В. Структура эффективного выступления: теория и практика // Социально-гуманитарная серия научно-методического журнала «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс». - № 6, 2015. – Т. 3. – С. 276 – 280.
220. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVII. – СПб: Семеновская типография, 1899. – 527 с.
221. Энциклопедический словарь экономики и права. – М.: Дашков и Ко, 2008. – 568 с.
222. Эрлихман В. Режиссер на театре военных действий // Электронный ресурс <https://rg.ru/2017/05/10/rodina-vasilij-nemirovich-danchenko.html>
Дата обращения 10.8.2021

223. Юрлова А.В. Становление российской военной журналистики // Электронный ресурс <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016-zhurnalistika-v-sovremennom-media/1/jurlova.pdf> Дата обращения 11.08.2021
224. Anisimov R.Y. The newspaper headline in the digital reality: from “hook” to text surrogate // XXIII International Conference “Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research” named after professor L.N. Kogan. 19-21 March, 2020. – Yekaterinburg, 2020. – PP. 231 – 235.
225. Merriam-Webster Dictionary // Электронный ресурс: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> Дата обращения 10.09.2019
226. Montefiore S.S. Speeches that changed the world. Cambridge: Cambridge Editorial Partnership, 2010. 224 p.
227. Peck M. From Russia with Bullets: Why U.S. Special Forces Want Russian Machine Guns // Электронный ресурс <https://nationalinterest.org/blog/buzz/russia-bullets-why-us-special-forces-want-russian-machine-guns-32956> Дата обращения 24.10.2019
228. Sensor Tower Blog Top Social Media Apps Worldwide for January 2020 by Downloads Электронный ресурс: <https://sensortower.com/blog/top-social-media-apps-worldwide-january-2020>. Дата обращения 25.11.2019.